

**GARAŞSYZ, BAKY BITARAP
TÜRKMENISTANYŇ
DÖWLET SENASY**

Türkmenbaşyň guran beýik binasy,
Berkarar döwletim, jigerim-janym.
Başlaryň täji sen, diller senasy,
Dünýä dursun, sen dur, Türkmenistanym!

Janym gurban saňa, erkana ýurdum,
Mert pederleň ruhy bardyr köňülde.
Bitarap, garaşsyz topragyň nurdur,
Baýdagyň belentdir dünýäň öňünde.

Gaytalama:

Türkmenbaşyň guran beýik binasy,
Berkarar döwletim, jigerim-janym.
Başlaryň täji sen, diller senasy,
Dünýä dursun, sen dur, Türkmenistanym!

Gardaşdyr tireler, amandyr iller,
Owal-ahyr birdir biziň ganymyz.
Harasatlar almaz, syndyrmaz siller,
Nesiller döş gerip gorar şanymyz.

Gaytalama:

Türkmenbaşyň guran beýik binasy,
Berkarar döwletim, jigerim-janym.
Başlaryň täji sen, diller senasy,
Dünýä dursun, sen dur, Türkmenistanym!

Arkamdyr bu daglar, penamdyr düzler,
Ykbalym, namysym, togabym, Watan!
Saňa şek ýetirse, kör bolsun gözler,
Geçmişim, geljegim, dowamym, Watan!

**GADYMY MARGIANA
DÜNÝÄ SIWILIZASIÝASYNYŇ
TÄZE MERKEZIDIR**

*Halkara ylmy maslahatyň nutuklarynyň gysgaça beýany
Sanjar aýunyň 14-16-y*

**ANCIENT MARGIANA
IS THE NEW CENTRE
OF THE WORLD CIVILIZATION**

*Materials of the International Scientific Conference
14-16 November*

**ДРЕВНЯЯ МАРГИАНА —
НОВЫЙ ЦЕНТР МИРОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

*Материалы Международной научной конференции
14-16 Санджар*

MARY - 2006

**Türkmenistanyň Medeniýet
we teleradioýaýlymlar ministrliği**
Türkmenistanyň Milli medeniýet «Miras» merkezi
**Türkmenistanyň Ministrler Kabinetiniň
ýanyndaky Taryh instituty**
Mary welaýat häkimligi

**GADYMY MARGIANA
DÜNYÄ SIWILIZASIÝASYNYŇ
TÄZE MERKEZIDIR**

**Halkara ylmy maslahatyň
nutuklarynyň gysgaça beýany**

Mary
2006 ý. Sanjar aýynyň 14 — 16-sy

Türkmenistanyň Prezidenti
Beýik Saparmyrat Türkmenbaşyň
2006-njy ýylyň Türkmenbaşy aýynyň 21-ne
«GADYMY MARGIANA DÜNYÄ
SIWILIZASIÝASYNYŇ TÄZE MERKEZIDIR»
atly Halkara ylmy maslahaty geçirmek hakynda
çykaran № 7717 karary esasynda neşir edilýär.

**«GADYMY MARGIANA DÜNYÄ
SIWILIZASIÝASYNYŇ TÄZE MERKEZIDIR»**
atly Halkara maslahaty taýýarlamak we geçirmek baradaky

GURAMAÇYLYK TOPARY:

Beýik Saparmyrat TÜRKMENBAŞY — Baýlyk

G.Berdimuhammedow — başlygyň orunbasary
E.Ataýewa
A.Mämmetgeldiýew
W.Sarianidi
R.Meredow
G.Melekeýew
B.Kelow
M.Yslamow
B.Baýryýew
A.Berdiýew
A.Garaýew
A.Aşyrow
M.Mämmedow

«Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir» atly halkara ylmy maslahata gatnaşyjylara

Hormatly halkara ylmy maslahata gatnaşyjylar!
Gadyrly myhmanlar!

Adamzat taryhynda öçmejek yz galdyran, ynsan kowmunyň baý medeni ojagynyň Watany, beýik galkynyşlaryň sallançagy, ägirt uly ösüşleriň merkezi bolan we ýaňy-ýakynda özüniň Garaşsyzlygynyň şanly 15 ýyllygyny bellän Türkmenistana hoş geldiňiz! Men sizi «Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir» atly halkara ylmy maslahatyň öz işine başlamagy bilen tüýs ýürekden gutlaýaryn.

Zeminiň dürli döwletlerinden iň abraýly hünärmenler bu gün ýene-de dünýä medeniýetiniň ösüşine saldamly goşant goşan gadymy siwilizasiýalaryň ýurduna geldi. Biziň eýýamymyzdan öňki üçünji müňýyllykdan başlap, Altyndepe, Margiana, Parfiýa we beýleki gadymy döwletler öz döwründe Aziýanyň merkezindäki ägirt uly sebitiň syýasy, ykdysady we medeni durmuşyna, Gündogar bilen Günbataryň, Demirgazyk bilen Günortanyň arasyndaky gatnaşyklara örän uly täsirini ýetiripdir.

Gadymy döwürlerden bäri türkmen topragy beýik söwda ýollarynyň özboluşly çatrygynda ýerleşipdir. Munuň özi ösen türkmen medeniýetiniň dünýäniň dürli halklarynyň medeniýetine täsir etmegine şert döredipdir. Şol bir wagtyň özünde dünýä halklarynyň medeniýeti hem türkmeniň medeni mirasynyň has baýlaşmagyna täsir edipdir.

Hormatly myhmanlar!

Bu gün Size Mary welaýatyndaky Goňurdepe taryhy ýadygärliginde Garaşsyzlyk ýyllary içinde geçirilen giň möçberli arheologiki gazuw-agtaryş we barlag işleriniň netijesi we ähmiýeti bilen giňden tanyşmaga mümkinçilik döredilýär. Siziň Türkmenistanyň dünýä taryhyndaky ornuna ylmy maglumatlar esasynda düýbünden täzeçe baha berjekdigiňize çyn ýürekden ynanýaryn. Bu babatda siziň paýyňyza aýratyn jogapkärçilik düşýär.

Biziň taryhy hakydamyz bu biziň döwletimiziň binýadydyr, şonuň üçin hem biz yaş nesli edermen ata-babalarymyzyň bahasyna ýetip bolmajak ruhy-medeni mirasyna hormat goýmak we buýsanmak ruhunda terbiýeleýäris.

Siziň öňüňizde biziň gadymy taryhymyzyň nämälim sahypalarynyň ençemesini açmak, Murgap derýasynyň kenaryndaky hasylly ýerlerde mekan tutan we iň gadymy döwlet gurluşlarynyň birini we onuň paýtagty Goňurdepäni döreden ilkinji ekerançylaryň ýokary derejede ösen siwilizasiýasy barada giňişleýin gürrüň etmek wezipesi durýar.

Biz arheologlaryň, taryhçylaryň, gadymy binalary rejeleýjileriň alyp barýan işlerine ýokary baha berýäris. Biziň taryhy ýadygärliklerimiziň birnäçesiniň, şol sanda Gadymy Merwiň täsin ýadygärlikleriniň hem ÝUNESKO-nyň «Bütindünýä mirasy» sanawyna girizilmegi dürli ýurtlaryň alymlarynyň Türkmenistanda, hususan-da, ýitip ýok bolup giden siwilizasiýalaryň yzlarynyň örän köp saklanyp galan ýeri bolan Mary welaýatynyň çäklerinde alyp baran köp ýyllyk hyzmatdaşlygynyň anyk netijesi boldy. Biziň ýurdumyzda türkmen halkynyň taryhy-medeni gymmatlyklaryny öwrenmek, gorap saklamak we wagyz etmek işi bilen

Türkmenistanyň Medeniýet we teleradioýaýlymlar ministriliginiň ýörite edaralary, Milli medeniýet «Miras» merkezi, ýokary okuw mekdepleri we ylmy-barlag institutlary meşgullanýar. Biz Milli muzeý we Şekillendiriş sungaty muzeýi üçin ajaýyp häzirkirki zaman binalaryny gurduk, olarda arheologlaryň Türkmenistanda köp ýyllaryň dowamynda geçiren gazuw-agtaryş işleri wagtynda tapylan, gadymy ussalaryň ýasan bahasyna ýetip bolmajak eserleri saklanýlar. Biziň ýurdumyzda alnyp barylýan arheologik barlaglaryň ýokary netijelerini göz önünde tutmak bilen, biz ýakyn wagtlarda aýratyn muzeý binasyny gurarys, onda Marguşyň we Nusawyň, Dehistanyň we Köneürgenjiň, Sarahsyň hem-de ýurdumyzyň beýleki köp sanly taryhy şäherleriniň we ýadygärlikleriniň iň gowy tapyndylary ýerleşdiriler.

Hormatly halkara ylmy maslahata gatnaşyjylar!

Gadyrly myhmanlar!

Siziň halkara ylmy maslahatdaky çykyşlaryňyzyň diňe bir Türkmenistanda däl, eýsem daşary ýurtlardaky kärdeşleriňiziň arasynda we dünýäniň ylmy jemgyýetçiliginde hem giň seslenme döretjekdigine ynanýaryn.

«Gadymy Margiana dünýä siwilizasiýasynyň täze merkezidir» atly halkara ylmy maslahatyna gatnaşyjylara netijeli işlemegi, berk jan saglygyny, her biriňiziň maşgala ojaklaryňyza bolsa abadançylygy, alyp barýan ylmy işleriňizde täze üstünlikleri arzuw edýärim.

Täze açýşlaryň hazynasy bolan gadymy Margiana hoş geldiňiz! Mukaddes Ruhnamaly halkyň ynsanperwerligi we ruhubelentligi sizi ajaýyp işlere has-da ruhlandyrar diýip umyt edýärim.

Bagt we üstünlik siziň hemraňyz bolsun! Ylmy barlaglaryňyzda ylham ýar bolsun!

Ruhuňyz belent bolsun!

**Türkmenistanyň Prezidenti
SAPARMYRAT TÜRKMENBAŞY**

TÜRKMENISTAN — GADYMY GÜNDOGAR SIWILIZASIÝASYNYŇ MERKEZI AZIÝA OJAGY

W.I.SARIANIDI

(Russiýa — Türkmenistan)

Dünýäniň dürli ýurtlaryndan belli alymlaryň gatnaşmagynda şunuň ýaly uly halkara ylmy maslahatyň Garaşsyz, Baky Bitarap Türkmenistanda geçirilmegi çuň kanunalaýyklyga eýedir. Birinjiden, soňky ýyllar bu ýerde dünýä ylmyňyň şöhlendirjek şeýle uly wekilçilikli duşuşyklary geçirmek üçin ähli zerur şertler döredildi: iň ýokary derejeli myhmanhanalar, iň häzirkî zaman tehnikalary bilen enjamlaşdyrylan maslahat zallary guruldy, esasy zat bolsa bahasyna ýetip bolmajak arheologiki tapyndylar – daşary ýurtly myhmanlaryň ünsüni çekjek zatlar Türkmenistanyň Milli muzeýi we Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy adyndaky Şekillendiriş sungatynyň muzeýi üçin döredilen ajaýyp köşkleriň sütünli zallarynda synlamak üçin indi elýeterli. Ikinjiden, Türkmenistanyň Baştutany Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy ynsanperwer ylymlar boýunça maslahatlary her ýyl geçirmegi däbe öwürmegiň tagallaçysy bolup çykyş etdi. Olaryň üçüsi gös-göni Türkmenistanyň arheologiki we taryhy-medeni ýadygärliklerine dahylly boldy: olaryň biri gadymy dünýä ak bugdaýynyň dânesiniň Änewden tapylmagyna, ikinjisi Soltan Sanjar eýýamyna, üçünjisi bolsa Köneürgenjiň gadymy mirasyna bagyşlandy.

Ine, indi bolsa Mary welaýatynda ýerleşýän Goňurdepede geçiren biziň barlaglarymyzyň netijeleri bilen halkara jemgyýetçiligini tanyşdyrmaga, täze açylan arheologiki tapyndylaryň delilleriniň üsti bilen bolsa dünýä taryhynda gadymy Türkmenistanyň ornuny kesgitlemäge nobat gelip ýetdi.

Maňa meşhur Marguş ýurdunyň açylyşyna we barlaglaryna gönüden-göni gatnaşmak bagty miýesser etdi. Şu gün men ilkinji nobatda biziň işimize uly üns berýändigini, bu sahy toprakda baş müň ýyldan bäri höküm sürýän türkmen ruhunyň egsilmez çuňluguny bütin dünýä açyp görkezmekde bahasyna ýetip bolmajak goşandy üçin çuňňur hormatlanylýan Saparmyrat Ataýewiç Nyýazowa tüýs ýürekden minnetdarlyk bildirýärin. Bularyň ählisi barada mukaddes Ruhnamada ussatlyk bilen beýan edilipdir.

Häzirkî wagtda Garagum çölüniň çägelileriniň jümmüşinde ýitip giden Murgabyň gadymy akymyny özleşdirmäge synanyşyklar eneolit döwründäki (b.e. öňki IV

müňýyllyk) günorta Türkmenistanyň ýerli taýpalaryna degişlidir, ýöne olar, gynansakda, şowsuz bolup çykyppy. Şonuň üçin b.e. öňki III müňýyllygyň soňky asyrlaryna çenli şeýle synanyşyklar edilmändir.

Soňky synanyşyk (öňkülere garanynda has şowly synanyşyk) has giçki eýýama-akkad döwrüne (b.e. öňki 2250-2000 ýý.) degişlidir. Murgap derýasynyň öz akymyny tebigy ýagdaýda üýtgetmegi bilen baglanyşyklylykda, has dogrusy günbatara tarap üýtgemegi bilen baglanyşyklylykda ilat bu ýerlerden b.e. öňki II müňýyllygyň ortalarynda göçüpdir. Geçen müň ýyla golaý wagtyň içinde Murgabyň gadymy hanasynyň giňişliginde Mouru ýa-da Marguş gadymy ýurdy emele gelýär we gülläp ösýär, ol ýurt Mesopotamiýa bilen Hind derýasynyň arasyndaky aralyk çägi eýelän, indi mälim bolmagyna görä, bütin ýakyn Gündogaryň ykdysadyýetinde, şeýle hem medeniýetinde möhüm orny eýeleýär.

Köp sanly ägirt uly köşkler, belent ymaratlar, şa gonamçylygy, iň baý gonamçylyklar, gadymy sungat eserleri özläriniň ähli geň galdyryjy täsinlikleri bilen bu ýerde ozal mälim bolmadyk dünýä medeniýetiniň gadymy merkeziniň bolandygyna ynandyryjylyk bilen şaýatlyk edýärler. Ol «Merkezi Aziýa» diýlip atlandyrmagyň hakyky hukugyna eýedir. Şular ýaly maglumatlara eýe bolmak bilen biz: eger Margianada ýazuw haty bolmadyk hem bolsa, Margianany b.e. öňki III-II müňýyllygyň «siwilizasiýasy» diýip atlandyryp bilerismi diýen sowalyň meselesine has ýakynlaşýarys. S.Renfrýunyň pikiri boýunça siwilizasiýa şulary göz önünde tutýar: 1) durmuş stratifikasiýasy; 2) hünärment senetçiligi; 3) köşklerde we ymaratlarda ýa-da şäher obşinasyndada esaslandyrylan hemişelik merkezi guramaçylyk (Renfrew, 1973). Başgaça aýdylanda, şunuň ýaly abraýly hünärmeniň pikirine görä, «siwilizasiýany» kesgitlemek üçin ýazuw haty hökmäny şert bolup durmaýar.

Margiananyň köşkleri we ymaratlary ýaly ägirt uly desgalaryň gurluşyklarynyň birnäçe müňlerçe, hat-da millionlarça kerpiji talap edendigini hem belläliň (ol kerpiçleri taýýarlamak, günün gyzgynyna guratmak we gurluşygyň gidýän ýerine daşamak hem gerek bolandyr ahyryn), gurluşyga gözegçilik we onuň hasaby üçin şeýle zerur bolan ýönekeý «hasap hat ýazuwyny» peýdalanmazdan bu işleri amala aşyrmak asla mümkin däldir. Demirgazyk Goňuryň köşkləriniň esasy derwezelerinden tapylan palçykdan ýasalan tokenler (hasapdaşlary) hem muňa subutnama bolup hyzmat edýär, olar her näme-de bolsa şuna meňzeş maksatlar üçin peýdalanylýan bolsa gerek.

Şumerleriň hatynda oýulup ýazylan silindr şekilli möhürleriň tapylmagy, şonuň ýaly möhürleriň gadymy hindilerde bolmagy Marguş ýurdunyň b.e. öňki III müňýyllygyň ahyrynda — II müňýyllygyň birinji ýarymynda kypapda möhürleri ulanmagy Ýakyn Gündogar sebtinde dünýä medeniýetiniň ýene-de bir merkezine wekilçilik edip, ajaýyp orny eýeländigine hiç hili şübhä ýer goýmaýar.

Soňky onýyllygyň taryhy, edebi we dil maglumatlarynyň umumy jemi Awestanyň gelip çykyşynyň Merkezi Aziýanyň peýdasyna ýeterlik ynandyryjylyk bilen şaýatlyk edýär. Öz nobatynda häzirkki Türkmenistanyň gündogarynda soňky 35 ýylyň dowamynda geçirilen köpýyllyk zygiderli, esasy zat bolsa iri möçberli arheologiki barlaýar netijesinde gündogar Garaşumda ozal könbir mälim bolmadyk Marguş ýurdy açyldy, bu açyş otparazlyk dininiň watanynyň hem Merkezi Aziýanyň, hususan-da Margiananyň (beýleki Merkezi Aziýa welaýatlary arheologiya babatynda heniz

gowşak öwrenilendir) bolandygy hakyndaky täze nazarýeti öňe sürmäge we esaslandyrmaga mümkinçilik berýär.

Margiana ýurdunyň gadymy taryhyň ajaýyp dini sahypalaryny özünde jemläp, dünýä dininiň — otparazçylygyň logiki dowamyny özünde subut edýändigini indi mälim bolup galýar.

Bu meseläniň tutuşlygyna jedelli bolup galýandygyna garamazdan, hünärmenleriň aglaba köplügi aýgytlylyk bilen zaratuştranyň hindieýranlylara garanynda margianalylaryň önümi bolup durýandygyny nygtaýarlar, sebäbi hindieýranlylar asyrlar boýy Merkezi Aziýanyň egsilmez giň sähralarynda göçüp-gonup ýörüpdirler. Şeýle hem, her bir otparaz üçin mukaddes bolan Awesta kitabynyda otparazlar üçin esasy işiň ekerançylyk bilen meşgullanmak we yhlaslylyk bilen ýeri işläp taýýarlamak bolandygy hakynda hem aýdylýar. Bu habary özüme nähili ýokary auditoriyadan habar bermek paýynyň düşendigine aýdyň hasabat bermek bilen otparazçylyk meselesiniň dil we dini-pelsepe jähtlerini aradan aýyryaryn. Arheolog hökmünde men arheologiki subutnamalara ýygyn etmäge, bil baglamaga çalşaryn. Bu habaryň esasy maksady otparazçylygyň gelip çykyşynyň köne nazarýetinden boýun gaçyrmakda jemlenmän, eýsem ozal dünýä ylmyna diýseň mälim bolmadyk hakyky maglumatlara esaslandyrylan täze subutnamalary getirmekden ybaratdyr, ol maglumatlar, esasan, Margiananyň arheologiki gazuw-agtaryş işlerinden gelip çykýar.

HINDIÝEWROPALYLAR WE HOJALYK ATLARY

Hindiýewropalylary kesgitlemek üçin hojalyk atlaryň esasy ölçeg serişdesi bolup durýandygyny hasaplaýan hünärmenleriň bu meselä nähili orun we ähmiýet berýändigini hemmelere mälimdir, munuň özi ylmy edebiyatda giden bir ummany döretdi, ýöne hindiýewropalylar meselesini çözmekde hiç-hili öňegidiligi döretmedi. Dereýewkede hojalyk atynyň tapylandygy hakyndaky açyşyň nähili gopgun döredendigini hem ýatlamak ýeterlikdir, ol iş ýüzünde skif döwrüne degişli bolup çykdy.

Häzirkki wagtda Margiananyň Demirgazyk Goňur gadymy ýadygärliginde alty sany atyň galyndylary ýüze çykaryldy. Olaryň biri Goňurdaky gadymy gonamçylykda (kellesi we guýrugy kesilen ýagdaýda) jaýlanypdyr, beýleki ýaş at kerpiçden salnan aramgähiň içinde jaýlaýyş keramikasynyň gurşawy bilen iki sany boýun-bezegi bilen jaýlanypdyr. Aramgähiň gapdalynda sadakany amala aşyrmak üçin dini döp-dessur peji gurlupdyr. Şunuň bilen baglanyşyklyda Awestada şalaryň we gahrymanlaryň (Boyce, 1989, P.151) sadaka bermek üçin gurban edýän haýwanlarynyň arasynda at zygiderli ýatlanyp geçilýär, bu ýagdaý Goňuryň şa gonamçylygynda atyň jaýlanmagy bilen hiç-hili deňeşdirmäni getirip bolmajakdygyna ýokary derejede şaýatlyk edýär.

Üç sany hojalyk aty abraýly we şa mazarlarynyň birinde gabat geldi (jaýlanýş № 3200), ýogsam-da ýene-de bir ýaş at beýleki gurban edilen haýwanlar bilen birlikde onuň daşynda jaýlanypdyr (№ 3310). Mundan başga-da, şa mazarynda üç sany dört tigirli araba ýa-da iki tigirli söweş arabalaryna gabat gelindi, olaryň tigirleri ýörite berkidişi sime eýe däldirler. Tigirler açaç germewler bilen berkidilip ýasalypdyr.

Alnan maglumatlara salgylanaňda, şa gonamçylygynda ýüze çykarylan atlar b.e.öňki III müňýyllygyň soňky asyrlaryna degişlidir, şol bir wagtyň özünde ýokarda

ýatlanylýp geçilen aramgähde ýüze çykarylan ýaş at birneme soňra – b.e.öňki III — II müňýylyklaryň sepgidinde jaýlanandyr. Baktriýanyň, Margiananyň we Elladanyň бүрүнç gurşawlary ýokary derejede biri-birine düzümi boýunça örän meňzeşdir. Bu önümleriň biri-birine meňzeş bolmagy olaryň bir ussany elinden çykandygy hakyndaky pikiri döredýär. Şeýlelik bilen, Margiananyň, Baktriýanyň we Elamyň atlarynyň tutuş Gadymy Gündogaryň iň irki döwürde eldekileşdirilen atlaryň biri diýip hasaplamaga degerli subutnamalar bar. Şeýlelikde, Günorta Türkmenistanyň ilkinji eldekileşdirilen atlaryň watanydygyny bellemek bolar. Türkmen halky bolsa bu däbi müňýylyklaryň dowamynda kämilleşdirip, ajaýyp ahalteke atlaryny ýetiştirip bilipdir.

YBADATHANALAR

Iň soňky döwre çenli Margianada dört sany ybadathana (Demirgazyk Goňuryň ot ybadathanasy, Goňuryň temenos (mukaddes meýdan) ybadathanasy, Togalak-1 we Togalak-21 ybadathanalary) gazylyp tapyldy, olar oda we soma-haoma içgisine bagyşlanan özbaşdak ägirt uly ymaratlardyr. Iň soňky ýyllardaky iri möçberli gazuw-agtaryş işleri Demirgazyk Goňurda tutuş Merkezi Aziýa üçin birnäçe içerki ybadathana toplumly köşkleriň dini döp-dessurlaryň ägirt uly toplumynyň binalaryny ýüze çykardy. Bu toplumlaryň hiç biri özüniň goranyş diwaryna eýe däldirler, tersine olaryň ählisi öz aralarynda umumy dälizler bilen birleşdirilendir, şonda olaryň dürli hudaýlara bagyşlanandygyny anyklamak hem bolýar.

Awestada ybadathanalaryň ýatlanylmaýandygyna eýýäm bir wagt mundan ozal üns çekildi, şonuň üçin M.Boys tarapyndan bir manyly netije çykarylypdy. Oňa görä otparazlar parfiýa-sasanid döwrine çenli aslynda ybadathanalary bilmändirler, olar özlerniň hudaýa çokunmak işlerini boş, açyk meýdanda geçiripdirler. Emma, eýýäm akademik M.Dandamaýew we W.Lukonin b.e.öňki I müňýylygyň başyna degişli bolan Depe Nuş-i-Jan ot ybadathanasynyň, ol ybadathananyň hem assiriý ýyl ýazgylarynda ýatlanylmaýandygyna ünsi çekýärler. Bu barlagçylar «hüzire çenli mälim bolan bu iň irki ybadathana binasynyň heniz Zoroastranyň özgertmelerine çenli bolandygyny» gös-göni görkezýärler (Dandamaýew we Lukonin, 1980,sah 90), munuň bilen dolulygyna ylalaşmak gerekdir.

Bu çylşyrymly we adatdan daşary düýpli meselä B.A. Litwinskiý we I.Piçikýan) aýratyn uly üns berýärler (2000,sah.242-247), eýýäm b.e. öňki II müňýylygyň ortalarynda Jarkutanyň ägirt uly ymaratynyň özboluşly ybadathana eýe bolandygyny doly ynandyryjylyk bilen subut edilýär.

Şeýle hem Awestada hiç ýerde köşkler ýatlanylmaýar, ýogsam şeýle köşklerniň biri ýaňy-ýakynda Demirgazyk Goňuryň binagärlik toplumynyň merkezinde gazylyp tapyldy. Margianada hem uly bolmadyk, ülke köşkleri bolupdy (mysal üçin, Aýguý köşgi). Bu maglumatlaryň ählisi ägirt uly dünýewi ymaratlaryň bolandygyna hiç hili şübhä ýer goýmaýar.

Gadymy Marguş ýurdunda tapylan ähli tapyndylaryň otparazlyk we köphudaýlyk (butparazlyk) döwürlerine çenli degişlidigini, Zaratustranyň bu desgalary ýatyan bolmagynyň (mysal üçin, çaklanylyşy ýaly, dini döp-dessuryň soma-haoma içgisi üçin) ahmaldygyny göz önünde tutmak gerek. Emma munuň üçin heniz gös-göni arheologiki maglumatlar ýok. Tersine, Marguş ýurdunyň ýadygärlikleriniň gazuw-

agtaryş işleri netijesinde bize mälim bolan köphudaýlyk dini döp-dessurlarynyň köpdüginde, otparazlyk dininiň dowam edýändigine geň galmak galýar. Otparazlyk dessuryňa çenli bu döp-leriň köpasyrlyk ýaşayşyndan bize netije çykarmak galýar, olary Zaratustra özgertdi we öz taglymatyna goşdy.

SOMA-HAOMA YBADATHANALARY

Häzirki wagtda soma-haoma meňzeş lezzet beriji içgä bagyşlanan üç sany ybadathana mälimdir. Olaryň tutuş Margiana sebitindäki iň irkisi (b.e. öňki III we II müňýylyklaryň sepgidi) 2006-njy ýylyň ýazynda Demirgazyk Goňuryň günorta-gündogar tarapyndaky şa gonamçylygynyň gapdalyndan tapyldy. Onuň toplумыň diwarynyň daşky aýlama çäklerinden daşynda ýerleşmegi, belkem, tötänden däldir. Başgaça aýdylanda, köşk-dini döp-dessurlaryň toplumlarynyň haçanda aýlawly diwarlary dikeldilende bu ybadathana onuň içine girizilmändir we daşynda galypdyr.

Bu uly bolmadyk ybadathana, özüniň gurluşy boýunça «dälizlerden sowulma howly» yörelgesini özüde jemleýär, onuň jaýlarynyň birinde birnäçe iri gap-gaçlara gabat gelindi, olar galyň gips bilen örtülipdir, ol jaýyň poluna çenli gidýär, şeýlelik bilen olarda içindäki suwuklyklaryň (takmynan haomanyň) daşynda dökülmezligine päsgelçilik döredilipdir. Ymaratyň beýleki otaglary hem gips bilen suwalan pola eýedirler. Bu ýerde haýwanlaryň, gurbagalaryň we balyklaryň şekiljikleri ýelmenen dini döp-dessur gaplarynyň bölejiklerine gabat gelindi. Tutuş bu jaýyň umumy durky we tapyndylaryň toplумы boýunça garalyp geçilýän ymaratyň soma-haoma görnüşli lezzet beriji içgini taýýarlamak işleri bilen baglanyşykly uly bolmadyk ybadathanajygy özüde jemleýär diýen netijä gelmek bolar.

Döwri boýunça indiki uly bolmadyk ybadathana Goňur temenosynyň (mukaddes meýdanynyň) çäginde ýerleşipdir. Ilkibaşda onda, ähli görnüşi boýunça, Ot ybadathanasy ýerleşipdir, muňa ataşgäh meýdanynyň gapdalynda ýerleşen «mukaddes külüň tegelek ammary» hem şaýatlyk edýär. Bu ymaratyň merkezi bölegini hem «dälizleriň öwrümindäki howly» düzýär. Bu ýerde dini döp-dessurlary geçirilipdir, olaryň arasynda esasy orny dini dessur içgisini içişlik däbi eýeläpdir. Muňa subutnama bolup birneme soňra gurulan «ak otaglar» hyzmat edip bilerler (№ 137 otag), ol ýerde hem soma-haoma içgisini taýýarlamak işi geçirilipdir.

Bu ýerde tapylan tapyndylaryň arasyndan tutuş «keramikadan ýasalan äberilýän zadyň aşagyna goýulýan enjamlar» tapawutlandyrylýar, olar gös-göni soma-haomany taýýarlamagyň barşy bilen baglanyşyklydyr (ol içgiler merhum professor H.Meýer-Melikýanyň kesgitlemegi boýunça kenebiň agdyklyk etmegi bilen taýýarlanypdyr), şeýle hem dürli zatlaryň şekiljikleri ýelmenen dini döp-dessurlarynyň gap-gaçlarynyň bölekleri tapawutlandyrylypdyr. Ýarym aýlawly ortasy oýulan gaty daşyň tapyndysy hem tapawutlanypdyr, onuň kömegi bilen humarly içgiler taýynlanýan ösümlükler syklypdyr.

Temenosyň (mukaddes meýdanyň) galan ähli içerki çägi adaty içki durmuş jaýlary bilen gurşalandyr (ýaşayş öýleri we hojalyk jaýlary) we adamlaryň ýaşayan ýeri bolup hyzmat edýändir, olaryň bütin ömri temenosa (mukaddes ýere) hyzmat etmek bilen baglanyşyklydyr. Olaryň jaýlarynda 30-dan gowrak gap-gaçlara we legenjilere gabat gelindi, olaryň içi galyň gips bilen suwalandyr, abatlaýyş suwag serişdeleriniň arasynda uly mukdarda gazylyp alynýan kenep ýüze çykaryldy. Mälim bolşy ýaly,

alkoloid ösümlikleri ýakymсыz ysa eýedirler, olary aradan aýyrmak üçin ýörite gaplarda ezmek zerurlygy bolupdyr. Diňe şondan soň ol lezzet beriji içgini taýýarlamaga ýaramly bolupdyr, ol içgi Awestada Haoma, Rigwedde bolsa — Soma diýlip atlandyrylýar (Meýer-Melikýan, Sarianidi 1998).

Togalak-1 oba ybadathanasy, aýratyn hem «özboluşly» Togalak-21 ybadathanasy hem soma-haomany taýýarlamak bilen we şerap içmekligiň dini döp-dessury bilen baglanyşykly ybadathanalardyr. Bularyň ikisi barada hem ozal maglumatlar çap edildi, şonuň üçin olar jikme-jik beýan edilmeğine mätäçlik çekmeýärler. Diňe olaryň merkezi böleginiň «dälizleriň öwrümindäki howlynyň» ýörelgesi boýunça Goňur temenosyna (mukaddes ýere) meňzeş gurulandygyny bellemek gerek.

Merkezi jaýlaryň gapdalynda «ak otaglar» ýerleşýärler, olarda lezzet beriji içgini taýýarlamak işi möwç urupdyr, olaryň gips bilen suwulan ýerinde alkoloid ösümlükleriniň (efedranýň we kenebiň) gazylyp alynýan galyndylary, şeýle hem haş-haşyň (mak) tozgaýjy ýüze çykaryldy (Meýer-Melikýan, 1990, sah 203-205, Fig. CV-CVIII)

Togalak-21-iň «kafedral» ybadathanasynda gazuw-agtaryş işleri geçirilende soma-haoma içgisini taýýarlamak üçin zerur bolan artefaktlaryň ählisi diýen ýaly tapyldy. Efedra we köki gazylyp alynýan alkoloid ösümlüklerinden başga (şeýle hem uly mukdarda iri gap-gaçlar we «legenjikler» hem tapyldy, olarda ösümlükler ezilip, olaryň ýaramaz ysy aýrylypdyr) köp sanly daş gyrgyçlar, soky daşlar, «däne owradyjylar» tapyldy. Alnan içgiden alkaloid ösümlükleriniň şahajyklarynyň, baldaklarynyň galyndylaryndan arassalamak üçin ulanylan elejikler, süzgüçler, üstünde zat goýulýan gaplar, şeýle hem dürli şekiller ýelmenen gap-gaçlar we köp sanly beýleki zatlar Margiana ybadathanasynyň özboluşly toplumynyň üstüni ýetirýär, bu zatlaryň ählisi lezzet beriji içgini taýýarlamak üçin başlangyç materialyň tutuş gurallarynyň toplumyny döredýändigine hiç-hili şübhe döretmeýär. Dini döp-dessuryň berjaý etmek üçin ulanylýan gap-gaçlardaky jähekler we olaryň töweregindäki dürli şekiljikler gadymy döwrüň ussalarynyň paýhassyz fantaziýasy bolup durmaýarlar, olar gadymy marguşlylaryň arasynda giňden ýaýran we dini dessuryň soma-haoma içgisini taýýarlamak bilen baglanyşykly rowaýatlardan «sitalalary» ýa-da «konspektleri» özlerinde jemläpdirler.

Awestanyň ýazgylarynda haoma «Ölmez-ýitmez daragt» hökmünde çykyş edýär, ol agaç Worukaşa umlakynyň adasynda ösýär we mukaddes Kara balygy tarapyndan ene gurbagalardan we hažžyklardan (ýylan) goralypdyr, muny soma-haoma ybadathanalarynda gazuw-agtaryş işlerinde tapylan, dini dessurlary berjaý etmekde ulanylan gap-gaçlardaky ýollarda sanalyp geçilen terrakotdan ýasalan şekiljikler (gurbagalar, ýylanlar-hažžyklar, balyklar) bilen deňeşdirip bolar. Eger haoma içgisi guýulan şolar ýaly gaplary ýatlasaň, onda olar belli bir derejede tekiz suwy (deňiz nusgasyny) ýadyňa salar, onda gurbagalar we hažžyklar-ýylanlar ýüzüp ýörendirler, balyklar bolsa goraýjylar hökmünde şekillendirilendir, olar barada Awestada aýdylýar, balyklar aždaha ýylanlary we gurbagalary bu dünýä agajynyň kökünden kowýandyrlar. Munuň üstüne şolar ýaly dini dessurlaryň berjaý edilýän gaplarynda merkezi agaç (bakylyk daragty) hökmünde oýulan şekiliň şekillendirilendigini goşmak gerek, onuň iki gapdalynda hem geçiler durandyr, suwuklykdan doldurylan şolar ýaly gaplar Warukaşa meňzeş deňzi şekillendirýär.

Mälim bolşy ýaly, soma-haomany taýýarlamak we ony içmek oňparazlaryň hudaýa çokunmagynyň esasy bölegini düzýär, bu Margianada ýüze çykarylan, ýokarda mysal getirilen arheologiki ýagdaýlar bilen doly ylalaşyga laýyk gelýär. Soma-haomanyň ybadathanalary marguş ybadathanalarynyň uly bölegini düzýär.

DÄLIZLERIŇ ÖWRÜMINDÄKI HOWLY

Margiananyň ybadathanalaryndaky eýäm ýatlanylýp geçilen binagärlik toplumu «dälizleriň öwrümindäki howly» esasy meýilnamalaşdyryş ýörelgelerinden ybaratdyr, ol mydama ybadathananyň merkezinde ýerleşýär (Goňur temenosy, Togalak-1 we 21). Bu meýilnamalaşdyryş ýörelgesi Siriýadan gelip çykyldy diýlip hasaplanylýar (Habiba Kabira b.e. öňki IV müňýylyk), ol ýerden bolsa, ol Merkezi Aziýa we şol sanda gelmişek taýpalar bilen birlikde Margiana aralaşýar.

TAGÇALY DIWARLAR

Tagçaly diwarlar – bu iki gapdal tarapyndan dişli çarhly öýjük bilen rejelenen diwar deşikleridir. Döp bolşuna görä, olar jaýyň polundan 35-40 sm beýiklikden başlanýar we takmynan jaýyň potologyna çenli dowam edip biler. Tagçaly diwarlar aýratyn abraýly, agdyklyk bilen dini dessurlaryň berjaý edilýän jaýlarynda ýerleşdirilipdir, ýöne olar ataşgähler bolup durmaýarlar.

TAGÇALY YBADATHANALAR

«Tagçaly diwarlar» mydama jaýlaryň aralyklarynda ýerleşýärler we aýdyň dini dessuryň ähmiýetine eýe bolup, jedelsiz ýagdaýda belli binagärlik toplumynyň içerki bezegi bolup durýarlar. Iň irki tagçaly diwarlar Mesopotamiýada Tepe Gawrada mälim bolandyr (b.e. öňki IV müňýylyk), iň giçki bolsa Tepe Nuşi-Jan (Midiýa), olar b.e. öňki I müňýylyga degişlidirler. Mesopotamiýanyň Tell Brak ataşgähiniň «tagçaly diwar» şekiline eýe bolmagy ýokary derejede görkezmelidir, onuň iki tarapy uly bolmadyk ýarym sütünler bilen berkidilip, öňi basgançaklydyr.

Şunuň ýaly baş sany «tagçaly diwarly» ybadathana mälimdir, olaryň ikisi özaralarynda duran dini dessuryň pejini iki gapdaldan berkidýärler, mysal üçin, Demirgazyk Goňuryň ybadathanasyndaky ataşgäh ýaly (olar ol ýerde aýratyn duran ybadathanalarda ýerleşýärler). Gurluşy we içerki bezegi boýunça meňzeş ybadathanalar Godin depede, şeýle hem Tillyada (assir döwri) gazylyp tapyldy, olar b.e. öňki IV-III müňýylyklaryň sepgitlerine gabat gelýärler. Şolar ýaly ähli «täzelikler» Margiana gelmişek taýpalar bilen birlikde gelip düşendir, olary özleri bilen olar «binagärlik ýadygärligi» görnüşinde getiripdirler.

WARA

«Gala», «mülk» düşünjelerini aňladýan wara adalgasy eýäm bir wagtdan bäri arheologiki edebiyatda ulanylýp gelinýär. Ýadygärlik jähtinden bu dörtburçly berkitme Awestada hem ýatlanylýar. Emma, haçan-da günorta Baktriýada Daşly-3 «togalak ybadathana» gazylyp tapylanda professor B.Brentes bilen professor Yettmar

garaşsyz ýol bilen onuň inedördül däl-de, eýsem togalakdygy baradaky netijä geldiler, ol üç sany ugurly öwrümlü diwarly desgadyr. Olar ony Awestanyň Warasy bilen deňeşdirdiler. Bu taglymaty hindini öwreniji A.Tarpola hem goldady, ol «bu örän ýakynlygyň laýykdygyny» gös-göni belledi. Ol munuň bilen çäklenmän, bu meňzeşligiň üstüni Rıgwedanyň maglumatlary bilen ýetirýär, ol ýerde fort ýatlanýýar, ol hem üç sany togalak öwrümlü diwardan ybaratdyr.

Mundan hem öň professor J.Tuççi Daşly-3 şol nokadynda ýerleşen ikinji ägirt uly jaýy deňeşdirip görmek mümkinçiligini tapdy, ol ýerde hindieýranly hudaýlaryna täç geýdirmek dessury geçirilipdir. J.Tuççiniň pikirine görä, muňa subutnama bolup bu ägirt uly jaýyň dört gapdal tarapyň her biriniň ortasy boýunça otaglar ýerleşip, olar ägirt uly «T» harpyny emele getirendigi, olaryň jaýlarda diňe bir mandal görnüşinde ýerleşmän, eýsem haýsydyr bir ähmiýete eýe bolandygy hem durýar. Bu aýdylanlara «T» harpy görnüşindäki muňa meňzeş gurluşa demirgazyk Baktriýanyň Sappalydepe otaglarynda hem gabat gelendigini goşmak gerek, olaryň gurluşlarynyň we görnüşleriniň meňzeşligi hiç-hili şübhä ýer goýmaýar, olaryň arkasynda dini dăp-dessurlaryň umumylygy ýatyr.

Bu meselä ýaňy-ýaknyda I.M.Steblyn-Kamenskiý tarapyndan hem garalyp geçildi, ol ynandyryjylyk bilen Waranyň hakykatdan hem inedördül däl-de, üç aýlawly diwarly togalak jaýy aňladýandygyny, olaryň birinjisinde dokuz däliziň, ortakasynda –alty, soňkysynda bolsa – üç däliziň bardygyny görkezdi, bu onuň pikirine görä, Daşly-3 ybadathanasynyň arheologiki jähtine ýeterlik ýakyn gelýändir.

Her näme-de bolsa, Daşly-3 nokadyndaky iki sany ägirt uly ymaratyň hakyky ybadathanalar hökmünde gurulandygy häzirkî wagtda ikerjeňlenmäge ýer goýmaýar, ähli günorta Baktriýanyň ulgamynda bu ýer dini merkez hökmünde tapawutlanyp, belli bir derejä çenli Goňurdepäniň köşk-dini toplumyny ýatladýar.

ATAŞGÄHLER

Margiananyň ybadathanalarynyň ataşgähleri Awesta laýyklykda mydama belent bolman we «oturan adamyň gözünüň derejesindäki belentlikde ýerleşýärler» (0,5 m.uly bolmadyk belentlik). Ähli ýüze çykarylan ataşgähler iki sany esasy görnüşe – gönüburçly we tegelek görnüşlere bölünýärler. Olaryň ilkinjisi gönüburçly kamera görnüşli materikde oýulup, içi çig kerpiç bilen örtülendir we mydama üç kameradan (Goňuryň temenosy) dört kamera çenli (Demirgazyk Goňuryň ybadathanasynyň ataşgähi) we hat-da baş kamera çenli (Togalak-21) bir halkajyga çekilendir. Ähli zatdan görnüşine görä, şular ýaly gönüburçly ataşgählerde öçmeýän ýa-da başgaça aýdylanda «baky» ot ýanypdyr, oňa doga okapdyrlar ýa-da ol mukaddes ýer bolup hyzmat edipdir. «Ot agaçdan ýa-da daşdan bolan buta (idola) garanynda aýdyň we diri şekile eýe bolmak bilen, özüne çokunylmagyny has yeňil oýarmagy başarypdyr» diýip, M.Boýs örän adalatly belleýär (Boýs, 2003, sah. 103).

Mundan başga hem, eger Margiananyň ybadathanalarynda ýüze çykarylan ataşgählere üns berseň, onda mydama ataşgähler ybadathanalaryň içinde ýerleşýän hem bolsalar, ýöne mydama içki howlyda (Goňur temenosy) ýa-da «ýagtylyk guýularynda» (Togalak-21), ýagny, açyk asmanyň astynda ýerleşýändigini anyklamak bolýar. Gurluş şekili hemmelere mälimdir: ataşgähler ybadathanalarda ýerleşipdir, ýöne mydama (belent diwarly, belent jaýlaryň) howlularynda we hökman açyk

asmanyň aşagynda ýerleşdirilipdir. Umuman, otparazlara oda göni seretmek maslahat berilmändir we olar gözlerini ýummaly bolupdyrlar. Ýogsam-da, M.Boýs «Awestanyň gadymy böleginde hiç ýerde ýörite ýerde ýerleşdirilen oda hiç-hili salgylanmanyň bolmandygyna» çuňňur ynanypdyr, bu heniz hindieýropalylarda ataşgähleriň bolmandygyna şaýatlyk etmeýär.

Ataşgähleriň ikinji görnüşü tegelek, ýöne dürli görnüşli («uly» we «kiçi») görnüşli ataşgähleri suratlandyryýarlar, olar gurban bermek üçin niýetlenendirler (Togalak-21). Materikde galan uly ataşgäh (3m. çuňlukda) ortasynda uly bolmadyk ojaýy bilen ýarym ulgamlayn içerki tekizlige eýedir. Ataşgähiň gyrasynda goýlan etiň ýagly bölekleri gyzgyndan eräp, tebigy ýol bilen ataşgähiň açyk ulgamy boýunça aşaklygyna merkezi oja sarygýar, dökülýär, ol ýerde ýanýan kömürler bilen utgaşyp gidýär. Ot has hem çalt ýanýar we tüsse bilen birlikde ýokaryk asmana galýar. Togalak-21-iň ataşgähiniň ýarym ulgamlayn tekizliginden tapylan ýagyň «tegmiliniň» seljermesi onuň ýag konsistensiyasyna eýedigini anyklady. Bu seljerme Moskwanyň Döwlet uniwersitetiniň barlaghanasynda geçirildi. Ýag kömürler we ownuk şahly malyň süňkleri bilen garyşypdyr. Şu ýerde ataşgähiň girelgesiniň ýanynda şerbet içmegiň dini dăp-dessury üçin niýetlenilen, süňkden ýasalan turbajyk tapyldy. Bu deliliň özi köpsanly köp hudaýly Marguş ýurdunda «uly» ataşgähde gurban bermegiň we dini dessur boýunça şerbet içmegiň bolup geçendigini çaklamaga degerli esaslary berýär. Eger Demirgazyk Goňurda dini dessurlaryň iki kameraly peçleriniň köp mukdarynyň bolandygyny ýatlasak, olar gurban bermäge taýýarlyk üçin niýetlenendir, iň soňky döwürde Togalak-21 ybadathanasynda şuna meňzeş pejiň diňe biri tapyldy, bu ýagdaý dini dessurlaryň birleşmek we olary bir ataşgähde amala aşyrmak meýliniň göze ilýändigini aňladýar.

Togalak-21-däki ikinji ýa-da «kiçi» ataşgäh (açyk, ýarym ulgamlayn düýpsiz) tutuş kül bilen doldurylan we haýwanlaryň (goýun-geçi) süňkleri bilen garyşdyrylyp ýanan kül bolup çykdy. Haýwanlaryň gowrulan süňkleri soňra gadymy marguşlylar tarapyndan dini dăp-dessurlaryň maksatlary üçin, aýratyn hem jaýlamak dăp-dessurlarynda peýdalanylýpdyr. Soňky ýagdaý jikme-jiklige çenli antik awtorlarynyň (Onesikrit, Strabon) we XVII asyryň syýahatçylarynyň ýazgylarynda saklanypdyr.

PAWILER

Gönüburçly ataşgähleriň ýanynda goşa «platformalar» ýa-da başgaça aýdanynda «pawiler» ýerleşýärler, olar Rıgwedde ýatlanýýarlar. Olar özlerinde gönüburçly meýdançalary jemleýärler, olaryň diwarlary ilki başda ýarym metrlik belentlikden geçmeýärler. Şeýlelik bilen, bu jaýlaryň yokarsy açykdyr we «açyk asmanyň astynda» ýerleşýärler. Gadymkylaryň ynamyna görä, şular ýaly daşy germewli meýdançalarda but hudaý oturypdyr, olaryň hormatyna ataşgählerde ot ýakypdyrlar (Goňur temenosy, Togalak-21).

MUKADDES KÜLÜŇ AMMARY

Demirgazyk Goňuryň ot ybadathanasynyň has irki ataşgähleriniň eýýäm ýanynda, edil şonuň ýaly Goňur temenosynyň (mukaddes ýer) ataşgäh meýdançasynynda hem gazylan materikde (ýa-da tersine tekizlikde gurulan) ýörite çukurlaryň ýerleşmegi

gös-göni tötänlik däldir, olaryň içi çig kerpiçler bilen syrçalanandyr. Tegelek ýa-da gönüburçly çukurlar gömülen wagty olaryň içi arassa ak külden doldurylandyr. Şuňa meňzeş çukurlaryň anyk beýanyňyň üstünde B.A.Litwinskiý we I.Piçikýan durup geçýärler (2000, sah.337-340). «Mukaddes küňüň ammary» diýen şertli ada eye bolan şular ýaly sygymlar özlerinde jaýlama dessurynyň arassa küňüni saklapdyrlar, olary deslapdan ýörite elegiň kömegi bilen eläpdirler, soňra otparazlaryň ybadathanalaryna paýlapdyrlar. Mälim bolşy ýaly, küňüň döp-dessury otparazlykdan uly orny eýeleýär, sebäbi «küňü – ody boýun egdiriji» diýen aňlatma hem ýörgünlü bolupdyr. Küňü bolan aýratyn garaýyş otparazlygyň ot bilen baglanyşykly döp-dessurlarynda möhüm elementi düzüpdür. Hatda ot ybadathanalary hem küňüň toplanýan ýeri hökmünde kabul edilýär.

Şular ýaly dini döp-dessuryly ymaratlary taşlap gitmek bilen marguşlylar iň soňky pursatda ammarlaryň üstüni çig kerpiçler bilen berk bekläpdirler, olar muny ammarlaryň geljekde adamlar we haýwanlar tarapyndan dargadylmagyndan gaçmak üçin edipdirler.

DINI DÖP-DESSURLARYŇ IGI GATLY PEÇLERI

Sadaka iýmimini taýýarlamak üçin iki gatly (seýrek ýagdaýlarda üç gatly) peçler Demirgazyk Goňuryň köşk-dini ymaratlarynyň binagärliginiň häsiýetli tapawutlylygyny özünde jemleýärler. Olaryň ählisi bir görnüşlidir we içinden iki gata bölünendir, olaryň içinden göwrümi boýunça kiçisi mydama ýapylýandyr we ot ýakylýan ýer bolupdyr. Ikinjisi, birneme uluragy gowşak ýakylýandyr we küre — «duhowka» bolup hyzmat edýändir. Ot ýakylýan ýer bilen küreňiň arasynda uzyn bolmadyk (potologa çenli ýetmeýän) germew bardyr, ol ikisiniň arasynda bölýär. Şunuň ýaly germewiň gurluşy oduň ýakylýan ýerinden küre geçmegine päsgelçilik beripdir we degişlilikde sadaka berilýän zada (çig ganly ete) oduň gös-göni degmegine ýol berilmändir. Başgaça aýdylanda, şunuň ýaly gurluşly peçler «arassa däl» ganly ete – «arassa» oduň degmezlik ýagdaýy bilen sadaka etini taýýarlamaga mümkinçilik beripdir.

Şunuň ýaly peçleriň ählisi, hakykatynda, sadaka berilýän eti taýýarlamak üçin ataşgähler bolup hyzmat edipdirler. Döp bolşy ýaly, olar jaýlaryň pollarynda orun tapypdyrlar we diňe käbir jemgyýetçilik ähmiýetli jaýlarda şoňa meňzeş ataşgähler uly bolmadyk sekilere olary beýlekilerden tapawutlandyrmak üçin çykarypdyrlar.

GUBURHANALAR

Gadymy marguşlylarda adamy jaýlamagyň çylşyrymly dini döp-dessurlarynyň bolandygyny çaklamaga ähli esaslar bar, muňa mysal bolup Demirgazyk Goňuryň köşgünde «adam jaýlamagyň dini döp-dessurynyň tutuş toplumy» hyzmat edip biler. Bu toplumda saýaly girelgäniň gapdalynda, ondan wepat bolany çykarypdyrlar, gödek açylan «gädik» ýa-da geçer ýaly «deşik» bolupdyr, ol ýerden baky uka gideniň jesedini jaýlamagyň ähli döp-dessurlaryny berjaý etmek üçin äkidipdirler. Wendidatda gös-göni şeýle diýilýär: «ine haçanda guşlar uçup gelende, ösümlükler boý alanda, akarlar akanda, ýel ýeri guranda, goý şonda mazdaýasniler bu öýde biri-birini iýsinler».

Goňurlylaryň merhumy jaýlamak boýunça dini döp-dessurlarynyň arasynda merhumy ýuwmak däbi esasy orny eýeleýär, ol toplumyň ýörite otagynda geçirilipdir. Peýdalanylýan «hapalanan» suwuklyk üç sany küýze turbasyndan ybarat bolan ýörite gurulan lagymyň (drenazyň) kömegi arkaly çykarylypdyr, ol lagym Goňuryň köşgünde «jaýlaýyş dini döp-dessurlarynyň toplumynda hem gazylypdyr».

Şol köşgüň özünde, şa kabulhanasynyň howlusynda uly bolmadyk mikrotoplum ýerleşipdir, onuň jaýlarynyň biri özünde çaklama görä, irki dahmanyň ýerleşen bolmagy mümkin, akademik B.Litwinskiň adalatly pikirine görä, ol özünde dahmarangähi jemläpdir. Demirgazyk Goňuryň köşgündäki dahmada (aramgähde) azyndan ona golaý adamyň süňki başly-baratsyz garyşdyrylypdyr. Soňky aradan çykan jaýyň polunda bükülen görnüşde (ýöne kellesiz) goýlupdyr, girelge bolsa kerpiçler bilen «laýsyz» örülipdir, munuň hem sebäbi indiki wepat bolan jaýlanan halaty girelgäni açmagyň aňsat bolmagy üçindir. Jaýyň içinde diwarlaryň astyndaky polda ýagşydan soň palçyk zylary saklanyp galypdyr. Ýagşyň galdyran deşikleri ýyrtyjy guşlara jaýyň içine aralaşmaga mümkinçilik beripdir.

Ahyrsoňy, Goňuryň gonamçylygynda ýüze çykarylan iki gat guburlar nusgalary boýunça adaty öýleri (has dogrusy ýatylýan jaýy) ýada salýarlar, bu Gimbutasnyň, soňra bolsa Jons Bleýiň pikirlerine görä, aýratyn hem hindiyewropalylaryň, hususan-da, jaýlaýyş mazarlaryna mahsusdyr. Döp bolşy ýaly, olar iki gatdyr (bir gaty jaýlamak üçin hyzmat edipdir, ikinjisinde jaýlamak üçin sadakalar ýerleşdirilipdir, olaryň aralygy bolsa adaty ýaşayyş jaýlarynyň içkerki ýagdaýyny şekillendirýärler. Goňuryň gonamçylygynda şular ýaly mazarlaryň jemi 52-si ýüze çykarylady, olar gürrüňsiz ýagdaýda, öz gelip çykyşlaryny Demirgazyk Goňuryň şa mazarlaryndan alyp gaýdýarlar (esasan hem 3235-nji belgili mazar). Goňuryň bu jaýlaýyş desgalary orta Ýewfratyň guburlarynyň mazarlaryna laýyk gelýärler, olar hem öýleriň nusgalaryny şekillendirýärler (Halawa, Lidar, Hadidi we beýlekiler). Şular ýaly ähli mazarlar Siriýada hem, Margianada hem ýerli yokary gatлага eýedir we toparlaýyn jaýlananlaryň zygiderlilik ýagdaýyny görkezýärler. Aýratyn hem Barsipedäki şular ýaly mazarlar nusga alarlyklydyr, olar b.e.çenli III müňýyllygyň ortalaryna we ikinji ýarymyna degişlidir, şeýlelik bilen hem döwri boýunça goňur mazarlaryna ýakyndyrlar. Siriýadaky Tall Tuttul gonamçylygyndaky mazarlar hem bellärlilidir (b.e. öňki 2600-2100 ýý), ol ýerde Goňura meňzeş ýagdaýda jaýlanyş usuly ulanylypdyr (Strommenger, Kohlmeyer, 1998, p.51).

IKI GAT MAZARLAR

Iş ýüzünde ähli iki gat mazaryň (ýeke-täk dik çukurlaryň) gazuw-ağtaryş işlerinde olaryň adam ystyhanlaryna (skletlerine) eye daldigi, diňe ownuk süňk bölejiklerinden we süňk «tozanyndan» ybaratdygy anyklanylady. Şunuň ýaly ýagdaý eýýäm süňk galyndylarynyň öz ilki başky ýerleşen ýerinden olary başga ýere geçirmegiň netijesinde emele gelendir diýen çaklamany döredýär. Şular ýaly «ikinjy» mazarlaryň has irki döwürde demirgazyk Päkistanda (Swat derýasynyň jülgesinde) ýüze çykarylandygyny J.Tuççi belleýär. Ol şeýle diýip ýazýar: «olar boşdular, diňe örän ownuk süňk bölejikleri bar, bu ýagdaý görnüşine görä, wepat bolan mazarda belli bir wagtlaý ýatypdyr, ondan soňra onuň ol ýerden çykarylyp äkidilendigini görkezýär» (Tucci, 1977, p.26). Mundan başga

hem, şunuň ýaly «ikinji» gezek jaýlamak Baktriýa — Margiana arheologiya toplumynyň (BMAT-yn) hereket eden zolagynda gabat gelýär.

SUW YBADATHANASY

Mälim bolşy ýaly, otparazlary oda tagzym edijiler, şeýle hem şol derejede suwa tagzym edijiler hökmünde atlandyrylar. Olar diňe oda we suwa her günlük sadaka bermäni we çokunmany amala aşyrylar.

Suw ybadathanasy Demirgazyk Goňuryň köşk-dini döp-dessur toplumynyň günorta böleginde ýerleşýär, ol ýerde ägirt uly, takmynan, tebigy suw howdany bardyr (uzynlygy 180m, ini 85m, çuňlugy bolsa 2-2,5 m), ol lagym (drenaj) ulgamynyň kömegi arkaly Murgap derýasynyň suwy bilen doldurylypdyr, ol lagym küýze turbalaryň düzüminden ybaratdyr. Günorta kenaryakasynyň boýy jaýlara umumy geçelgeleriň köpsanlysy birleşdirilip bir halkajyga düzülendir, olaryň belli bir bölegi dini döp-dessurlaryň iki gatly peçlerine, şol sanda beýik bolmadyk platformalara çykarylan iki gatly peçlere eýedirler. Suw howdany we ýüze çykarylan gurluşyk toplumu hakyky Suw Ybadathanasyny aňladýar diýip pikir edýäris, bu ybadathana ägirt uly suw howdanyň ýanynda ýerleşipdir.

Howdanyň suwunyň we kenar gurluşyk toplumynyň gös-göni hereketiniň aragatnaşygy suw howdanynda suwuň kem-kemden peselmeginiň derejesi boýunça kenaryň aşaky boýy boýunça (degişlilikde suwa ýakyn ýerde) giň ýaplaryň gazylandygynyň, ol ýerde içi dini döp-dessuryň peji bilen täze jaýlaryň dikeldilendiginiň delilini görkezýär. Başgaça aýdylanda, yza çekilýän («gaçyp barýan») suwuň yzyndan dini döp-dessuryň jaýlary gurlupdyr, bu ruhanylara (dini işgärlere) hemişe howuzuň suwunyň golaýynda bolmagyna we dini döp-dessurlary kynçylyksyz berjaý etmäge mümkinçilik döredipdir.

«Uly» howdanyň gapdalynda «kiçi» suw howdany ýerleşipdir, onuň içine kerpiç örülip, içinde «suw durlaýy» bolupdyr, ol gamyşyň köp mukdary bilen doldurylypdyr, ol ýere ýörite ternaw arkaly «uly» suw howdanyndan suw goýberilipdir. Murgabyň bulançak suwy ternawyň üsti bilen «suw durlaýja gelip», ol ýerde suw birneme saklanyp, soňra bolsa ýörite deşikden eýýäm arassalanan we dury görmüşde akdyrylypdyr. Şunuň ýaly arassa görmüşde suw dini döp-dessurlary berjaý etmek, şol sanda dini döp-dessurlara niýetlenen nahar taýýarlamak üçin peýdalanylýpdyr. Her näme-de bolsa “ýagşyň Hudaýy suwy içmezden öň suw hökman arassalanmalydyr” (Rak. 1998, sah. 108). Yogsam-da, giçki otparazçylyk ybadathanalarynda suw sadakasy üçin niýetlenilen suw howdanlary mydama bolalmalydyr.

Yeterlik mukdarda çylşyrymly suw çykaryjy desgalaryň bolandygyny keramiki turbalaryň we ýanan kerpiçleriň galyndylary boýunça çaklamak bolar, olar iki suw howdanyň kesilýän ýeriniň aralygynda saklanyp galyp, uly suw howdanyndan kiçi suw howdanyna suw çykarmaga mümkinçilik beripdirler.

Awestada suw gös-göni «Ahura-Mazdanyň aýallary» diýlip atlandyrylýar, derýalaryň we suwlaryň aýal hudaýy Ardbi Surä bolsa suw barada iň gadymy aýdymalaryň biri bagyşlanypdyr. Bir söz bilen aýdanynda, hindyewropalylarda suwa we suw akymalaryna hormat goýmak has çuň ýaýrapdyr diýip, göz önünde tutmaga ähli esaslar bar (has anyklamak üçin, seret: Litwinskiý, Piçikýan 2000, sah. 312-324). Bir topluma tebigy kölüň we ybadathananyň birleşdirilendigi Süleýmanyň Tagty

ýadygärliginde mälimdir, bu Demirgazyk Goňuryň toplumynda ýüze çykarylan ýagdaýa ýeterlik derejede ýakynlygy ýatladýar. Özü-de hem iki ýagdaýda hem ybadathana bilen köl umumy diwar bilen gurşalyp, bitewi binagärlik toplumuna düzýär. Kuhi-Hwajada hem şuna ýakyn ýagdaý göze ilýär, ol yerde ybadathana kölüň kenarynda ýerleşýär, şuna meňzeş ýagdaýy suratlandyran Jarkutanda (Demirgazyk Baktriýa) hem ybadathananyň ýerleşşi ýokarda aýdylanlara laýyk gelýär, ol ybadathana eýýäm b.e. öňki II müňýyllygyň ortalarynda hereket edip başlaýar.

JEMGYÝETÇILIK AŞHANALARYNYŇ YBADATHANALARY

Demirgazyk Goňuryň köşk-dini döp dessurlarynyň toplumynyň içindäki ýokarda garalyp geçilen merkezi suw howdanlary bilen birlikde möçberleri boýunça birneme kiçi ýene-de baş howuza gabat gelindi, olar mydama açyk meýdançalarynyň gapdalynda ýerleşip, olarda «jemgyýetçilik aşhana» bilen baglanyşykly edim-gylymlar amala aşyrylypdyr. Muňa subutnama bolup toplumuň günbatar öwrüm diwarynyň içine ýanaşyk köp sanly jaýlar hyzmat edip bilerler, olaryň aglabasynyň içinde dini döp-dessurlary berjaý etmegiň peçleri bolupdyr. Peçler «jemgyýetçilik aşhanasy» üçin sadaka etini taýýarlamak üçin peýdalanylýpdyrlar, olar hem açyk ýanaşyk meýdanlarda amala aşyrylypdyr. Ähli zatdan görnüşi ýaly, bu howuzlar dini döp-dessurdaky täret kylmagy (arassalanmagy) amala aşyrmak üçin niýetlenipdir, täret kylmany «jemgyýetçilik aşhanalaryna» gatnaşyjylar oňa barmazdan öň ýerine ýetiripdirler. Şular ýaly dini täret kylmada otparazlar kelleden aýaga çenli ýuwnup ardynmany göz önünde tutupdyrlar, özi hem bedeniň dini arassalygyny dikeltmäge kömek edýän köp görnüşli döp-dessurlar bolupdyr, «sebäbi arassalanmak otparazlar üçin – ahlak borç» bolupdyr (M.Boýs).

BAKTRIÝA–MARGIANANYŇ GLIPTIKASYNYŇ WE SFRAGISTIKASYNYŇ DUALIZMI

Baktriýa bilen Margiananyň gliptikasy (daşyň ýüzüne haşamlamak sungaty) we sfragistikasy (möhürleri, şol sanda demir möhürleri taýýarlamak sungaty) bütün Yakyn Gündogar ulgamynda aýratyn häsiýete eýedir. Yogsam, şular ýaly önümleriň aglabasy ýönekeý, geometriki nagyşlara eýe bolan dogat-tumarlardan ybaratdyr, olar çylşyrymly sýužet kompozisiýasyna eýedir we gadymy rowaýatlardan alnan özboluşly «sitalary» ýa-da «tezisleri» özlerinde jemleýändirler, ol rowaýatlar b.e. öňki III-II müňýyllykda marguş jemgyýetinde giňden ýaýrandy we her bir ýaşaja doly düşnükli.

Baktriýa – Margiananyň gliptikasynyň şular ýaly nesihat beriji kompozisiýasynyň baş mowzuy P.Amyeniň pikirine görä, «falli simwoly» bolup durýar, olar özleriniň aňlatmasyna anyk ýylanlaryň we hyýaly aždarda ýylanlaryň şekillendirilen kompozisiýalarynda tapýarlar, olar şekillerde mydama biri-biri bilen gapma-garşylykly ýagdaýda suratlandyrylýar. Döp bolşy ýaly, olar parahat goşa toýnakly haýwanlary (seýrek ýagdaýda guşlary) yzarlaýarlar we olardan «ruhlandyryjy tohumy» ogurlamak maksady bilen olaryň yzky aýaklaryna göz dikýärler, «ruhlandyryjy tohum» ähliumumy hasyllylygy, ýer ýüzünde ýaşayşyň dowam edýändigini aňladýar.

Olaryň arasynda «ruhlandyryjy tohuma» eýe bolmaga hukuk ugrunda hemişe barlyşyksyz göreş dowam edýär. Ýylanlaryň adam babatynda anyk güýji, şol bir wagtyň özünde aždarda ýylanlaryň adam babatynda ýaramaz güýji aňladýarlar diýip hasaplamaga degerli esaslar bar. Mysal üçin, daş dogatumarlarda (seýrek ýagdaýda mis-bürünç möhürlerde) biri-birini ýuwudýan aždarda ýylanlar şekillendirilendir. Özüne meňzeş jandary iýýän haýwanyň ähliumumy ýaramaz garaýşy döredýändigini hemmelere mälimdir. Däp bolşy ýaly, aždarda ýylanlar giň açylan penjeleri, gazaply garaýyşly gözleri, köplenç ganatly we şahly şekillendirilendirler.

Şol kompozisiýalar boýunça adam babatynda ýylanlaryň anyk güýji suratlandyryandygyny nädip subut edip bolar, şeýle-de bolsa ýylanlaryň we aždarda ýylanlaryň göreşýän sahnalarynyň kompozisiýasy, ahyrky netijede hoşmeýilli güýç bilen ýaman niýetli güýjüň arasyndaky göreşi aňladýar.

Baktriýa-Margiana gliptikasynyň şu baş mowzuga (temasy) eger müňlerçe diýip hasaplamasaň, onda köp ýüzlerçe möhürlerinde we dogatumarlarynda yzarlanylýar. Bu – hoşmeýilli güýç bilen ýaman niýetli güýjüň arasyndaky göreşiň özboluşly taglymaty. Käbir dogatumarlardaky şekillerde ýylanlaryň, käbirinde bolsa aždarda ýylanlaryň ýeňiji bolup çykyandyklaryny bellemek gerek, bu ýagdaý ýeňijiniň öňünden kesgittenilmändigini, eýsem onuň köp ýagdaýlara baglydygy barada netije çykarmaga mümkinçilik berýär. Ýylanlar we hyýaly aždarda ýylanlaryň göreşi suratlandyrylan sahnalaryň kompozisiýasy otparazçylygyny eýerýän häsiýetli sypatlaryny özüde aňladýar diýip pikir edýäris: yiti aňladylan dualizm – haýyr bilen şeriň arasyndaky göreş, bu göreş parahatçylygynyň mazmunyny hem aňladýar.

KERSASPA

Baktriýa-Margiananyň gliptikasynyň we sfragistikasynyň süžetleriniň hakykatda kenarsyz deňiziniň arasynda uly bolmadyk, ýöne diýseň aýratyn ähmiýete eýe bolan bir görnüşli dogatumarlaryň we möhürleriň topary özlerine ünsi çekýärler, olar gadymy gündogar eposynyň gahrymançylykly personažlarynyň şekillerini (obrazlaryny) aňladýarlar. Awestada ol şeýle beýan edilýär: «onuň syh-syh bogulan saçlary, guduzlan ýaly şir garaýşy bar». Bu ýokarda garalyp geçilen ähli dogatumarlardaky Kersaspanyň söz ýazgysynyň beýanydygyna hiç hili şübhe goýmaýar. M.Boýsyň pikirine görä, (1989.p.102) ol baradaky rowaýatlar gündogar dünýäsinde döredilendir.

Şular ýaly şekilleriň öz gözbaşlaryny nireden (Baktriýadanmy ýa-da Margianadan) alýandygyna garamazdan olar mydama kellesinde ýeňil boglan we iki gapdala goýberilen, oňat daralan saçly, gazapdan ýaňa gözleri tegelenip duran, hüžžük murtly we uzyn sakgal saply erkek gahrymanlaryň şekilini beýan edýärler. Gahrymanlaryň elleri köplenç halatda aýa bilen däl-de, eýsem ýylan kellesi bilen tamamlanylýar, bir ýagdaýda bolsa şunuň ýaly gahryman ýylan görnüşündäki guşaga eýedir. Häzirki wagtda gelip çykyşyny Baktriýadan hem, Margianadan hem alýan meňzeş şekilli şular ýaly dogatumarlaryň onlarçadan gowragy mälimdir (Sarianidi, 1998 a, №№ 51-53, 905-907, 912, 927, 1235), olar «Awestanyň belli gahrymany» Kersaspanyň umumy şekilini berýärler, ol köp sanly gahrymançylykly edermenlikleri amala aşyrdy.

Awestada Kersaspa — edermen söweşiji, mydama bet niýetlere garşy söweşe topulýan gahryman hökmünde suratlandyrylýar. Hususan-da, ol şahly Serwara ýylanlary hem öldürýär, ol ýylan adam iýýär. Şu babatda şahly aždarda ýylanlaryň şekilleriniň Baktriýada hem, Margianada hem mälimdigini bellemek möhümdir. M.Potýe ilkinji bolup bu hyýaly personažda şahly Serwara aždarda ýylanyna düşülmegi teklipt etdi (Pottier,1984, Fig 42, № 312), ol ýylan ýerasty suwlary saklapdyr, diňe ol öldürilenden soň suw adamlara tarap akyp başlaýar.

Ýokarda sanalyp geçilen arheologiki deliller Baktriýa bilen Margiananyň gliptikasynyň we sfragistikasynyň birmeňzeş süžet kompozisiýalarynyň giňden ýaýrandygyna gürrüňsiz şaýatlyk edýär, olaryň mowzuga we gahrymanlara (şekilleri) umumy mifologiki düşüňjeleri beýan edýär, bu düşüňjeler Baktriýa bilen Margiana sebitlerinde giň meşhurlyga eýe bolupdyr we olar soňra özgerdilen görnüşde otparazlaryň ählisi üçin mukaddes bolan kitaba – Awesta girizilýär.

ÖKÜZ KELLELI SAÇBAGY

Margiananyň ybadathanalaryndan tapylan tapyndylaryň arasynda ýokary ussatlyk bilen sünnälenip mermerden ýasalan öküziň kellesi aýratyn ähmiýete mynasypdyr. Öküziň kellesiniň arka tarapy gödeklik bilen döwürlän, eýsem eserdeňlik bilen bejerilipdir we gyrasy boýunça söýeg taýagy berkitmek üçin üç deşik goýlupdyr. Başgaça aýdanynda, öküz kellesi hasa bolup, oňa söýeg-tagtasy berkidilipdir. Şunuň ýaly hasalary otparazlyk dinine ýas ýerine gelýän wagtynda häzirki zaman otparaz ruhanylary peýdalanýarlar; olaryň şekilleri otparazçylyk dinine bagyşlanylan her bir ylmy işde diýen ýaly çap edilýär (Boýs, 2003. sur.6)

* * *

Zerurlygy boýunça özümiň gysgaça habarymy tamamlamak bilen, onuň esasy düzgünleriniň maslahata gatnaşyjylaryň köpüsünde nähili tankydy döretjekdigine aýdyň göz ýetirýäris. Öz tarapymdan men özümiň ygtybarly kárdeşlerime bir sowal beresim gelýär: tutuş Ýakyn Gündogar sebitinde Türkmenistandan başga ýene-de niredede aýdylyp geçilen täze nazaryetiň peýdasyna şunça arheologiki subutnamalar barka?

Goňurdepede alnyp barylýan işler bize täze-täze inkär edip bolmajak delilleri, ylmy maglumatlary berýär. Bu bolsa adamzadyň uzak geçmişdäki ýagdaýy baradaky könelişen durnukly garaýyşlara täzeden nazar aýlamaga zerurlygyny ýüze çykandygyny aňladýar. Şu günki gün şu zerurlyga görä, eňçeme ylymdar adamlar, ilkinji nobatda dünýäniň köp yurtlarynyň atly abraýly alymlary Türkmenistanyň – gadymy türkmen topragynyň biziň planetamyzdaky ilkinji döwrän siwilizasiýalaryň düzümindedigini ykrar etmek maksady bilen Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň Mukaddes Ruhnamasyndan gözbaş alýan ýagty pikire esaslanyp, halkara ylmy maslahatyna jemlediler.

EDEBIÝATLAR

Boýс 2003 — *Boýс M. Зороастрийцы. Верования и обычаи.* — СПб., 2003.
Даңдамаев, Луконин 1980 — *Даңдамаев M., Луконин В.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.

- Дубова 2004 — Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. — М., 2004.
- Крюкова, Хисматуллин 1997 — Крюкова В.Ю., Хисматуллин А.А. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. — М., 1997.
- Литвинский, Пичикян 2000 — Литвинский Б.Л., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. Т.1. М., 2000.
- Мейтерчиан 1999 — Мейтерчиан М. Погребальный обряд зороастрийцев. — М., 1999.
- Сарианиди 1991 — Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратустра. — М., 1991.
- Боусе 1975 — Боусе М. On the Zoroastrian Temple Cult of Fair // JAOS. Vol. 95
- Боусе 1989 — Боусе М. A History of Zoroastrianism. Vol. 1-11. — Leiden, 1989.
- Маллори 1991 — Mallory J. In Search of the Indo-Europeans. — London, 1991.
- Ренфrew 1973 — Renfrew C. Before Civilization. — London, 1973.
- Сарианиди 1998 — Сарианиди В. Margiana and Protozoroastrism. — Athens, 1998.
- Сарианиди 1998a — Сарианиди В. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. — М., 1998.
- Сарианиди 2001 — Сарианиди В. Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. — М., 2001.
- Strommenger, Kohlmeier 1998 — Strommenger E., Kohlmeier K. Tall Bi'A Tutul. Die Altorientalischen Bestattungen. — Saarbrücken, 1998.
- Tucci 1977 — Tucci G. On Swat. The Dards and Connected Problems // East and West. Vol. 27. — Roma, 1997.

MURGABYŇ GADYMY AKABASY BÜRÜNÇ EÝÝAMYŇDA

B.ÇERAZETTI

(Italiýa)

Türkmenistanyň günortasyndaky Köpetdagyň eteginde XX asyryň başlarynda Rafael Pampelli tarapyndan Änew medeniyeti ýüze çykarylandan soň, Orta Aziýada ilatyň bir ýere jemlenmesiniň arasyň kesilmegi suw üpjünçiliginiň ýaramazlygy bilen baglanyşyklydyr. Türkmenistanyň günortasyndaky Murgaba meňzeş derýalaryň hemmesiniň diýen ýaly suwy çöle siňip gidýär. Orta Aziýanyň iri merkezleri daglardan akyp gelýän derýalardan suw alypdyrlar. Tutuş sebit boýunça geçirilen arheologiýa barlaglary, häzirkä zaman enjamlarynyň kömegi bilen alnan maglumatlara we ýeriň emeli hemrasy arkaly düşürilen suratlara esaslanyp, biz бүрүнч asyrynda ilatyň bir ýere jemlenip oturymly ýaşayyş ýagdaýyna geçmegini suw üpjünçiligi bilen baglanyşdyrmaga synanyşarys.

Soňky 20 ýylyň dowamynda Murgabyň gadymy akabasynyň ýaýraýan ýerinde geçirilen barlaglaryň netijesinde toplanan subutnamalar irki бүрүнч asyrynyň ilaty ilkinji gezek bir ýere jemlenip, oturymly ýaşayyşa doly geçýär we demir asyrynda bu ýagdaýyň üstünlikli amala aşmasynyň arasyndaky tapawudy aýdyň görkezýär. Emeli suwaryş desgalaryny gurmak işi ýokary derejeli syýasy we jemgyýetçilik kynçylyklary bilen baglanyşykly bolan köp işçi güýjüni talap edipdir.

Ahemeniler döwrüne çenli derýalaryň öňüne bent basyp, suwy joşduryp peýdalanmak usuly amala aşyrylmadyr (meselem, has giçki döwürlerde Murgap derýasynyň ugrundaky Soltanbent ýaly).

Bürünç asyry döwründe (b.e.öň 2400-2100 ý) gadymy ilat Murgabyň gadymy akabasynyň ýaýran ýerinde endigan ýerleşipdir. W.I.Sarianidiniň we onuň toparynyň tagallasy bilen bu döwrüň esasy merkeziniň daş-töwerek bilen baglanyşykda döreýşine we ösüşine düşünmäge mümkinçilik döredi.

Goňurdepäniň demirgazyk bölegi ilkinji dörän şäher merkeziniň (35 ga) aýdyň mysalydyr. Bürünç asyrynyň dowamynda gadymy akabasynyň ýaýran ýeri çägelik bolmadyr. Bu ýerde oba hojalyk bilen meşgullanmak üçin derýa suwy ýeterlik bolupdyr.

ANTROPOLOGIÝA MAGLUMATLARY ESASYNDA GOŇURDEPÄNIŇ ILATY BARADA

N.A.DUBOWA

(Russiýa)

Adamlaryň daş sypatyny häsiýetlendirýän antropologiýa maglumatlary adamzat nesliniň özüniň dowam eden döwürüniň ondan-oňa göçenliginiň ýeke-täk görkezijisidir. Taryhyň köp döwürlerinde halklar ägirt uly giňişliklerde gatyşypdyrlar. Neolit we bürünç asyry döwürleri ilatyň emele geliş prosesinde esasy orny eýeleýär. Bu döwür, şol sanda antropologiýa baradaky esasy maglumatlary biz ýakyn Gündogaryň, orta we Günorta Aziýanyň çäklerinden alýarys. Bu sebit b.e.ö. IV-II müňýyllyklara (Trofimowa, Gikzburg, 1972ý; Hojaýew 1980ý; Kiyatkina 1987ý; Hemphill 1998ý; Kennedy 2000ý we başgalar) deňişli antropologiýa tapyndylary bilen bellidir.

Şol bir wagtda soňky 35 ýylyň dowamynda prof.W.I.Sarianidiniň ýolbaşçylygyndaky Margiana arheologiýa ekspedisiýasy tarapyndan gadymy Marguş ýurdunyň paýtagty bolan Goňurdepede geçirilen gazuw-agtaryş işleriň netijesi häzirk wagtda Garagumyň çöllük etrabynda ýerleşýän (Sarianidi, 1990, 2001, 2002, 2004, 2005, 2006 we beýlekiler) Murgap derýasynyň gadymy akabasynda b.e.öňki III-II müňýyllygyň ortalarynda ýaşan ilat baradaky maglumatlaryň üstüni ýetirýär. Stratigrafiýa gözegçilikleri we toplanan radiouglerod seneleri ýeke-täk medeni sebitiň içinde üç döwürüň bolandygyny görkezýär.

Birinji döwür toplumyň esaslandyrylan wagtyndan başlap (b.e.öňki 2300-2250-nji ýyllar) tä köşgüň esasy bölegini ýok eden (b.e.öňki 1800-1700-nji ýyllar) uly ýangyna çenli dowam edipdir.

Ikinji döwür uly ýangyndan soň 200 ýyl dowam edipdir.

Üçünji döwür (takmynan b.e.öň 1600ý) Murgabyň akym ugry günbatara tarap öwürülensoň, onuň yzy bilen Goňuruň dolandyryjy toparlarynyň gitmegi we şäheriň paýtagt ähmiýetini ýitirmegi hem-de doly boşap galmagy bilen baglanyşyklydyr.

Goňurdepe baradaky maglumatlar diýseň gyzyklydyr.

Esasy zat bolsa Günorta Türkmenistanyň eneolit zamanynyň ilatynyň antropologiýa keşbi bilen Murgabyň gadymy guýýan ýerinde häzirk döwürde ýaşayan ilat bilen deňeşdirmäge mümkinçiligiň bolmagydyr. Bu ýerde giň medeni we söwda gatnaşyklarynyň, şol sanda Hind derýasynyň jülgesindäki Harappa medeniýeti bilen hem aragatnaşygyň bolandygy görüňýär. Goňurda guburhanalaryň birnäçe görnüşleri ýüze çykaryldy. Guburlaryň köp bölegi has irki döwürlerde talanypdyr. Bary ýogy 428-si (16,5%) talanmandyr. Bary ýogy ýekeje talanmadyk (№ 194) we üç sany arassa kamera tapyldy. Şeýle-de bolsa soňky agzalan guburlardan iň baý peşgeşler ýüze çykaryldy. Bu bolsa W.I.Sarianidä gurluşyklaryň özüniň ösen döwüründe örän oňat ýaşan goňur jemgyýetiniň durmuş düzümi bilen baglanyşygy tassyklamaga mümkinçilik berdi. Ilatyň 85%-i orta gurply, 11%-i garyplar, 4% ýokarky gatлага deňişli.

Goňurdepeden Merkezi Aziýanyň ilatynyň emele geliş we onuň daş keşbiniň gurluşygyň aýratynlyklary baradaky köp soraglaryň çözgüdini tapmak mümkindir. Bu ýerden alnan maglumatlar Merkezi Aziýanyň çäklerinde bürünç eýýamy döwüründe birnäçe antropologiýa görnüşleriniň emele geliş baradaky soraglary aýdyňlaşdyrýar.

Goňurdepe arheologiýa gazuw-agtaryş işleriniň dowamynda antropologiýa barlaglary dürli italyan, rus, türkmen hünärmenler tarapyndan geçirildi. Goňurdepedäki gadymy gonamçylykdan tapylan kranologiýa (adamlaryň we haýwanlaryň kelle süňkünü öwrenýän ylym) baradaky esasy maglumatlary 1998-nji we 2001-nji ýyllar arasynda O.Babakow tarapyndan toplanlydy. Ol jaýlanan adamlaryň jynsyny we ýaşyny hem kesgitledi. Jaýlanyş däpleri we tapyndylaryň galyndylaryň medeni häsiýetleri boýunça ilatyň nesilden nesle geçişini doly yzarlamak bolýar. Olaryň üýtganligi ýa-da başga medeniýetli ilatyň haýsydyr bir döwürde gelip goşulandygy barada hiç hili subutnamalar ýok. Goňur depäniň gadymy ilaty baradaky tapylan maglumatlar olaryň ýokary derejeli durmuş obrazlaryny alyp barandygyna şaýatlyk edýär.

Margiananyň gadymy ilatynyň kellesiniň we ýüzüniň gurluşy öwrenilende ilkinji özüne çeken zat, ol hem dolihokefal (süýrikelleliler topary) toparynyň ählisiniň arasynda (ýagny aýallaryň we erkekleriň) togalak şekildäki kellelileriň hem (wrahiketal kelle süňki) gabat gelmegidir. Şeýle maglumatlar Merkezi Aziýanyň çäklerinde has irki döwürlerden ilkinji gezek tapyldy.

Goňurdan tapylan maglumatlar b.e.öňki III müňýyllygyň ahylarynda ilatyň togalak şekildäki kelleliler toparynyň eýýäm Günorta Türkmenistanda hem ýaýrandygyny görkezýär. Ilkinji möhüm netije, olam goňurlylarda adamyň kellesiniň görnüşini emeli üýtgetmek däbiniň bolmagydyr. Kelle süňklerinde galan yzlar boýunça, çaga dogulan badyna onuň kellesine gysyp duran daňy geýdirilipdir diýip aýtmak bolýar. Daňyny ýeňsesinden aýlap alnynda çekip daňypdyrlar.

Awtordaky bar bolan meýdan maglumatlary boýunça bu döp häzirk döwürde hem Türkmenistanyň çäklerinde giňden ýaýrapdyr. Kelle süňkiniň görnüşini üýtgetmek däbi Goňurdepeden tapylan bürünç eýýamyna (b.e.öňki II müňýyllyk) deňişli kelle süňklerinde hem gabat gelýär. Çaga doglandan soň daňy daňmak usuly arkaly kelle süňküne täsir etmek däbi XX asyrdaky ýaşan türkmenlerde hem gabat gelýär. Häzirk zaman antropologiýa barlaglarynyň netijesinde gadymy Marguşyň ilaty gürrüňsiz häzirk türkmenleriň ata-babalary bolupdyr diýip ynamly aýdyp bolar. Sebäbi häzirk türkmenleriň köpüsiniň daş sypaty Marguşyň gadymy ilatyna meňzeşdir. Elbetde soňky döwürler Türkmenistanyň ilatynyň düzümine başga milletiň toparlary goşuldy. Olar özleri bilen täze sypatlaryny, ýagny ýüzüň has uly we ýasy görnüşlerini getirdiler. Goňurdepeden tapylan maglumatlar boýunça ýüz keşbi bize mälim bolan adamlaryň häzirk zaman türkmenleriň gurluşygyň emele gelmeğinde möhüm orny eýeländigini mälimdir.

EDEBIYATLAR

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайлов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-депе // Сараниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. А., 1990.

Сарианиди В.И. Маргуш: древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. А., 2002.

Сарианиди В.И. Дворцово-культурный ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарианиди. М., 2004.

Сарианиди В.И. Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.

Ходжайлов Т.К. Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.

OKS SIWILIZASIÝASY WE B.E. ÖŇKI 2300–1800-nji ÝYLLARDA MARŞAHI ÝURDUNYŇ ÝERLEŞEN ÝERI BARADAKY MESELELER DOGRUSYŇDA

A.-P. FRANKFORT

(Fransiýa)

Gadymy Gündogaryň oturymly ilatly mesgenleri barada daşa ýazylan ýazgylarda ýatlanýan ýer-ýurt atlary köp alymlaryň ünsüni özüne çekip gelýär. B.e. öňki III müňýyllygyň ahyryna we II müňýyllyga degişli şol ýazgylarda Mesopotamiýanyň gündogaryndaky ilatly oturymly ýerler hakynda maglumatlar berilýär. Bu ýazgylardaky ady agzalýan ilatly mesgenleriň birnäçesi şu günki gün belli edildi. Olardan Elam, Awan, Anşan we Simaşki ýadygärliklerini ýatlamak bolar. Şolar bilen birhatarda Hind derýasynyň kenaryyaka jülgerindäki Dilmun, Magan we Meluhha hem-de Harappa siwilizasiýasyny mysal getirmek mümkindir. Emma şol ýazgylarda häli-şindi agzalýan Marşahi ýurdunyň ýerleşýän ýeri baradaky mesele häzire çenli doly anyklanylman gelinýär.

Soňraky maglumatlar boýunça giçki gadymy Wawilon döwründe Marşahi ýa-da Barşahi, elbetde, Mesopotamiýa ýanaşyk oturan Zagros welaýatynyň çäklerinde bolan bolmagy düşnükli. Ýöne welin, III müňýyllygyň ahyrynda we II müňýyllygyň başynda Marşahi atly ýurduň Elamdan we Mesopotamiýadan bölünen garaşsyz bir özbaşdak ýurt bolandygy mälimdir. Dürli alymlar bu mesele barada dürli pikirleri aýdýarlar. Şteýnkeller Marşahiniň häzirki Kerman welaýaty bolan bolmagynyň mümkindigini tassyklaýar, emma alym Wallat «Eýran Bulujystany gadymy Marşahi ýurdudyr» diýlen pikiri öňe sürýär. Biz öz şu ylmy işimizde Marşahi ýurdunyň Merkezi Aziýada ýerleşendigi baradaky aýdylyan ozalky ylmy çaklamalaryň hakykata golaýdygyny dürli deliller bilen esaslandyrmakçy bolýarys. Oks siwilizasiýasynyň (Baktriýa-Margiana arheologiya toplumynyň) soňky ýyllardaky jemlenen baý ylmy maglumatlary Marşahi ýurdunyň hut şu ýurt bolan bolmagy mümkin diýlen pikirini barha ygtybarly häsiýete eýe bolmagyna esas döredýär.

MARGUŞ WE MERKEZI AZIÝA HALKLARY

Ž.FUSMAN

(Fransiýa)

Baktriýa-Margiana arheologiya toplumynyň (BMAT) meşhurlyga eýe bolmagy ýa-da Oks siwilizasiýasynyň açylmagy bu soňky 50 ýylyň içinde bolup geçen iň esasy arheologiya wakalaryň biridir. Türkmenistandaky Murgap derýasynyň gadymky akabasynyň guýýan ýerinde geçirilen gazuw işleriň dowamynda ägirt uly gurluşyklaryň we baý mazarystanyň üstüniň açylmagy we bu barada bu uly açyşyň awtory W.I.Sarianidi tarapyndan ol baradaky maglumatlaryň gyssagly çap edilmegi bu günki gün taryhçylaryň oňa doly baha bermegine mümkinçilik döretdi. Aýdaly 70 ýyl mundan ozal Ortaýer deňzinden gündogarda b.e.öňki III müňýyllyga degişli diňe 2 sany şäher döwleti bellidi. Olar: bir-birinden diýseň daşda ýerleşip, hiç-hili meňzeşligi bolmadyk biri Tigr – Ýefrat derýalarynyň arasyndaky bol hasylly jülgede, beýlekisi bolsa hind jülgesinde ýerleşýändir.

Bu iki siwilizasiýanyň arasynda aragatnaşygyň bolandygynyň ýeke-täk subutnamasy Mesopotamiýadan tapylan möhürlerdir.

Häzir ýagdaýlar düýpgöter üýtgedi. Biz bu esasy siwilizasiýalaryň arasynda bir-birleri bilen alyş-çalyş eden obalaryň we şäherleriň, şeýle-de üçünji Oks siwilizasiýasynyň ýerleşendigini bilýäris.

Bu açyşlardan öň hindi-ýewropa meselesi diýseň ýönekeýdi: hindi-ýewropa dillerinde gürleýän halklaryň topary nähilidir bir ilat, has takygy olara garşy durup biljek ýa-da olaryň dillerine täsir edip biljek ýokary siwilizasiýaly ilat tarapyndan eýelenmedik Merkezi Aziýa giňişligine asudalyk bilen aralaşýarlar. Indi bu baradaky garaýyşlar üýtgedi;

Eger-de bu şeýle bolsa, onda alymlar hindi-ýewropalylar bu halklara nähili täsir edipdirler, Merkezi Aziýanyň oturymly halklary bu ýere göçüp gelýän hindi-ýewropalylara nähili öz täsirini ýetiripdirler diýen soraglary orta çykarmaga borçludyr. Bu meseläni ýeňilleşdirmegiň bir usuly – ol hem alymlaryň şu wagta çenli esaslanyp gelýän maglumatlaryna täzedan seretmekdir.

Olar şulardan ybaratdyr:

— Maddy medeniýetiniň meňzeşligi Oks siwilizasiýasynyň bir milletiň wekillerinden ybaratdygyny aňladýar, ýagny biz käbir ähmiýetsiz tapawutlary hasap etmäninde-de Margiananyň we Baktriýanyň maddy medeniýeti, ideologiyasy, syýasy, ykdysady düzümi, dili, ösüş derejesi birmeňzeş bolupdyr diýip çak edip bilýäris, ýene-de has ähmiýetli ýagdaý ol hem bu ýurtlaryň her birinde edil Murgabyň guýýan ýerinde bolşy ýaly ilat gür ýerleşipdir.

— Anyk däl senäniň (meselem, 2500-1700+200 ýyl ösen BMAT üçin) mejburi ýagdaýda ulanylmagy şu döwrüň dowamynda hiç hili ösüş, krizis hat-da düýpli özgerişler bolmandyr diýen pikiri döredýär.

— Dilçiler tarapyndan taýýarlanan terminleriň düşündirişinde, has takygy «hindi-ýewropa», «hindi-ariý» halklarynyň dini ynanjy ykdysady durmuş ýagdaýlary babatynda birmeňzeşlik duýulýar, ýöne dilçiler muny hiç wagt hem hakykat hökmünde kabul etmändirler.

Bu nutugyň maksady giňişleýin hronologiýa we ideologiýa taýdan tapawutlandyrmalaryň girizilmegi we täze açyşlaryň netijesinde ýüze çykan köp soraglara dogry jogap tapmagyň mümkindigini subut etmäge çalyşmakdyr.

BAKTRIÝA-MARGIANA ARHEOLOGIÝA TOPLUMY; AHAR MEDENI TOPLUMY

D.S.HARAKWAL

(Hindistan)

T.OSADA

(Ýaponiýa)

Baktriýa–Margiana arheologiýa toplumu özüniň meşhur galalary, dini maksatlar üçin niýetlenen gurluşyklary, ajaýyp keramika bölekleri, mis önümleri, möhürler we möhür yzlary bilen tanymaldy. Harappanyň köp şäherlerinde BMAT-daky ýaly tapyndylaryň üstüniň açylmagy bu iki medeniýetiň arasynda az-kem hem bolsa aragatnaşygyň bolandygyny görkezýär. Günorta Pajastanda (gb.Hindistan) b.e.öňki IV müňýylygyň ortalaryndan we II müňýylygyň ortalarynda gülläp ösen Ahar medeniýeti özüniň gara-gyzyl reňkleri, pagsadan gurlan gurluşyklary, çig kerpiçleri we işlenen daşlary, mis we bürünç önümleri bilen tapawutlanýar. Bu medeni toplumyň 100-e golaý şäherleri bellidir. Olardan diňe Ahar, Balatal, Gilund we Ojiana öwrenilendir. Görnüşi ýaly harappalylar Ahar toplumu bilen söwda we medeni gatnaşyklary edipdirler. Muňa Ahar medeniýetiniň şäherlerindäki harappa görnüşli we Gujaratdaky harappa gadymy şäherlerinden ahar medeniýetine degişli keramikalaryň tapylmagy hem şaýatlyk edýär. Ahar medeniýetiniň gadymy şäherleriniň biri bolan Gilundda we Balatalda geçirilen barlaglaryň netijesinde BMAT-na häsiýetli bolan möhürler taplydy.

Diýmek, BMAT bilen Ahar medeniýetiniň arasyndaky gatnaşyklar kuwwatly harappalylaryň üsti bilen amala aşyrylypdyr. Bu nutukde arheologiýa maglumatlaryna we Ariý medeniýetiniň meselelerine seredilip geçiler.

MARGUŞ ÝURDUNYŇ HAKYKY KEŞBI WE MERKEZI AZIÝA HALKLARYNYŇ MEDENI DÄPLERI

W.KRÝUKOWA

(Russiýa)

Dowamly medeniýet birnäçe müňýylyklaryň dowamynda hindi-ýewropa halklarynyň ruhy durmuşynyň tükeniksiz esasy bolup geldi. Rigweda we Awesta ýaly ýazgy ýadygärliklerinde özüniň şöhlenenmesini tapan, käbir alamatlary häzirkäki döwürde we dini ynançlarda görmek bolýandygyny, etnografiki maglumatlar hem tassyklaýar. Hindi-ýewropa dünýäsiniň gadymy däpleri Merkezi Aziýanyň dowamly medeniýetiniň esasy bolup durýar.

Bu däpler taryhy ösüşiň dowamynda käbir zatlary ýitiripdir, käbir zatlary bolsa kabul edip alypdyr, ýöne özüniň esasy sypatlaryny welin, saklamagy başarypdyr. Esasy dinler bolan buddizmiň, otparazçylygyň, hristiançylygyň, yslymyň güýçli täsiri netijesinde dowamly medeniýetiň jümmüşinde täze wakalar döreýär. Wagtyň geçmegi bilen olar ýitipdir ýa-da düşünmesi kyn bolan dini düşünjelere öwrülipdir. Merkezi Aziýanyň çäklerindäki iň bir gadymy medeni gatlagynyň üstüniň açylmagy Marguş ýurdunda şäher-döwleti ýykylansoň hem dowam eden otparazçylyk dininiň emele geliş taryhyny we Merkezi Aziýa halklarynyň dowamly medeniýetiniň ösüşini aýdyňlaşdyrmaga kömek eder diýip umyt edýäris.

Otparazçylyk dini babatynda käbir bellikleri aýtmak zerurdyr. Bu din gaty köp ýyllaryň dowamynda kämilleşipdir we tä Merkezi Aziýa yslym dini ornaşýança dowam edipdir.

Marguş ýurdunyň käbir häsiýetli aýratynlyklary ýagny ybadathana toplumu suw üpjünçiligi «mukaddes» oduň ýakylan ýerleri, ýiti ysly otlaryň galyndylary Goňurdepäniň ilatynyň otparazlar bolandygynyň subutnamasy däl-de, eýsem bu diniň bu ýerde emele gelendigini görkezýän alamatlaryň biridir.

GIÇKI BÜRÜNÇ ZAMANYNA DEGIŞLI MARGIANA WE BAKTRIÝA MEDENIÝETI

E.E.KUZMINA

(Russiýa)

Professor W.I.Sarianidi uzak ýyllaryň dowamynda Türkmenistanda işlän döwürde giçki bürünç eýýamynyň medeniýetine degişli birnäçe ýadygärlikleri açdy. Ýlmy maglumatlarda irki demir eýýamy diýlip atlandyrylýan halaty-da bar bolan bu döwürde degişli medeni gatlak Ulugdepe ýadygärligunde-de W.I.Sarianidi tarapyndan açylypdy we tassyklanypdy. Bu ýadygärlikde stratigrafiýa gazuw işleri Namazga IV medeni gatlagynyň üstüni giçki bürünç eýýamynyň örtýändiginden habar berýärdi. Şeýle zygiderli medeni gatlaklar Günorta Türkmenistandaky Änew depesinde,

Ýelkendede, Tekkemdede we käbir beýleki ýadygärliklerde ýüze çykaryldy. Mary welaýatyndaky Ýaz depede hem-de Ahal welaýatyndaky Ýelkendede geçirilen barlaglar irki demir eýýamyna degişli medeni gatlagyň soň-soň ahamenid döwri bilen sepleşip gidýändigini görkezýär. Belli barlagçy alym R.Pampelli bu döwre degişli ýadygärlikleri «wagşylar döwrüniň ýadygärlikleri» diýip belläpdi.

Hakykatdanam, hil taýdan we keşbi babatda kämil bolan ussalar tarapyndan aýlaw çarhynda taýýarlanan küýze gap-gaçlarynyň ornuna elde ýasalan gödeňsi küýze gap-gaçlaryň tapgyry şu döwürde ýüze çykýar. Adatça bu döwre degişli küýze gap-gaçlaryň nusgalary erňegi ýasy halka ýelmenen, kä halatlarda bolsa üçburç görnüşli daragta meňzeş nagyşlar çekilen görnüşde duş gelýärler. Bu döwür ekerançylyk işleriniň üzül-kesil pese düşendigi bilen häsiýetlendirilýär. Hut şu eýýamda gadymy oturymly mesgenler tozup, terk edilip, ýitip gidýär. Aýlaw çarhynda bezegsiz bolsa-da kämil görnüşli, ýokary hilli keramiki gap-gaçlara derek, elde ýasalan we bişirilgen gödeňsi nagyşly küze gap-gaçlar peýda bolýar. Günorta Türkmenistandaky dag eteginde ýerleşen ençeme gadymy ýadygärliklerde şeýle medeni gatlagda duş gelmek bolýar.

«Wagşylaryň basyp alan eýýamy» diýlip atlandyrylýan we döwre degişli düýpli öwrenilen ýadygärlik W.I.Sarianidi tarapyndan 70-nji ýyllarda gazuw-agtaryş işleri geçirilen Demirgazyk Owganystandaky Tylladepe ýadygärligidir. Professor W.I.Sarianidi gazuw-agtaryş we ylmy-barlag işleri bilen Günorta Türkmenistandaky we Demirgazyk Baktriýadaky şu döwre degişli ýadygärliklerde kybapdaş keramiki gap-gaçlaryň bolandygyny subut etdi. Şeýle meňzeşlik Bulujystanyň we Hind jülgesiniň käbir ýadygärliklerinde ýüze çykaryldy. Şol küýze gap-gaçlaryň radiouglerod barlaglary olaryň b.e.ö. II müňýyllygyň ikinji ýarymyna — b.e.ö. I müňýyllygyň başlaryna degişlidigini tassyklady.

Käbir alymlar bu döwürüň küýze gap-gaçlaryndaky nagyşlara aýratyn üns berip, has irki döwre – mis eýýamyna degişli nagyşlaryň gaýtadan dikeldilmesine edilen synanyşyklar barada pikir ýöredýärler. Emma gödeňsi küýze gap-gaçlaryň döremeginiň sebäbi nämede? Gadymy Gündogaryň ilaty: skifleriň we saklaryň etniki gelip çykyşy nireden? Biz öz işimizde şu möhüm meseleleriň üstünde durup geçeriş.

GOŇUR DEPEDÄKI MAZARÝSTANLYK: JEMGYÝETÇILIK GURLUŞYNYŇ HASABAT JÄHTDEN AÝRATYNLYKLARY

J.MALLORI

(ABŞ)

Goňurdepedäki mazarýstanlyk hakynda Wiktor Sarianidiniň çap edilen hasabatynda Baktriýa — Margiana arheologiýa toplumynyň jemgyýetçilik gurluşy barada möhüm maglumatlar habar berilýär. Goňurdepede geçirilen gazuw-barlag işleriniň dowamynda 2500 sany adam jaýlanan mazarýstanlygyň üsti açyldy, olaryň 80%-i bolsa bir döwürler talanypdyr. Guburlaryň galan 20%-i ellenmändir we

arheologlaryň aýtmagyna görä anyk maglumatlary ýygnamak mümkinçiligini döretmek üçin olar göçürilipdir. Bu gysgaça barlag işiniň düýp maksady gadymyýeti öwrenijini toplanan maglumatlara esaslanyp düýpli netije çykarmak işine gönükdirmekden ybaratdyr. Baktriýa–Margiana arheologiýa toplumynda dowamly alnyp barlan ylmy barlag gazuw-agtaryş işleriniň jemine nazar aýlap şu aşakdaky meselelere aýratyn üns bermek gerekdir:

1. Talanmadyk mazarlar doly öwrenilip, Goňurdepäniň ilatynyň jemgyýetçilik gurluşy baradaky arheolog tarapyndan hödürlenlen anyk hasabat derňewleriniň gymmatyny barlamak.

2. Arheolog tarapyndan anyk göz önünde tutulmadyk käbir nukdaýnazarlaryň kömegi bilen Goňurdepedäki ilatyň jemgyýetçilik gurluşy baradaky bilimleriniň giňeltmek synanyşyklary.

3. Goňurdepäniň ilatynyň jemgyýetçilik gurluşyny umumy şertlerde gaýtadan dikeltmek işlerine seretmek.

GADYMY MARGIANANYŇ BINAGÄRLIGI

M.MÄMMEDOW

(Türkmenistan)

Murgap derýasynyň ozalky akabasynyň bol suwunyň paýawlap ýaýran ýerlerinde uzak ýyllaryň dowamynda alnyp barlan arheologiýa, gazuw-agtaryş işleriniň dowamynda ýüze çykarylan gadymy Margiananyň, şeýle hem oňa ýanaşyk oturan gadymy Baktriýanyň binagärlik gurluşyklarynyň galyndylaryny içgin öwrenmek we gadymy Gündogar dünýäsiniň beýleki sebitlerindäki bürünç eýýamyna degişli kybapdaş ýadygärliklerini ylmy esasyda deňeşdirip görmäge mümkinçilikler açyldy. Şu jähtden alnyp barlan ylmy barlaglar b.e.öňki ikinji müňýyllykda özboluşly aýratynlyklary bilen tapawutlanýan baktriýa-margiana binagärlik mekdebinin bolandygy baradaky çaklamany öňe sürmäge esas berýär. Bu mekdebiň ösüş ýollaryny yzarlap, ýokardaky aýdylan pikiri ylmy taýdan esaslandyrmaga ýeterlik maglumatlar toplanyldy.

Merkezi Aziýanyň bürünç eýýamyna degişli ýadygärlikleriň köpüsindäki ymaratçylyk işiniň miras galan nusgalarynyň öwrenilmegi hut baktriýa-margiana binagärlik mekdebinin şu sebitlerdäki gurluşyk sungatynyň gözbaşy bolup durýandygyny tassyklaýar. Bu mekdebiň adaty gurluşyk işleriniň ýol-ýörelgelerine, usullaryna düýpgöter täzeçe garamak maksadyny getirendigini we amala aşyrandygyny görmek bolýar. Bu täze ýörelgäniň şu sebitlerdäki soňraky taryhy eýýamlarda ymarat gurmak işlerine öz täsirini ýetirendigini yzarlamak ulý kynçylyk döretmeýär.

Zoroastrizm dininiň ybadathana ymaratlaryna mahsus bolan «daş-töwregi däliz bilen gurşawly aýlanan giň otag» toplumu Gadymy Margiananyň çäklerinde giňden duş gelýär. Bu jaýlar barlagçy-alymlaryň ençemesiniň tassyklamalaryna görä belli bir dini döp-dessurlar berjaý edilen ybadathanalardyr. Şeýle ölçegli ymaratlaryň galyndylaryny Margiananyň käbir (Togalak-1 we 21) ýadygärlikler toplumynda we

Goňur-1 köşkler toplumynyň dini ymaratlar böleginde saklamak bolýar. Soňraky taryhy döwürleriň zoroastrizm ybadathanalaryndaky şuňa meňzeş gurlan ölçeglerdäki ymaratlar – «töweregi däliz bilen gurşalan şu otag» toplumlary özara baglanyşygy duýmaga we görmäge mümkinçilik berýär. Bu bolsa binagärlik usullarynyň, ýörelgeleriniň dowamly täsiriniň bolandygyny tassyklaýar. Bu ýagdaý belli alym W.W.Struwe tarapyndan lingwistik maglumatlara esaslanyp aýdylan «Gadymy Margiana — zoroastrizmiň dörän ýeridir» diýlen pikiriniň hakykata ýakynlygyna goşmaça ýene bir delil bolup hyzmat edýär. Bu alymyň pikirini professor W.I.Sarianidi arheologiya materiallary bilen has hem berkitmegi başardy. Her näme-de bolsa, Gadymy Margiananyň dini döp-dessurlary degişli ymaratlarynyň gönüden-göni zoroastrizm dini bilen baglanyşyklydygy jedelsizdir. Bu özara ýakynlygy ahemenidler döwrüniň we ondan soňraky antik döwrüniň zoroastrizm dini döp-dessurlarynyň we ybadatlarynyň meňzeş alamatlaryndan görmek bolýar.

Gadymy Margiananyň we Baktriýanyň binagärlik ýadygärlikleriniň kesgittli geometrik ölçegleriniň gelip çykyşy bilen baglanyşykly meseleleriň doly çözüdini tapmak barlagçylara henize çenli başartman gelýär. Käbir barlagçylar Daşly-3 ýadygärligindäki gadymy baktriya köşgüniň galyndysy bolan tegelek görnüşli diwar bilen gurşalan ymaratyň daşky keşbinde Mesopotamiýadaky ýadygärlikler bilen kybapdaşlygy görüp, muňa Baktriya ymarat gurluşyk sungatyna şol ýeriň adaty şu usullarynyň aralaşmak hadysasy hökmünde garaýarlar we munuň şeýledigini Tepe Gawrdaky «tegelek öýi» mysal getirmek bilen tassyklaýarlar. Emma Goňurdepede soňky ýyllarda geçirilen gazuw işleriň dowamynda «tegelek öý» şekilli ymaratlaryň galyndylary ýüze çykaryldy. Şeýlelikde, Baktriýada we Margianada şahergurluşyk işlerinde daşy tegelek diwar bilen gurşawa alnan belent ymaratlaryň bolanlygy adaty bir ýagdaýdyr. Mundan başga-da gadymy Margiananyň binagärliginde tegelek küňreler giňden ýaýrapdyr. Şeýle binalar Baktriýanyň (Daşly-1, Ballaly Depe) ýadygärliklerinde-de bar. Tegelek görnüşli küňreleriň we beýleki käbir binalaryň döreyşi köklerini käbir alymlaryň belleýşi ýaly Günorta Türkmenistanyň eneolit eýýämüne degişli ýadygärliklerinden gözlemek ýerlikli bolsa gerek.

AJYGUÝY JULGESINIŇ OJAKLARY

ANNAMYRAT ORAZOW

(Türkmenistan)

Mary şäherinden 100 km demyrgazykda Baýramaly etrabiniň “Görelde” daýhan birleşiginiň garagum çöldäki yerinde yerleşýän brünç zamanynda degişli Ajyguýy-1; 9 ýadygärliginde 2001-nji ýylyň güzünde Türkmenistan bilen Italiýanyň Legabuýa ylmy-barlag merkeziniň arasyndaky ylalaşyklar esasynda ýaz we güz möwsümünde yzgidirli gazuw-agtaryş işleri alynyp barylýar. Ajyguýy-9 ýadygärliginde 2004-nji ýylyň ýazky möwsümünde gazuw-agtaryş işleri başlanyp 2006-nji ýylyň ýazky möwsümüne çenli takmynan 4/3-bölegi gazylap öwrenildi. AG-9 ýadygärligi planda paralegram formada ugry demyrgazyk-günbatara 3360 taraplarynyň ölçegleri demyrgazyk tarapy

67, 20 m, gündogary 76,00 m , güntortasy 65,50 m , günbatar tarapy 77,00m 1 deň,daşy iki gat gorag dywardan we başnyýalary bilen berkidilip , gönümel gorag dywarlaryna degyrylyp ýaşayyş otaglary gurulypdyr. Esasy AG-9, AG-1 ýadygärliginde gazu-agtaryş işleriniň dowamynda ýüze çykarlan ýaşayyş otaglardaky peçleriň arhitekturasyna seredyljek. Herbir ýaşayyş otaglarda,gündelik zerur bolan öý kamin peçler gurlupdyr. Şeýle kamin peçleriň esasy abat saklanyp galan konstuksyýasy ýaşayyş otag 82; 180 we daşky gorag otagy 38-de, galanlarynda peçleriň 4/2 bölegi saklanyp galyndydyr. Peçleriň esasy iki görnüşü bar . 1-nji görnüşdäki kamin peçler otaglar — 38, 82, 180. 2-nji görnüşdäki peç otag – 21; (surat.1). Kamin peçleriň aksonometriýasy , kesilen görnüşde (surat.2.).

1. Kamin peç iki bölekden ýagny ot ýakylýan we nahar bişirilýän,dywarda gurlan, dywaryň içinden üsti tüsse çykýanly .

2. Peç diňe otýakylýanly bölekden dywarda gurlan ,dywaryň içinden üsti tüsse çykýanly.

Ýaşayyş otaglarda esasy köp gurlan 1-nji görnüşdäk kamin peçler . Şol kamin peçlerden doly gurluşyk konstruksyýasynyň saklanyp galany 2006-nji ýylyň ýazky möwsümünde otag 180 üsti açyldy.Umumy saklanyp galan beýikligi 0,86sm, pejiň fasady otagyň içine tutuşlaýyn dywardan 0,28sm öňe çykýar . Fasada kaminiň agzy awalaýakyn ýatyk formada arka gurlupdyr, pejiň içine 0,30sm –den pejiň ot ýakylýan we nahar bişirilýän bölegi başlanýar .Ot ýakylýan böleginde poldan başlanýan yerinde nädogri formada diýametri 0,40;0,30sm,çuňlygy poldan aşak 0,8sm çukur edilipdir we daşyna palçyk bilen 0,6sm beýiklikde 0,12sm galyňlykda aýlaw formada bortyk edylypdyr. Pejiň bu bolegi ýagny ot ýakylýanda , odyň külini aýyrylanda daşyna çykmazylygyny saklapdyr,ot ýakylýan böleginiň içine uzynlygy 0,68sm , ini pejiň agyz böleginde 0,48sm,gutarýan yerinde 0,24sm çenli içine kiçelýär, ot ýakylýan böleginiň agzy otagyň polyndan 0,48sm beýiklikde aýlaw nahar bişirilýän tarapa ýaplanan arka edilipdir .Ot ýakylýan bölek bilen nahar bişirilýän bölegiň arasynda odyň gyzgynlygynyň nahar bişirilýän bölegine geçmekli üçin otýakylýan bölegiň polyndan 0,22sm beýiklikde , uzynlygy 0,42sm palçykdan bortyk edilip, 0,30sm , beýiklikde boş yer goýupdyrlar . Nahar bişirilýän boleginiň poly,otagyň polyndan 0,10sm ýokarda başlanýar agzynyň ini başlanýan yerinde 0,62sm, beýikligi 0,38 sm aýlaw awala ýakyn arka,içine uzynlygy 0,70sm.Pejiň fasad tarapynda ot ýakylýan we nahar bişirilýän böleginiň arasy 0,14sm inilikde bölünýär,pejiň içi,daşy dykyz edylyp uşak saman bilen suwalypdyr,tüsse çykýan bölegi doly konstruksyýasy saklanmandyr. Pejiň tusse çykýan böleginiň konstruksyýasynyň doly saklanany otag — 82 (surat. 2.), bu peçde nahar bişirilýän böleginiň üstinde dik ýokaryk ini 0,18,uzynlygy 0,32sm ölçegde çykyp gidýär , şu konstruksyýa otag 38;180-de birmeňzeş . Ýaşayyş otaglarda pejiň fasad tarapy we arka tarapy dywardan daşyna çykarlypdyr,fasadaky arkanyň giňligi kamin peçleriň içinde ulusy otag — 180de 1,38sm deň,arkada kerpiçleriň konstruksyýasy belli däl . Otaglarda kamin peçler uzak wagytlap ulanyşda bolupdyr, arasynda bejergi işleri geçirilipdir,galyň palçyk suwaglary peçlerde görmek bolýar. Kamin peçlerde ot ýakylýan we nahar bişirilýän bölekleri belli bir tertipde gurulman hem sagda we çep tarapynda gurlupdyr,pejiň ot ýakylýan bölegi otagyň polyndan 0,5 ó 0,15 ó 0,25sm beýiklykde gurlanlary hem bar. Peçleriň gurluşygynda esasy 0,46 ó 0,22 ó 0,14sm samanly çyg kerpiçler ulanylypdyr . Birinji gurluşyk döwrüniň otag — 163 ; 139 — da kamin peçleriniň nahar bişirilýän böleginde gyrasynda

çuňlygy 0,16sm pola çenli diýametri 0,16;0,22sm oýmak ýer ýörite edilipdir, bu ýer keramiki gap-gaclarýň belli bir görnüşini goýmak üçin niýetlenen bolmagy mümkin. Ýaşayş otaglarynda kamin peçleriň ýerleşdiriliş kompozisiýasyny gurluşykçylar tutuş bir bitewi tipowoly plan boýunça gurupdyrlar. Gurluşykçylar esasy kamin pejiň görnüşini köp gurupdyrlar. Kamin peçleri ýaşayş otaglarynda gurlanda, giren ýerinden sag ýada çep tarapynda 0,20sm – 2m aralykda gurlupdyr, şeýle otaglar 4 , 13 , 17, 32, 63, 41 , otaga gireniňde gönidäki dywarda hem gurlupdyr şeýle otaglardan , otag – 54 (surat 4) . Bir otag iki kamin peçleriň gurlany hem bar otag – 27 , daşky gorag başnyýalarda peçler gurulmandyr , esasy gorag başnyýalaryna ýakyn ýerde daşky gorag koridoriniň içki dywarynda diňe kamin görnüşindäki peçleri gurupdyrlar, peçleriň umumy gurluşygynda şol bir ölçegler saklanypdyr .

Ýaşayş otaglarynda 2-nji görnüşdäki peçler otaglar 21 ; 26 ; 66 – da gurlupdyr (surat. 3.), bu peçlerde diňe ot ýakylýan bölegi bolup, otagyň dywary bilen bile gurlupdyr.

Otag-21 pejiň saklanyp galan beýikligi 0,46sm, fasad tarapynda agzynyň ini 0,45sm, içine uzynlygy 0,80sm, esasy dywardan daşyna 0,80sm çykýar. Otagyň polyndan 0,10sm aşakda poly başlanýar, hiç hili dywardan öňe çykýan zat ýok, dywar bilen deň tekizlikde. Pejiň içi, daşy uşak samanly palçyk bilen suwalypdyr, peç uzak wagtylap ulanyşda bolupdyr, yzgyderli suwag bejergi işleri geçirilipdyr. Otag-66, 3-nji döwre degişli peçde, pejiň poly otagyň polyndan 0,18sm ýokarda gurlupdyr, fasad tarapynda pejiň agzy 0,61sm, içinde gutarýan ýerinde 0,45sm, içine uzynlygy 0,94sm, umumy saklanyp galan beýikligi 0,36sm.

AG – 1 ýadygärliginiň günortasynda 2002 – nji ýylyň ýazky we güýzki möwsümünde ýaşayş jaý kompleksiniň üstü doly açylyp öwrenildi . Şertli beigide AGG – 1 ýaşayş jaý kompleksiniň ýaşayş otaglarynda hem peçleriň esasy 2 – nji görnüşindäki peçler gurlupdyr , peçleriň tüsse çykýan böleginiň konstruksiyasynyň doly saklanyp galany otag – 18 , 24 , 25 (surat. 5.) 2 , ot ýakylýan bölekden gönümel dywar bilen dik ýokarlygyna uzynlygy 0,39sm , ini 0,22sm ölçegde çykýar. Peçleriň fasad tarapynda pejiň gyrasy samanly palçyk bilen aýlaw formada 0,5sm – 0,8sm dywardan öňe çykarlyp berkidilipdyr, pejiň poli otagyň poly bilen deň edilipdyr, peçler uzak wagtlaý ulanyşda bolup yzgyderli samanly palçyk bilen suwalyp bejergi işleri geçirilipdir.

Peçleriň gurluşygynda gurluşykçylar esasan şu ölçeglerde peçleri gurupdyrlar, pejiň agyzlary poldan başlanýan ýerinde giňligi 0,70sm — 0,80sm , beýikligi 0,51sm – 0,75sm , içine 0,58sm – 0,78sm aralykda , otag – 19 beýikligi 0,92sm bilen tapawutlanýan bir peç ýaşayş jaý kompleksi boýunça . AGG – 1 ýaşayş jaý kompleksiniň ýaşayş otaglarynda peçleriň ýerleşdirilişini gurluşykçylar esasan ýaşayş otagyň törine ýakyn dywaryň içinde gurupdyrlar , peçleriň ýaşayş otaglarynda gurlan ýerleri (surat 6) , gurluşykçylar esasy ot ýakylýan bölekden ybarat pejiň görnüşini ýaşayş otaglarynda köp gurupdyrlar . AG – 1 ýadygärliginde peçleriň iki görnüşini hem gurulypdyr, häzirkki wagtyda gazuw agtaryş işleri dowam etdirilýär.

GURLUŞYK TEHNIKASY WE MATERÝALARY

Ajyguýydaky gurluşykçylar esasy materýali çig kerpiçi we samanly palçygy ulanypdyrlar . Bu materýal gurluşykçylar üçin amatly hem arzan bolupdyr . AGG — 1 ýaşayş jaý kompleksinde guranlarynda esasy gurluşykçylar (0,42 ö 0,21 ö 0,10sm

) 3 ölçegdäki çig kerpiçlerden gurupdyrlar . AG – 9 ýadygärliginde (0,42 – 0,46 ö 0,21 – 0,24 ö 0,13 – 0,14sm , 0,40 – 0,41 ö 0,18 – 0,21 ö 0,12 – 0,14sm we 0,35 – 0,39 ö 0,18 – 0,20sm ö ? sm) 4 ölçegdäki çig kerpiçler daşky gorag dywarynda , ýaşayş jaýlarda kerpiçleriň hemme ölçegleri garylýp dywarlary örüpdyrlar . Ýagny şeýle uly gönüburçly taraplary 1 : 2 : 4 proporsiyaly agramy 11 – 13 kg ýetýän çyg kerpiçler çylşyrymly konstruksiyalarda , arkalarda , dywarlaryň birleşýän ýerlerinde , dywarlaryň örümünde kerpiçler uly ölçegleriniň we agramynyň hasabyna gurluşykçylar berkligi gazanypdyrlar 5 . Şeýleçi çig kerpiçleriň müňylyklaryň dowamynda taýarlanşynda uly bir üýtgeşyklyk bolmady . Kerpiçler taýarlananda agaçdan ýörite edilen aşagy boş galynda guýupdyrlar 6 . AG – 9 — ýadygärliginde dywarlaryň kerpiç örüminiň konstruksiyasynda gurluşykçylar esasy iki görnüşdäki kerpiç örümünde dywarlary gurupdyrlar.

Daşky gorag dywarynyň perimetrinde esasy 0,42 – 0,46 – 0,48 ö 0,24 ö 0,14sm ölçegdäki kerpiçden gurupdyrlar , dywarda birinji kerpiji uzynlygyna yzgyderly örülip , ikinji kerpiç keseligine degirilip örülipdir , ikinji täze ryad tersine edilip örülipdir . Dywariň kábiri ýerlerinde gabat gelýär 0,8- 0,10 sm arlykda palçyk bilen iki kerpijiň arasy dykz edilip doldurylypdyr .

Günorta tarapyndaky 33 – nji belligi daşky gorag başnyýasynda we gorag dywarda kerpiçleriň konstruksiyasy (surat .7.) , gorag başnyýasynyň dywarynda gurlanda esasy şu ölçegdäki (0,48 ö 0,22 ö 0,14sm we aralarynda 0,8 – 0,15sm aralykda palçyk bilen kerpiçleriň bölekleri bilen boş yerleri doldurylypdyr.) kerpiçleri köp ulanypdyrlar.

Ýaşayş otaglarynyň dywarlarynda , esasy bir kerpijiň ölçeginde ini ýa-da uzynlygy dywaryň galyňlygy bolup , keseligine ýada uzynlygyna kerpiçleri örüpdirler . Dywarlarda kerpiçleriň örülişiniň konstruksiyalarynyň görnüşleri (surat . 8.) . Dywarlaryň örümünde bölek kerpiçleriň ulanylan ýerleri we palçyk bilen doldurlan ýerleri hem duş gelýär , kerpiçleriň hili hemme ýerinde birmeňzeş . Ýaşayş otaglaryň poly , dywarlaryň ýüzi samanly palçyk bilen suwalyp , bejergi işleri yzgyderli geçirilipdir . AG – 9 ýadygärliginde gazuw agtaryş işlerini 2006 – nji ýylyň güýzki möwsümünde dowam etdiriler.

Ýaşayş otaglary dywarlarynda , dywaryň burçlarynda birikýän ýerinde kerpiçleriň örülişiniň konstruksiyalarynyň görnüşleri.

PEÝDALANYLAN EDEBIÝATLAR

Rossi-Osmida G. Preliminary report on research carried out in the Oasis of Adji Kui 2004 // Central Asia Cultural Values, No 3, 2004.

Rossi-Osmida G., Udeumuradov B. PRELIMINARY REPORT ON RESULT OF STUDY INTO THE SETTLEMENTS AND NECROPOLIS ADJI KUI 1 AND 2 // Central Asia Cultural Values, Vol.1, No 2, 2003. (Peçleriň görnüşleri , awtoryň öz çyzygy sahypa 65).

1. Central Asia Cultural Values . (Volume I Number 2 – June) .

Şolyerde (ANCIENT ARCHITECTURE) sahypa – 59 .

2. Central Asia Cultural Values . (Number 3 – 2004) .

Şolyerde sahypa – 20 .

3. Central Asia Cultural Values . (Volume I Number 2 – June) .

Şolyerde awtor (ARCHITECTURE OF FUNERAL STRUCTURES IN ADJI KUI) sahypa – 102 .

Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. А., 2003. С.110 .

MARGIANADAKY BARLAGLARYŇ KÄBIR JEMLENEN NETIJELERI

B.N.ÖDEMYRADOW

(Russiýa)

Margiananyň b.e.öňki II müňýyllyga degişli arheologiýa ýadygärlikleri köp wagtdan bäri öwrenilip gelinýär we häzirki döwürde Orta Aziýa sebitinde iň oňat öwrenilen uly ýadygärlik toplumu hasaplanylýar. Bu işleriň dowamynda barlagçylaryň öňünde täze maksatlar we meseleler ör boýuna galdy. Şeýlede bolsa, eýýäm häzir Margiananyň bürünç eýýamynyň ýadygärlikleriniň barlaglarynyň ählisine mahsus bolan käbir pikirler (konsepsiýalar) barada gürrüň edip bolar.

Birinji we has wajyp pikir (konsepsiýa) olaryň gelip çykyşyna degişlidir. Ikinji pikir (konsepsiýa) Margiananyň gadymy ilatly obalarynyň ýerleşişini we ol ýerde ýaşayan ilatyň durmuş derejesini şöhlelendirýär.

Barlagçylar tarapyndan ýadygärlikler toplumynyň kesgitli çäginä aňlatmak üçin köp ulanylýan «oazis» (medeni oturym) adalgasy hakykatdan gaty bir daşam dälidir. Margianada şeýle oazisleriň dokuzysy bolupdyr, aslynda welin, olaryň sanynyň köp bolan bolmagy hem ahmaldy.

Margiana b.e.öň II müňýyllykda jemgyýetiň ösüşini sazlandyran dolandyryş we syýasy durmuşy bar bolan, sosial toparlary emele gelen, gadymy gündogara mahsus kiçi döwlet bolupdyr. Bu özboluşly ulgam Müsüriň şeýle-de Tigr we Ýefrat derýalarynyň aralygyndaky gadymy şäher görnüşli döwletlerinde bellidir. Emma Margiana degişlilikde döwlet institutlarynyň döremegini we kämilleşmegini üznüksiz we awtohton ýagdaý diýip seretmeli bolar.

Barlaglaryň üçünji pikirini (konsepsiýasyny) dini garaýyşlaryň mümkin bolan üýtgeşmeleri bilen gönüden-göni baglanyşdyrmak bolar.

Margiananyň jemgyýeti ýönekeý Ene-Hudaýyna çokunmak däbinden haýyr we şer, ýagtylyk we garaňkylyk bilen baglanyşykly bolan daş — töweregi gurşap alýan we o dünýe baradaky syýasy düşüňjeleri özünde jemleýän ygtykady kabul edip alypdyr. Möhürlerde we tumarlarda çylşyrymly dini şekilleriň peýda bolmagy eýýäm aň-düşünjede mifologiýanyň emele gelendigini we kämilleşendigini görkezýär.

Dördünji pikir (konsepsiýa) Margianany bir tarapdan ösen medeniýetli özbaşdak merkez hökmünde we beýleki bir tarapdan bolsa gadymy Gündogaryň ähli şäher-döwletleriniň düzüm bölegi bolandygyny kesgitlemekligine gönüden göni degişlidir.

ARYÝ MESELESİ WE BAKTRIÝA–MARGIANA ARHEOLOGIÝA TOPLUMY

A.PARPOLA

(Finlyandiýa)

Baktriýa-Margiana arheologiýa toplumynyň eden açyşlary ariý meselesini çözmek üçin gerek bolan zerur maglumatlaryň üstüni ýetirmäge mümkinçilik berdi. Başga-da bu açyşlar BMAT-nyň özüniň asyl manysyny düşündirmekde hem esasy maglumat bolup durýar.

Ýöne ariý meselesiniň özi kesgitli nämäni aňladýar?

Hindi-ariý dilinde b.e.öňki I müňýyllykda Päkistanda we Demirgazyk-Günbatar Hindistanda ýaşayan halklar, olara ýakyn bolan dilde bolsa Merkezi Aziýanyň halklary gürläpdirler. Emma bu ariý ýa-da hindi-ýewropa dilleri (şunuň esasynda hem ilkinji ariý proto-dili emele gelýär) nireden gelipdir, olar 2 şaha nädip bölünipdir haçan we nähili ýol bilen ariý dili bu welaýatlara aralaşypdyr, gadym zamanlarda niredi bu dilde gürläpdirler? Bu meselelere degişli bolan arheologiýa we lingwistik subutnamalar giden bir toplumu emele getirýär. Bu nutukda biz 2 sany gapma-garşylykly teoriýa barada gürrüň edýäris. Olaryň birisi ariý we hindi-ýewropa dilleriniň watany Merkezi Aziýa beýlekisi bolsa Hindistan diýip hasaplanýar.

AT-ARABASY WE ONUŇ ARIÝ DÜŞÜNJESI BOÝUNÇA HUDAÝLAŞDYRYLMAGY

Günorta Uraldaky abaşew medeniýeti Sintaşta-Arkaim (takmynan b.e.öňki 2200-1080 ýý) medeniýetiniň ýokary galmagyna itergi berýär. Bu ýerden tapylan guburlarda has irki zamanlarda ulanylan at arabalary tapyldy (takmynan b.e.öň 2000 ý.) Ýewraziýa düzlükleri atlaryň watany bolupdyr we olar ilkinji gezek bu ýerde araba goşulypdyr diýip aýtsa bolar. Sintaşta-Apkaim medeniýeti Günorta Sibirdi we Merkezi Aziýada b.e.öňki 1800-1300-nji ýyllar aralygynda giň ýaýran andronow medeniýeti toplumynyň gözbaşy bolup durýar. Emma, Margianada edilen açyşlar bu meselä täzeden dolanmaga mejbur edýär.

BAKTRIYA–MARGIANA ARHEOLOGIYA TOPLUMY WE BEYIK HIND JÜLGESI

G.L.POSSEL
(ABŞ)

Beýik Hind jülgesiniň, Bulujystanyň, hatda Rajystanyň çäklerinden toplanan we şol ýerlerde saklanyp galan biziň eýýamymyzdan ozalky III müňýyllygyň soňky döwürlerine we II müňýyllygyň başlaryna degişli bolan tapyndylara we gadymy yadgärlikleriň galyndylaryna çuňňur nazar salanyňda olaryň Baktriya-Margiana arheologiya toplumu (BMAT) bilen özara baglanyşygynyň bardygyna göz ýetirmek bolýar. Bu iki sebitiň özara medeni we ykdysady gatnaşyklarynyň taryhy örän irki zamanlardan başlanýar. Biziň eýýamymyzdan ozalky IV müňýyllyga degişli tapyndylar deňeşdirilip göründe-de şu gatnaşyklaryň bolandygynyňdan habar berýän maglumatlary gadymyýeti öwrenijiler topladylar. Şu nutukda Beýik Hind jülgesiniň we Bulujystanyň gadymy ilatynyň Baktriya-Margiana arheologiya toplumu bilen özara gatnaşyklarynyň gözbaşyna nazar salnýar, şeýle hem şu sebitlerden toplanan arheologiya maglumatlaryny deňeşdirip görmek arkaly netije çykarmaklyga synanyşyk ediliýär. Aýry-äýry tapyndylary anyk we umumy ýagdaýda deňeşdirip görmek üçin ylmy derňewler we seljermeler geçirildi. Biziň gelen netijämiz şu nutukda jemlenýär.

MARGIANA WE TÖWEREGINI GURŞAN DÜNYÄ TOPARLAÝYN JEMGYÝET: EGEÝ KYBAPDAŞLYGY

K.RENFRÝU
(Beýik Britaniya)

Egeý deňziniň kenarýakasynyň bürünç eýýamynyň siwilizasiýasy döwüründe Türkmenistanda hem-de Eýran tekizliginde bolşy ýaly uly bolmadyk derýalaryň ýaşayş üçin amatly jülgelerinde döräpdir. Bu siwilizasiýalaryň diňe bir döreyiş däl-de, eýsem jemgyýetçilik gurluşy, düzümi babatda-da käbir kybapdaşlyklary bardyr. Merkezi Aziýadaky bu medeni ösüşler suwarymly ýerleriň ýa-da «oazis siwilizasiýalary» diýlip häsiýetlendirilýär. Bu adalga onçakly takyk däl hem bolsa, ilaty az bolan çöllük ölkelerde ekerançylyk bilen meşgullanyp, uly ösüş-özgerişlere ýeten merkezler barada düşünje berýär. Käbir alymlaryň işlerinde bu merkezleri Mesopotamiýada, Müsürde we Hindde dörän ir zamananyň «şäher merkezlerine» garanyňda ýöktem görmek meýilleri duýulýar, emma aslynda bu ýalňyş pikirdir, sebäbi her bir medeni merkezi öz şertlerine görä, aýratynlyklaryna üns berip derňemek gerek. Egeý deňziniň siwilizasiýasynyň Günbatar Aziýa we Lewant (Ortaýer deňzi sebiti) bilen gatnaşyk saklandygyna garamazdan, W.G.Çaýldyň döwürdeşlerinden

bäri käbir alymlar «oazis siwilizasiýalaryny» soňky dörän «ikinci siwilizasiýalar» hasaplap gelýärler.

ÇÖLLÜKDÄKI OTURYMLY ÝERLER WE SÄHRALYKLAR

«Çöllükdäki oturymly ýerler» adalgasy ygalyň az düşýän ýeri manysynda bolup, ilat üçin ýaşayşyň derýanyň bol suwy bilen kesgittenýändigini aňladýar. Derýalaryň jülgesinde ýaşayanlaryň ekerançylyk bilen deň hatarda maldarçylyk bilen meşgullanmaga-da mümkinçilikleri bar. Dag etegindäki giň sähralyklarda ygalyň köp düşýänligi maldarçylygyň güýçli ösmegine, şol bir wagtyň özünde ekerançylygy ýola goýmaga we özara gatnaşyklary ösdürmäge şert döredýär. Şeýle meňzeş şertler Týan-Şan daglarynyň sebitlerinde-de bar. Bu sebitdäki Ksinjaň yadgärliginde b.e. öňki 1500-nji ýyllara degişli tapyndylar ýüze çykarylady. Bu sebitleriň Türkmenistan bilen baglanyşygynyň ýüze çyjkakdygyna umyt bar.

HINDI-YEWROPA DILLER MAŞGALASY

Hindi-yewropa dilleriniň döreyşi we ýaýraşy barada dürli pikirler aýdylýar. Olaryň iň yörgünlisinde – anatoliya ýa-da ekerançylaryň ýaýramagy teoriýasynda proto-hindi-yewropa dilleri Anatoliýanyň üsti bilen Gresiýa, Balkan ýurtlaryna, Ukraina ekerançylaryň hem-de maldarlaryň has-da köpelmegi we ýaýramagy netijesinde Ýewraziya aralaşypdyr diýlen netijä gelinýär. Kurgan teoriýasyna görä, halkolit zamanasynda Gara deňziň demirgazygynda jemlenen atly goşunly göçme taýpalaryň dürli ölkelere ýörişleri netijesinde bu dilleriň ýaýramagy ýüze çykýar. Bu iki teoriýanyň Anatoliya we Yewropa üçin dürli manysy bardyr. Hindi-yewropa dillerine gezek gelende şu iki teoriýanyň ikisi-de birmeňzeş nukdaý nazarda durýar. Emma muňa garamazdan Eýrana, Türkmenistana, Özbegistana iň gadymy döwürlerde hindi-yewropa diliniň ýaýramagy bilen baglanyşykly meseleler açyk bolmagynda galýar. Bu mesele biziň ylmy maslahatymyzyň başga bir mowzugydyr.

TÜRKMENISTANYŇ GADYMY MALDARLARYNYŇ DINI YGTYKATLARY

H.ÝUSUPOW
(Türkmenistan)

Demirgazyk-Günbatar Türkmenistanyň gadymy maldarlarynyň özboluşly dini ygtykatlary beýleki ýewraziya-sähraly maldarlaryňky bilen deňeşdirilende diňe bir maddy miras taýdan däl, eýsem ruhy medeniýetinde-de görmek bolýar. Ony miladydan öňki VII-VI asyrlaryndan bäri belli bolan merhumy jaýlamak döplerinde dürli görnüşli jeset gutularda (ossuariýede) jaýlamak döbrinde görmek bolýar. Olar ýörite taýýarlanan «sagana» görnüşli jaýlarda (skleplerde) jaýlananlaryň umumy sanynyňdan uly bolmadyk göterimini tutýar.

Jeset gutular (ossuarlar) hökmünde esasan ýerli, elde taýýarlanýan irki görnüşli gaplar ulanylýdyr (Tersakan, Ýalkym). Jesedi şeýle jaýlamak dessury ýerli döplerde goşmaça hökmünde döräpdir, hakykatynda meýitleri ýörite taýýarlanýan sagana görnüşli jaýlarda (skleplerde) galdyrmakdyr. Arassalanýan süňkleri bolsa jeset

gutularyna ýygnap galdyrypdyrlar. Başgaça aýdanyňda, ähli meýit jaýlama gurluşyklary, şol bir wagtyň özünde meýidiň galdyrylýan ýeri «dahma» hem-de jeset gutulary (ossuarlar) üçin «naus» bolup hyzmat edipdir. Jeset gutularynyň köpçülikleýin ýaýramagy giçki döwre degişli. «Otparazlaryň» ölkeleri üçin negada bir zat, ýerlerde öndürilen (taýýarlanylýan) ýelken (gaýyk-ahyr) görnüşli jeset gutulary. Olar ýerli we daşardan getirilen çarhda ýasalan gaplar bilen bir hatarda ulanylypdyr.

Sebitiň ölüni jaýlamak däpleri, gadymy döwre degişli ýazuw çeşmelerinde belenilişi ýaly (Strabon we başgalar), gadymy maldarlaryň jaýlamak adatlarynyň düzgününde oňat ýerleşýär. Jaýlamak däbi birnäçe tapdyrlara bölünýär: -jaýy (sklepi) gurmak; -meýidi jaýyň (sklepiň) meýdançasyna goýmak, daşly gatлага çenli toprakdan arassalamak; -arassalanylýan süňkleri jeset gutusyna ýerleşdirmek (geçirmek) ýa-da bir ýerde ýygnap goýmak. Kä halatda sklepiň («nausyň») demirgazyk tarapynda ýörite meýdi galdyrmak üçin meýdança («dahma») gurlupdyr. Giçki döwürde gurlan saganlarda — «mawzoleýlerde» diňe bir tutuş ýapman, eýsem ýörite, gelejekki jaýlamalar üçin girelgeler galdyrylypdyr (Beýnew).

Otparazlara ýa-da ol ýnançlaryň gelip çykmaklaryna has ýakyndygyny görkezip, beýleki sähraly maldar taýpalaryň döplerinden has tapawutlanýan, demirgazyk Garadeňiz maldarlaryny-ha agzap oturmaly hem däl. Şeýitleri-jesetleri jaýlamak däbinden başga-da ybadathana dini toplumlary bolan Içyanlydepe we Garawuldepe ýadygärlikleri şaýatlyk edýärler. Olar müdümilik keramatly ot ýanan ybadathanalar. Şol bir wagtyň özünde-de, Demirgazyk-Günbatar Türkmenistanyň arheologiki ýadygärliklerinde ýewraziýaly maldarlaryna degişli arheologiki tapyndylarynyň ýoklygy tötänden däl. Diňe giçki ýadygärliklerde onuň ýönekeý meňzeşlikleri ýüze çykyp başlaýar. Jaýlaşyk gurluşyklarynda ýumşak daşlardan ýasalan antropomorff heýkeljikleri duş gelýär. Içyanlydepe ybadathanasyndan tapylan dini döplere degişli toýundan ýasalan gaplaryň arasynda bir sany heýkeljik, gaýyk görnüşlije jeset gutusynyň görnüşi.

Ybadathanalaryň ikisinde-de keramatly oduň külüne örän aýawly garapdyrlar. Ony ýerinde saklamaklyga yhlas edipdirler. Emma, ybadathanalarda birnäçe ýüz yylyň dowamynda ýakylan oduň galyndylaryny bir ýerde saklamak mümkin bolmandyr. Şonuň üçin hem, dini döpleriň düzümi külüň esasy bölegini aýryp, galan küli niredede bolsa-da ulanmaklyga rugsat berilendir diýip çaklasa bolar. Mümkin bolan usullaryň biri keramatly odyň galyndylaryny saklamaklyk keramatlaşdyrmak üçin ulanylýan bolmagy-da mümkin (külüň we ownuk kömürjikleriň saganada-sklepde).

Garawuldepäniň we Içyanlydepäniň, ikisi-de deň ähmiýetli ybadathana bolmaly. Olarda müdümilik ýakylan otlar bolmasa-da, ýokary derejeli otlar ýakylan bolmaly. Ybadathanalaryň her biriniň öz täsirini ýetirýän ýeri bolupdyr.

Baş ybadathanalaryň ikisinde miladydan öňki II asyrdan taşlanylýpdyr. Täzesi bolsa döredilmändir. Mümkin, olaryň ýerine ýetirýän işleriniň bir bölegini uly bolmadyk köp sanly sklepleriň ýanyndaky «ojaklarda» ýakylan otlar ýerine ýetirýär (Giçgeldi, Çyryşly 14 we 16, Çölüňgyr we başgalar).

Içyanlydepäniň külüniň arasynda ýarymýanan ýowşanyň duşmagy (bolmagy) onuň ysly ösümlik hökmünde ulanylandygyny çak etmeklige mümkinçilik berýär. Gadymy döwre degişli ýazuw ýadygärliklerinde keramatly oda ysly ösümlikleri we agaç miwelerini taşlapdyrlar. Bu döplede ýerli ösümliklerden borjak, arçanyň miwesi bilen şahajyklary ulanylýan bolmagy ähtimal.

BIZIŇ EÝÝAMYMYZDAN OZALKY III MÜŇÝYLLYKDAKY ÖZARA MEDENI GATNAŞYKLARYŇ SUBUTNAMALARY DOGRUSYNDÄ

Eýranyň Milli muzeýiniň iň gadymy döwre degişli bölümünde «ýumşak» daşlardan we gipsden ýasalan tapyndylaryň kolleksiyasy aýawly saklanýlar. Bu tapyndylar demirgazyk-gündogar Eýranyň, Günorta Türkmenistanyň, şeýle-de gündogar Owganystanyň arheologiya ýadygärliklerini öwrenmekde örän peýdaly we aýratyn möhüm ähmiýete eýe bolup durýar. Sebäbi bu tapyndylar ýokarda ýatlanan sebitleriň ilatynyň örän gadymy döwürde özara medeni gatnaşyklarda bolandygyny tassyklaýan maglumatlary özlerinde jemleýär. Bu kolleksiya şol bir wagtyň özünde Uly Horasan Sebitiniň özara medeni gatnaşyklarynyň subutnamalary bolup durýar.

Eýranyň Milli muzeýindäki resminamalardan mälim bolşuna görä, bu tapyndylar Horasanyň we oňa ýanaşyk bolan welaýatlaryň çäklerinden toplanypdyr. Gissar jülgesinden we Eýranyň günorta-gündogar sebitlerinden, şeýle hem Günorta Türkmenistanyň, gündogar Owganystanyň gadymy ýadygärliklerinden tapylan nusgalar gadymyýeti öwreniji alymlara daş işlemek we daş söwdasyny ýola goýmak babatynda gadymy ýaşajyklaryň durmuşa geçiren işleri barasynda pikir ýöretmäge mümkinçilikler döredýär.

Bu nutukda şol tapyndylary toparlara bölmek, peýdalanylýan daşlary himiki analiz boýunça derňemek we kesgitlemek, olaryň gelip çykyşy we öndürilýän ýerleri we beýleki möhüm meselelere üns berilýär. Daş kánleriniň ýerleşýän ýerini kesgitlemek we deňeşdirip görmek, Eýranyň, Merkezi Aziýanyň, şonuň bilen birlikde Margiananyň we Baktriýanyň gadymy ilatynyň şu nukdaý nazardan özara gatnaşyklarynyň ýüze çykmasy derňemek maksady bilen degişli seljermeler geçirmeklige synaşyk edilýär.

**Hassan Akbari,
Morteza Hessari (Eýran)**

GADYMY MARGIANANYŇ EKERANÇYLYK TARYHY BARADA

Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamasynda: "Merw, Maru-şahu-jahan. Mary dört müň ýyl mundan ozal gülläp ösen, türkmenleriň ata-baba topragynyň ösen merkezi şäheri bolupdyr" diýip ýazýar.

Irki döwrüň ekerançylary diňe bir Kopetdagyň etegindäki düzlükleri özleşdirmek bilen çäklenmän, kem-kemden Murgap derýasynyň gadymy akymynyň aşagy ýerlerini hem özleşdiripdirler. Murgap derýasy ilatyň esasy suw ulgamlarynyň çylşyrymly desgalarynyň biri bolupdyr. Miladydan öňki II müňýylygyň başynda Murgap derýasynyň akymynyň gollarynda täze-täze ýerler özleşdirilýär, oturymly yaşaýşa geçilýär. Ilkinji gadymy ekerançylyk toplumlary Murgabyň demirgazygynda ýerleşýärlär. Bu boz ýerler ekerançylyga has amatly bolupdyr.

Oturymly toplumlaryň ekerançylary suw meselelerini çözmeli bolupdyrlar. Murgap derýasyndan ene ýaplara suw akdyryp, meýdanlary suwarypdyrlar we yerleri öküzler bilen sürüpdirler. Margiananyň daşky gurşawy we tebigy şertleri gadymy ekerançylygyň gülläp ösmegine amatly bolupdyr we uly özgerişleri gazanypdyr. Şeýlelikde, täze-täze özbaşdak, uly merkezli Goňurdepe, Togalak, Tahyrbaý, Taýyp we ş.m. toplumlar döredipdirler. Geçirilen ylmy işleriň netijesinde Margiana topragynda esasan däneli ekinler, güýzlük hem-de düme bugdaý we arpa ösdürilip ýetişdirilipdir. Muňa Tahyrbaý, Togalak, Yazdepe, Arawaly gadymy ýadygärliklerinden ekerançylyk bilen baglanyşykly bolan tapyndylar hem şaýatlyk edýärlär.

Tahyrbaý miladydan öňki I müňýylygyň başynda köp ilatly, gülläp ösen uly oturymly toplum bolupdyr. Gazuw-agtaryş işleriniň netijesinde gadymy suw akymalarynyň yzлары, gurluşykda ulanylan çig kerpiçde bugdaýyň we arpanyň gabyklary, däneleri we däne ýa-da un üçin niýetlenen uly humlar, sokular, sokydaşlar, degirmeniň bölekleri, uny, dänäni saklamak üçin ýöriteleşdirilen ammarlaryň üsti açyldy.

Togalak toplumu, arheologik maglumatlary boýunça 30-a golaý gadymy ekerançylyk ýaýlalary öz içine alýar. Bu arheologik ýadygärlikleriň gatlaklarynda geçirilen barlaglaryň netijesinde bugdaýyň we arpanyň galyndylary, kösükliler tohumlaryny ýüze çykaryldy. Margiananyň suwarymly ekerançylyk meýdanlarynda gadymy ekerançylar ýeke bir däneli ösümlikleri, ýagny, arpa, bugdaý, dary, jöwen däl, mäs, nohut ösdürmäge hem köp üns beripdirler. Arpadan diňe arpa çöregini bişirmän, ondan "haoma" içgisini hem taýýarlapdyrlar.

Gadymy Margiananyň bereketli topragynda ösen dürli ösümlikleriň we olardan öndürilýän önümleriň dabarasy dag aşyp, dünýäniň köp ýurtlaryna ýaýrapdyr. Margianadan parça, ýüpek, nah mata harytlaryny, pagta, künji ýagy, bal, gök, bakja we miwe önümlerini dürli ýurtlaryň bazarlaryna çykarypdyrlar. Bar bolan maglumatlara görä, gadymy döwürde bu ýerde ekip ösdürilen (gök, bakja, miwe) ösümlikleriň, şeýle hem tebigy daragtlaryň we gyrymsy agaçlaryň görnüşleriniň düzümi ençeme ýyllap üýtgemändir.

Şeýlelikde, bu maglumatlar Margiananyň baý, gülläp ösen ýurt bolandygyny, türkmenleriň ata-babalarynyň ekerançylyga uly uns berendiklerini tassyklaýarlar. Bularyň hemmesi tutuş ykdysadyýeti we medeniýeti ösdürmäge uly ýardam beripdir. Ol bolsa ilki başky siwilizasiýanyň emele gelmegi üçin deslapky şertleri döredipdir we Margianany belli ösen medeniýetli ýurtlaryň hataryna goşupdyr.

Annadursun Atayewa (Türkmenistan)

ATA-BABALARYMYZYŇ DINI ÝNANÇLARY

Biziň gadymy eždatlarymyz bolan massagetleriň, dah-skif taýpalarynyň, orta asyr türkmen-oguzlarynyň ählisi oda çokunypdyrlar, ody almany başarypdyrlar. Yslamyň aralaşmasyndan öňki ata-babalarymyz otparazlyk dinine uýupdyrlar. Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamada şeýle ýazýar: "Mundan iki ýarym müň ýyl ozal sary düýesini idip Marydan ugran Zaratustra şol dünýä baryp: "Adamlar, oda çokunyň, otdan çyra ýasap, şol dünýä baryp bolýar" diýipdi".

Yslamdan öňki zoroastrizm dinine uýýanlar oda hormat goýupdyrlar. Häzirki döwür türkmenlerine olardan gadymy döp-dessurlar miras galypdyr. Bulara mysal edip şaman ody, gara çarşenbäni görkezmek bolar.

Parfiýa eýýamynda (b.e. öň III — b.e. III asyrlary) ot ybadathanalary bolup, olarda baky ot ýanyp durupdyr. Ot ybadathanalary marguşlylaryň dini urp-adatларыnyň sarsmaz binýady, gadymy döp-dessurlary goraýjysy bolupdyr.

Gadymy Horasanyň, Turanyň, Horezmiň halkларыnyň we taýpalarynyň dini ynançларыnda şamançylyk dini ynançларыnyň aýratyn orny bardyr.

Köphudaýlylyk dininiň bir görnüşü hökmünde umuman alnanda tebigata, şol sanda aýa, güne, ýyldyzlara çokunmak şamanizmiň esasyny düzýär.

Yazuw çeşmeleri biziň ata-babalarymyzyň, oguz türkmenleriniň yslam dinini kabul etmezinden öň gadymy yerli ilatyň, şol sanda gadymy türkmenleriň tebigy hadysalary aňladan köphudaýlylyga eýerendigini görkezýär.

Türkmenleriň hem-de olaryň ata-babalarynyň dini düşünjeleriniň iň irki görnüşleriniň biri totemizm (haýwanlara uýmak) bolup, onuň galyndylary türkmen urug-taýpalarynyň hem-de tireleriniň atларыnda (öküz, gurt, tilki, şagal, gulan we şuňa meňzeşler) häzire çenli saklanypdyr.

Mukaddes Ruhnamada we taryhy çeşmelerde Oguz hanyň ady keramatly hasaplanan haýwan öküziň adyndan gelip çykmagy, onuň 6 oglunyň Gün han, Aý han, Ýyldyz han, Gök han, Dag han, Deňiz han bolmagy, Oguz hanyň soňra uly türkmen taýpalarynyň adynda öwürülen 24 sany agtygynyň atларыnyň guşларыň, haýwanларыň atлары bilen baglanyşdyrylmagy, Seljuk döwletiniň tugrasynyň laçyn bolmagy, türkmenleriň gadymy dini ynançlara ýakynlygynyň alamatydyr. Ilkinji Seljuk patysalarynyň Togrul begiň, Çagry begiň, Alp Arslanyň atлары hem türkmenleriň yslamdan öňki gadymy atларыdyr. Türkmenlerde yslamdan öňki köphudaýlylyk — haýwanлары, ösümlikleri, dag-daşлары, bizi gurşap alýan tebigaty keramatly hasaplap, olara uýmak döwürlerinden galan atlar häzirki döwrün onomastikasыnda hem uly orun tutýar.

Kimiň ýazandygy näbelli bolan "Hudud-al-alem" ("Dünýäniň serhedi", 982-983 ýyllar) diýen geografik eserde oguzларыň we türkmenleriň arasyndaky tebigat kulty hakыnda şeýle diýilýär: "Olar oňat we geň bolup görnen (garaz bir zady bilen) her bir zada tagzym edýärlär. Olar jadygöylere uýýarlar we her gezek olara tagzym edýärlär. Bu jadygöýler olaryň janyna-da, emlägine-de erk edýärlär...".

Gadymy türkmenleriň, soňra orta asyr oguz-türkmenleriniň arasynda hem diniň has ösen görnüşiniň, ýagny Ýokary Hudaýa uýmagy aňladýan monoteizmiň dörandigi, bu diniň bolsa VII-X asyrlarda oguz-türkmenleriniň arasynda ýörgünli bolandygy dogrusynda maglumatlar bar (Ibn Fadlan, Abu Reýhan Biruni).

X asyryda oguz türkmenleri (arap syýahatçysy Ahmed Ibn Fadlanyň maglumatларыna görä) yeke-täk Hudaý hökmünde asman Hudaýy hasap edilen Taňra

tagzym edipdirler. Orta asyr ýazuw çeşmeleriniň maglumatlaryna görä, oguzlaryň bir bölegi şol wagtlarda musulman dinine uýupdyr, beýleki bir bölegi bolsa öňki dinine uýupdyr. Ibn Fadlanyň Wolga (Atail) boýunda myhmançylykda bolan oguz-türkmenleri otparaz bolupdyrlar.

Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamada şeýle ýazýar: “Oguz han Türkmeniň öňünde iki sany gaýragoýulmasyz mesele keserýär. Hökümdarlygy ele almaly, bütinleý täze jemgyýeti, ýaşaýşy gurmaly!”

“Muhammet pygamberimiziň öňünde-de şeýle meseleler keseripdi: diniň ýaşyl tuguny pasyrdadyp, üç ýüz altmyş senemleri — butlary ýok edip, bir Hudaýa uýdurmalý hem-de taýpalaryň, millerleriň, ýurtlaryň serhedini bozup, musulman dünýäsini döretmeli”.

Taňry sözi türkmenleriň arasynda henize çenli meşhurdyr. Türkmenlerde Taňry Alla, Hudaý sözleriniň sinonimidir. Halk arasynda “Beýik Taňry” bilen baglanyşykly nakyllar we atalar sözi şu wagta çenli meşhur bolup gelýär. Türkmenlerde çagalara at dakylarda hem Taňry sözi ulanylýar (Taňryguly, Taňryberdi).

Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamada şeýle ýazýar: “Türkmeni beýleki halklardan tapawutlandyran esasy zatlaryň biri-de, onuň dine garaýşy hem gatnaşygydyr. Diniň iň güýjäp, möwç uran asyrlarynda-da biziň milletimiz dine garaýşyny şol durkunda saklapdyr... Ol hatda yslymy kabul edende hem özboluşly kabul edipdir. Yslymyň baş ýörelgelerine dil ýetirmezden, olary gysartmazdan hem bozmazdan türkmen özüniň yslymdan öňki ynançlaryny, käbir däplerini bir ýandan goýman gelipdir”.

Gunça Ataýewa (Türkmenistan)

AJYGUÝY-1 ÝADYGÄRLIGINDEN TAPYLAN ENEOLIT ZAMANYNYŇ KELLEÇANAGY

Ajyguýy-1 ýadygärliginde 2001-nji ýyldan bäri Italiýa döwletiniň Ligabuýe ylmy merkezinden bolan G.Rossi-Osmidanyň ýolbaşçylygyndaky halkara arheologiya ekspedisiýasy Türkmenistanyň medeniýet we teleradioýaýlymlar ministrligi (2004-nji ýyla çenli B.Ödemyradow, 2005-nji ýyldan bäri-A.Orazow) bilen bilelikde iş alyp barýar.

Ajyguýy-1 ýadygärligi Goňurdepeden takmynan 14 km günbatarda ýerleşýär.

Ajyguýy bilen ýanaşyk ýerleşen depeden 2004-nji ýylyň güýzünde № 2 gazuw çukuryndan radiokarbon usuly arkaly hasaby çykarylyp G.Rossi-Osmida tarapyndan eneolit zamanyna degişli edilen, 25-30 ýaşly erkek adamyň kelleçanagy tapyldy.

Bu kelleçanagy tapylmazdan öň keramiki gaplaryň aýry-aýry böleklerine salgylanyp, B.Ödemyradow tarapyndan: «ýaşy boýunça Ajyguýy Goňurdepeden hem has gadymydyr» diýlen çaklama öňe sürüldi.

Kelleçanagyň gysgaça häsiýetnamasy.

Maňlaýy ýapgyt, gaşüsti süňki ýaýbaň. Ýüzi inçe, ortadan ýokary, burny uzyn däl, orta giňlikde öňe çykyp duran (350). Bu indiwid gündogar ortaýer deňiz ýewropeoid jynsyna degişlidir.

Esasy parametrleri boýunça Ajyguýy-1 ýadygärliginiň 2-nji gazuw çukuryndan tapylan kelleçanagyň keşbi Goňurdepedelilere has meňzeşdir. Şeýle-de onuň

Altyndepeden, Parhaýdan, Sumbardan, Jarkutandan tapylan kelleçanaglary bilen ýakyn meňzeşlikleri bardyr.

Ajyguýy-1 ýadygärliginiň 2-nji gazuw çukuryndan tapylan bu kelleçanagy eneolit zamanyna degişli bolan gadymy Marguşyň çäklerinden tapylan ilkinji we ýeke täk tapyndydyr.

Ajyguýy-1 ýadygärliginden tapylan bu möhüm tapyndy gadymy Margiananyň çäklerinde «ýewropapisint adamlar ýaşapdyr» diýip kesgitli aýtmaga esas berýär.

Oraz Babakow (Türkmenistan)

TÜRKMENISTANDA ZENAN HUDAÝYNA ÇOKUNMAK BILEN BAGLY RUHY MIRASYŇ ETNOGRAFIKI YZLARY

Türkmen topragynda Zenan hudaýyna uýmak däbi diňe bir arheologiki gymmatlyklarda saklanman, eýsem halkyň ruhy döp-dessurlary bolup hem biziň günlerimize çenli ýaşap gelipdir. Biz 1992-1996-njy ýyllarda Türkmenistanyň Ylymlar Akademiýasynyň Taryh instituty tarapyndan Amyderýanyň orta akymynda ýaşayan ilatyň gadymy döp-dessurlaryny öwrenmek boýunça etnografiki ylmy saparlarda bolanymyzda muňa göz ýetirdik. Arheolog W. Sarianidiniň gadymyýetde Zenan hudaýynyň owadan geýnülü, kellelerine täç ýa-da ony alamatlandyran saç bezegleriniň edilenligini belleýşi yaly biziň öwrenen däplerimiz hem Zenan hudaýynyň keşbini döretmek we oňa çokunmak bilen baglydyr.

Şeýle däpleriň biri Amyderýanyň orta akymynda ýaşayan ilatyň arasynda diňe zenanlaryň gatnaşmak hukugy bolan “Bibi şişenbe” däbidir.

Biziň ünsümizi ilki başda bu däbiň ady çekdi. Maglumatlara görä, Bibi — Zenan hudaýynyň adydyr. Türkmen diliniň sözköki sözlüklerinde Bibi-ady hökümdar, uly, beýik-diýen manylary aňladyp, aýratyn hormatly zenanlara goýulýan atdygyny habar berýär. Yeri gelende gadymy türkmen tireleri sakarlarda, gökleňlerde, alililerde özünden uly aýal doganyna Bibi diýilýändigini ýatlap bileris.

Bu döp Zenan hudaýynyň ýoluna berilýän hudaýyoly-toý görnüşinde geçirilýär. Zenan hudaýyna meňzedilip toýy tutýan zenan owadan geýindirilýär. Yagny, eşiğiň üsti bilen Zenan hudaýynyň keşbi döredilýär. Eşikleriň hemmesiniň täze we owadan, ykjam bolmagy esasy şertleriň biridir. Onuň başyna ýedi ýaglyk ýa-da topbynyň daşyna owadan ýaglyk daňylyp täje meňzedilýär. Soňra “Zenan hudaýy” täze tikilen ýedi gat (käbir maglumatda kyrk gat) körpeçäniň üstünde oturdýarlar. Ýedi dürli nahar bişirilip, ilki “Zenan hudaýyna” hödürlenilýär. Ol nahardan dadansoň şol jam saçak başynda oturan beýleki zenanlara geçirilýär. Yedi nahardan dadylandan soň Hudaýdan doga-dileg edilip töwir okalýar.

Zenan hudaýynyň keşbini döredip, oňa çokunmak bilen bagly saklanyp galan däpleriň ýeni biri “Leçek toýy” atlandyrylýar. Leçek — Zenan hudaýynyň başyny we boýununy, gowsüni örtýän lybasdyr. Sol sebäpli ol obada iň hormatlanýan hem-de agtyk gören zenanlara geýdirilýär. Leçek Türkmenistanda hasaba, bogmaç diýilip hem atlandyrylýar. Leçek geýdirilen zenan ýaşrak bolsa Leçegiň reňki gyzyl, biraz

ulurak bolsa sary, gartaşan mama bolsa ak reňkde bolýar. Bu gadymy döp hem hudaýyoly-toý görnüşinde geçirilýär. Zenanlar Leçek geýýän zenany ýedi gat körpeçäniň üstünde oturdýarlar. Zenanyň saçyny öryärler. Soňra Leçegi geýdirýärler. Leçek gyzyldan we kümüşden edilen abbasylar, şaýlar bilen bezelýär. Başyna sowgatlyk getirilen ýaglyklaryndan ýedi gata çenli ulaldylyp, täje meňzedilip (käbir ýerde içinden topby geýdirilip) daňylýar. Soňra ekabyr daýzalar Zenan hudaýy bilen toýa gatnaşýan ähli zenanlary salamlaşdyrýar. Zenan hudaýynyň ýanyna toýa gatnaşýan zenanlar ýeke-ýekeden gelýärler we üç gezek başyny egip salam berýärler. Zenan hudaýynyň iki tarapynda duran ekabr daýzalar dep kakyp, salama gelen her bir zenanyň häsiýetini, owadanlygyny taryplap deňişmeli salam setirlerini aýdýarlar. Zenan hudaýy başyny egip, salamy kabul edýär. Salamy alan zenanlar oňa sowgat-serpaý ýapýarlar. Soňra ýedi taçam dadylýar we doga-töwir edilýär. Toý deňişmeli aýdymlar aýtmak, dep çalyp tans oýnamak bilen dowam edýär.

Agamyrat Baltaýew (Türkmenistan)

GADYMY MARGIANANYŇ OGUZ HAN TÜRKMEN EÝÝAMYNDAKY MEDENI GATNAŞYKLARY

Soňky 30 ýylyň dowamynda Margianada geçirilen arheologiya gazuw-agtaryşlarynyň maglumatlary olaryň hakykatdan-da gadymyýetiň beýik medeni gymmatlyklary bolandygyna, Mesopotamiýanyň, Müsüriň, gadymy Hindistanyň we Hytaýyň medeni gymmatlyklary bilen bir hatarda durýandygyna hem-de dünýäniň iň ösen medeni ojaklarynyň başinjisi hasap edilýändigine şaýatlyk edýär. Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy W.I. Sarianidiniň «Marguş. Murgap derýasynyň köne hanasynyň aýagyndaky gadymy gündogar şalygy» atly kitabyna ýazan giriş sözünde şeýle diýýär: «Türkmenistan gadymy medeniýeti bolan, dünýä medeniýetiniň ösmegine uly goşant goşan ýurtdur. Biziň eýýamymyzdan ozalky üçünji müňýyllykdan başlap, gadymy türkmenler, ýa-da alymlaryň atlandyryşy ýaly, türkmenleriň dörap başlan döwürlerindäki döwlet birikmeleri bolan Altyndepe, Marguş, Parfiýa, Ürgenç we beýlekiler Aziýanyň merkezinde ägirt uly sebitiň syýasy, ykdysady we medeni durmuşynyň häsiýetini, Gündogaryň we Günbataryň, Demirgazygyň hem-de Günortanyň özara gatnaşyklarynyň ýagdaýyny ep-esli derejede kesgitledi».

Bol hasylyly ýerlerde ýerleşmek bilen, gadymy türkmenleriň Margiana ýurdy Ortaýer deňizinden başlap Uzak Gündogara çenli aralykda gadymy Gündogar bilen ýakyn aragatnaşykda bolupdyr.

Mälüm bolşy ýaly, silindr görnüşli möhürleriň watany Mesopotamiýadyr, şol ýerden hem olar söwda ýollary arkaly goňşy ýurtlaryň çäklerine ýaýrapdyr. Olaryň haýsydyr bir bölegi şeýle ýol bilen Margiana hem gelip düşendir. Yöne möhürleriň dini rowaýatlara esaslanýan mazmuny we olarda görkezilen şekiller, käbir haýwanlar (öküz, düýe, at) olaryň ählisiniň daşardan getirilmändigini, ýagny Marguşda taýýarlanandygynyň ähtimaldygyny aýtmaga mümkinçilik berýär.

Bürünç zamanynda Mesopotamiýa bilen Hindistanyň arasyndaky uly çäklerde söwda gatnaşyklarynyň ýeterlik derejede ýokary ösüşe eýe bolandygyny hem belläp

geçmek zerurdyr. Eýranyň günortasynda, Kerman ekerançylyk obasynda, Deşti Lut düzlük-çöllügiň günorta çetinde bürünç döwrüne deňişli Şahdat ýadygärligi Hindistan bilen Mesopotamiýanyň aralygyndaky orta ýolda ýerleşen we iki medeni gymmatlygyň arasynda edilen söwdada ýük ýazdyrylyp geçilen möhüm nokat bolupdyr. Yadygärlikden tapylan arheologiya tapyndylarynyň ep-esli bölegi ol ýerlere Türkmenistandan gatnawyň oňat ýola goýlandygyna hem şaýatlyk edýär.

Türkmenistan bilen Hytaýyň arasynda gadym eýýamlarda bolan aragatnaşyklaryň üstünde hem gysgaça durup geçmegimiz gerek. Huanhe jülgesinde nagyşly küýzegärlük bilen häsiýetlendirilýän Ýanşao medeniýetiniň açylmagyndan soň, Gansu welaýatynda nagyşly küýze önümleriniň tapylmagy, olaryň nagyşlarynyň käbirleriniň eneolit we bürünç döwürleriniň günorta Türkmenistandaky Anewden tapylan tapyndylara haýran galdyryjy derejede laýyk gelýändigini görkezdi. Anew nagyşlarynyň käbir görnüşleriniň Hytaýyň çäklerine «aralaşmagy» Hytaý bilen günorta Türkmenistanyň medeni gymmatlyklarynyň gatnaşyklary has ir başlanandygyna şaýatlyk edýär.

Şeýlelik bilen, Gündogar bilen Günbataryň arasynda söwda ýoly Oguz han eýýamynyň Anew medeniýeti zamanynda, b.e. öňki V-III müňýyllyklarda başlanypdyr diýip hasap etmäge ähli esasnamalar bar. Demirgazyk-günbatardan, ýagny günorta Türkmenistanyň ekerançylaryna mahsus bolan gymmatlyklaryň Gadymy Gündogar halklaryna öz täsirini ýetirendikleri anyklandy. Bu bolsa biziň gymmatlyklarymyzyň bir ýerden getirilmän, eýsem yerli kökleriniň bolandygyny aýdyňlaşdyrýar.

Bu gymmatlyklary synlap, gadymy senetlerimizi sungat derejesine ýetiren atababalarymyzyň ussatlygyna, olaryň Gadymy Gündogaryň dürli künjeklerinde isleg bildirilen täsin, ýokary çeperçilikli önümleri döretmegi başarandyklaryna göz ýetirýärsiň.

Nurgözel Bäşimowa (Türkmenistan)

MERKEZI AZIÝA B.E.ÖŇKI III MÜŇÝYLLYKDA: AKJADERÝANYŇ, MARGIANANYŇ WE SEÝISTANYŇ ARASYNDAKY BAGLANÝSYKLAR

Neolit döwrüniň ýadygärligi bolan Margianada ýüze çykarylan Jeýtun gatlagy ilatynyň (G. Türkmenistan) durmuş ýörelgeleri (ekerançylyk, maldarçylyk, oturymlylyk) boýunça Merkezi Aziýada ýeke-täk belli ýadygärligidir. Emma Frederik Bruneniň we Muhiddin Hujanazarowyň (Samarkant) ýolbaşçylygynda fransuz-özbek ekspedisiýasynyň Ajakagytmada (Gyzyl-gum) geçiren gazuw-barlag işleriniň netijesi hem Özbegistandaky Kelteminar medeniýeti hem öküziň eldeleşdirilmegini b.e.öňki VI müňýyllyk diýip häsiýetlendirýär. B.e.öňki V müňýyllygyň dowamynda Akjaderýa welaýatyndaky medeniýetleriň arasyndaky gatnaşyklar we Margianadaky ekerançylyk-maldarçylyk jemgyýetleri özboluşly gyzyklanma döredýär.

Merkezi Aziýada neolit döwrüniň meseleleri, ýagny önümçilik jemgyýetine has giçki bürünç döwrüniň medeniýetlerine çenli gelip ýeten döwür az öwrenilipdir.

Türkmenistandaky Oliwýe Lekontyň we Muhammet Mämmedowyň (Aşgabat) ýolbaşçylygynda fransuz-türkmen ekspedisiýasynyň çäginde Ulugdepede geçirilen

ylmy-barlag işleri bu ugurda uly ähmiýetli netijeleri berdi. Merkezi Aziýanyň dürli künjeklerindäki maddy medeniýetlerini arheologiya taýdan hemme taraplaýyn öwrenmek we oňa tankydy göz bilen seretmek, tehnologiýa derňewleri bu çylşyrymly täsin hadysalara degişli bolan käbir bellikleri we çaklamalary teklipl etmäge mümkinçilik döredýär.

Şeýle hereket etmek bilen giçki eneolit zamanynyň dowamynda (Namazga III) Margianadaky esasy gadymy şäherleriň (Ulugdepe, Garadepe, Göksüýri) arasyndaky we şeýle-de bu sebit bilen Eýrandaky Seistanyň (Şahr-I Sohta) arasyndaky özara gatnaşyklara täzeden seretmegi teklipl edýäris.

Frederik Brüne (Fransiýa)

“ZARATUSTRANYŇ WASP EDEN ÝERLERI”

Marguş diýlende häzirkî Mary welaýatynyň gadymy taryhy döwürleri göz-öňünde janlanýar. Çünki, Marguş onuň iň gadymy döwrüne degişli bolup, antik döwürde Margiana, ondan soň Merw diýip atlandyrylypdyr. Türkmenistanyň çäklerinde dünýäniň öňdebaryjy medeni merkezi bolan Mesopotamiýa, Kiçi Aziýa, Hindistan, Hytaý ýaly gadymy Marguş medeniýetiniň bolandygyny alym W.I. Sarianidi ýüze çykardy. Netijede Beýik Saparmyrat Türkmenbaşynyň pikiri-maslahaty bilen gurlan Türkmenistanyň Milli muzeýinde ilkinji gezek Margiýananyň bürünç asyryna degişli bahasyna ýetip bolmajak gymmatly, tapyndylary toplandy. W.I. Sarianidi Marguşda ýaşan adamlaryň diňe bir ekerançylyk bilen meşgul bolman, eýsem olar belentligi we düýpliligi bilen at alan köşkerleri we ybadathanalary bina edendiklerine arheologiki tassyklaýjy maglumatlaryň esasynda subut etdi. Marguşda ýaşan adamlaryň esasy kärleriniň ekerançylyk bolandygyna, olaryň bugdaý, arpa ýaly ekinleri ekendiklerine Kelleli oazisinden tapylan ýadygärlikler subutnama bolup biler. Marguşda käbir obalaryň daşynda hiç hili gorag diwarlarynyň bolmandygyna garamazdan, käbiriniň daş — töweregi söweş minaralary bilen berkidilen beýik gorag gala diwarlary bilen berkidilipdir. Şol uly diwarlaryň aňyrsynda (galanyň içinde) ýaşajylaryň göni burçly çig kerpiçden we pagsadan salnan jaýlary hem öwrenildi. Jaýlaryň ýüzleri saman suwag bilen suwarlypdyr. Şeýle jaýlaryň içinden ýaşajyşda zerur bolan öý hojalyk esbaplary öwrenildi. Käbir halatlarda ýörite aýal maşgalalaryň iýmit taýýarlaýan kiçeňräk howlujyklary hem bolupdyr. Käbir otaglarda dynç almak üçin ýa-da ýatmak üçin ýörite sekiler edilipdir. Şular ýaly ýönekeýje obalar bilen bir hatarda jemgyýetiň agalyk edýän toparlary üçin uly köşker gurlupdyr. Ybadathanalar hem gurlupdyr. Netijede Marguşda adamzat kowmunyň ösen medeni ojağynyň bolandygy anyklandy. Türkmenistanyň ýerinde bolan siwilizasiýanyň ösüşler diňe bir Merkezi Aziýanyň däl-de, tutuş Ýakyn we Orta Gündogaryň gadymy sungatynyň dürli görnüşleriniň ösüşlerine itergi berendir.

B.e. öňki III müňýyllygyň ahrynda — II müňýyllygyň başlarynda gadymy Marguşda ýaşan adamlaryň esasy uýan dini ynançlarynyň zoroastrizm bolandygyny alym W.I. Sarianidi doly subut etdi. El sungatynyň ösmeği wagtyň geçmeği bilen demiriň, süňküň we daşyň dürli görnüşlerinden jemgyýetde zerur bolan zatlaryň ýasalyp başlamagy ussaçylygyň we zergärçiligiň has hem kämilleşmegine getiripdir.

Wagtyň geçmeği bilen şol hünärmenler köşkdür ybadathanalary gurmaga girişdiler. B.e. öňki III müňýyllygyň ahrylaryna Murgap derýasynyň aşaky akymynyň demirgazygynda birnäçe özbaşdak suwaryş desgalarynyň peýda bolmagy Marguş ýurdunyň esasy şäheri bolan Goňur galasy Goňur galasy gurlup başlanýar.

Alym W.I. Sarianidiniň ýolbaşçylygynda Goňur galasyndan öwrenilen adam kelleçanaklary, belli antropolog N. Dubowanyň we türkmen antropology O. Babakowyň kesgitlemelerine görä b.e. öňki III-II müňýyllyklarda Marguşda ýaşan adamlaryň kelleçanaklary şu günki türkmeniň ata-babalarydygyna güwä geçmäge doly taryhy esaslar bardyr.

Indi bolsa asly Marguşly Zaratustranyň taglymaty esasynda dörän we ýaýran ot parazçylyk dini şu günki gün türkmenlerde “Şaman ody” ady bilen gelip ýeten ynançlar bilen bagly bolan gadymy Marguşdan bir näçe ybadathanalaryň saklanyp galan bölekleri öwrenilýär.

Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamada şeýle ýatýar: “Mundan iki ýarym müň ýyl ozal sary düýesini idip Marydan ugran Zaratustra şol dünýä” baryp: “Adamlar, oda çokunyň, otdan çyra ýasap, şol dünýä baryp bolýar.” (Ruhnama 252 sah). Alymlaryň garaýyşlaryna görä Şäheriň (Goňur) içinde diňe bir otparazlar ybadatnasy bolman, Suwa çokunýan adamlar üçin ýörite suw howdanynyň bina edilmegine alym W.I. Sarianidi güwä geçýär. Galanyň içindeki hünärmentiler toparlaryndan has doly öwrenileni külallaryň möhellesidir. Külallar hojalykda zerur bolan küýze önümlerini — galla saklanýan, suw üçin we beýleki gap-gaçlary ýasapdyrlar. Küýze gap-gaçlarynyň dini hajatlar üçin ýasalanlary bolupdyr. Alymlaryň goldamalaryna görä şol şekillede Marguşlylaryň dini düşünjeleri bilen baglanşykly bolan gadymy fantastiki rowaýatlaram öz beýanyny tapandyr. Zergärleriň we demirçileriň öndürýän önümlerine köplenç Müsür piramidalaryna ýa-da gün çogup çykýan germewlere meňzeş şekiller çekilipdir. Kä halatlarda bolsa öz ýasan möhürlerine towşanyň, içýanyň we her hili guşlaryň oýulan görnüşinde şekillendiripdirler. Gadymy Marguşdaky ösüşleri deňeşdirmeler arkaly başnji siwilizasiýa, has takygy Mesopotamiýa, Müsür, Hytaý, Hindistan we Marguşdyr.

Annageldi Gubaýew, Täçmuhammet Sahydow (Türkmenistan)

MARGUŞ WE HARAPPA SIWILIZASIÝALARY: MEDENI ARABGLANYŞYKLARYŇ TARYHY KÖKLERI

Türkmenistan we Hindistan — gadymy siwilizasiýalaryň mekanlarydyr. XX asyryň 20-30-njy ýyllarynda Hindistanda gazuw-agtaryş işlerini geçiren iňlis arheology Jonn Marşallyň gadymy Harappa medeniýetiniň, şol asyryň aýaklarynda grek arheology Wiktor Sarianidiniň Garaşsyz Türkmenistanda gadymy Marguş medeniýetiniň üstüni açmaklary iki gadymy halklaryň arabaglanýşygynyň taryhy köklerini yzarlamaga mümkinçilik döretdi.

Harappa medeniýetiniň merkezi şäherleri Harappadan we Mohenjo-Darodan, Marguşda bolsa onuň paýtagty hasaplanýan Goňurdepeden tapylan şäher

galyndylaryny özara deňeşdirsek, gadymy siwilizasiýalaryň ösen şäher medeniýetiniň bolandygyna, ikisiniň-de özara ýygjam medeni gatnaşygyň hasabyna ösendigine göz ýetirmek bolýar.

Marguş we Harappa medeniýetleri döwründe ilat ekerançylyk, maldarçylyk, hünärmentçilik bilen meşgullanypdyr. Harappanyň ilaty gowaça, bugdaý ösdürip ýetişdiripdir. Türkmenleriň ata-babalary dünýä ak bugdaýyň tohumyny beren bolsa, hindiler dünýäde ilkinji bolup gowaçadan süýüm öndürmegi başaran, gant şugundyryny ilkinji ekip başlan halkdyr. Altyndepeden, Goňurdepeden tapylan möhürler gadymy türkmenistanlylar bilen Harappa medeniýetiniň arabaglanyşygynyň bolandygyna şaýatlyk edýär. 2004-nji ýylda W.I.Sarianidi tarapyndan Goňurdepäniň köşk-ybadathana toplumyndan gadymy hindi dilindäki ýazgylly we piliň şekili çekilen, Harappa täjirleriniň öz harytlaryny möhürlän möhüriniň tapylmagy gadymy Marguşyň ilatynyň Hindistan bilen ýygjam söwda gatnaşyklarynyň bolandygyna, Goňurdepäniň möhüm söwda merkezleriniň biridigine güwä geçýär.

Türkmen taýpalarynyň birnäçesi taryhyň dürli döwürlerinde Hindistana aralaşyp, ýerli hindi medeniýetiniň, ylmyň ösmegine saldamly goşant goşupdyrlar. Olaryň ilkinjisi ary (ariý) türkmenleridir. Harappa medeniýeti synandan soňra, Hindistanyň taryhynda arylaryň döwrüni türkmen we hindi halklarynyň medeniýetleriniň arabaglanyşygynda möhüm döwür hasaplamak mümkin. Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnamada «är» sözünüň «ary» sözünden gelip çykandygyny aýdyp, arylar meselesini yeňilleşdirip, bize ony çuňňur öwrenmäge ýol salgy berdi. Arylar b.e.öň takmynan XV asyrdan Hindistana aralaşypdyrlar. Arylaryň kimlerdigi, nireden göçüp gelendigi baradaky soraga uzak wagtlaý taryhçylar anyk jogap berip bilmediler. Arylaryň yzlary Alynky Aziýada, Kawkazda, Russiýanyň günorta sähralarynda, Merkezi Aziýada (aýratyn-da Türkmenistanda) bolmagy meseläni çylşyrymlaşdyrypdy. Her ýurduň alymlary olaryň ata mekanyňyň öz ýurdundan agtarmaga synanypdylar. Dünýä alymlarynyň aglabasy arylaryň ata mekanyňyň Türkmenistandygyny, olaryň şu ýerden başga ýerlere ýaýrandygyny ykrar edýärler. W.I.Sarianidi Marguş medeniýetinde arylaryň ornuny kesgittäňden soňra, olaryň hut Türkmenistanyň çäklerinden Hindistana aralaşandygyna degişli deliller ýene-de artdy.

Jepbarguly Hatamow,
Jumamyrat Gurbangeldiyew
(Türkmenistan)

BÜRÜNÇ ASYRYNYŇ GADYMY ILATLY MESGENI BOLAN GOŇURDEPÄNIŇ SUWARYMLY JÜLGEDÄKI ŞERTLERINIŇ ÖZBOLUŞLY AÝRATYNLYKLARY

Gazuw çukurlarynyň gazylmagy netijesinde ýedi sany stratigrafiki gatlaklar ýüze çykarylady. Galyňlygy 3,5 metr bolan gatlak bolup duran çöküňdi gatlagy arassalanan çäğäniň üstünde ýatyr. Ol Goňurdepäniň demirgazyk depäniň has irki döwürlerde adamlar tarapyndan eýelenen we tä ýaşayyşyň ahyrky günlerine çenli aralygy öz içine alýar (Namazga V we Namazga VI döwürleri).

Has aşaky çäge gatlagynyň barlanlymagy Goňurdepe gadymy ilatly mesgeniniň düýbi hatda haşal ot hem bitmedik gurap ýatan çägelini düzlükde tutulypdyr diýip aýtmaga esas berýär.

Şähristan esaslandyrylmazdan öň Margianada biten ösümlikler Murgabyň tebigy akabasyňyň golaýyndaky sazakydyr ojar tokaýlyklaryndan ybarat bolan görnüşli üýtgeşik çöllüğe we kenarýaka ösümliklerine meňzeş bolan bolmagy mümkindir.

Gazuw çukuryndan ýüze çykarylan gadymy ösümlikler we haýwanlar baradaky maglumatlar, Goňurdepäniň daş töwereginiň ilat tarapyndan suwarymly ýerlere öwürüldigini görkezýär. Muny gazuw çukurlaryndan tapylan we Naomi Miller tarapyndan kesgittelen meýdan otlary we däneler hem tassyklaýar. Bu gazuw çukuryňyň iň aşaky gatlaklaryndan tapylan bu ösümlikler Merkezi Aziýanyň suwarymly jülgelerine häsiýetlidir. Gazuw çukuryndan tapylan süňk galyndylarynyň haýsy haýwanyňkydygy Ketrin Mur tarapyndan kesgittelendi. Bular eldeleşdirilen we çölüň ýabany haýwanlarynyň galyndylarydyr. Bu ýerde ýaşan ilat bu haýwanlaryň etini iýmit hökmünde peýdalanylýardylar.

Ýeriň emeli hemrasyndan alnan suratdan görnüşli ýaly Margiananyň daş-töweregi tokaýlyklardan arassalanylýdyr. Soňra suwaryş kanallary çekilip ekerançylyk meýdanlary döredilipdir.

Goňurdepäniň demirgazygyndaky gazuw çukuryndan toplanan maglumatlar bu ýeriniň ilatynyň has irki döwürlerden (takmynan b.e.öň 2400 ý) suwarymly jülgeleri döredendigini görkezýär. Bu ýerde ekerançylygy we maldarçylygy ösdürmek üçin bol hasylyly meýdanlar bolupdyr.

Frederik Hibert (ABŞ)

HIND MÖHÜRLERI WE OŇA KYBAPDAŞ MÖHÜRLERIŇ YÜZE ÇYKMAGY BILEN BAGLANÝŞYKLY MESELELER

Arheologiýa gazuw-agtaryş işleriniň dowamynda Mesopotamiýada, Omanda, Türkmenistanda we käbir beýleki ýurtlarda gadymy ýadygärliklerden dörtburç şekilli hind möhürleri bilen kybapdaş bolan möhürleriň tapylmagy şol ilatly mesgenleriň Hind siwilizasiýasy bilen gönüden-göni gatnaşykda bolandyklaryna şaýatlyk edýär. Bu ýerlerden tegelek, güberçekli üçburç, kesimli togalak we käbir başga görnüşli möhürler hem tapylýar. Olar bolsa, elbetde, hut şol ýerleriň özüne degişli möhürlerdir. Emma muňa garamazdan şol möhürlerde şekillendirilýän jandarlara we nagyşly bezeg alamatlaryna iňgin nazar salsañ, hind möhürleriniň äheňini aňlamak bolýar. Bu bolsa Hind siwilizasiýasy bilen özara gatnaşygyň bolandygyny ýene-de bir gezek tassyk edýär.

Bu möhürleriň nusgalary deňeşdirip görmek, hem-de Hind siwilizasiýasynyň söwda gatnaşyklarynyň mazmunyna dogry düşünmek maksady bilen toplanylady. Barlaglaryň netijesinde hind möhürleriniň her bir aýratyn alnan toparlarynyň aýry-äýry söwdagärler toparyna degişli bolandygy kesgittelendi. Bezirgenler toparynyň söwda gatnaşyklarynyň özboluşly aýratynlyklaryny derňemäge Baktriýa-Margiana arheologiýa toplumynyň täze mümkinçilikleri açýandygy möhümdir.

Manabu Koisō (Ýaponiýa)

GADYMY MARGIANANYŇ ÇEPERÇILIK MEDENIÝETI

"Türkmen topragyňyň gadymy medeni gatlaklaryndan ... möhüm tapyndylar çykyp dur" diýip, Beýik Saparmyrat Türkmenbaşy Mukaddes Ruhnama kitabynda nygtaýar.

Professor W.I. Sarianidiniň ýolbaşçylygynda Murgap derýasynyň köne hanasynda geçirilýän arheologik barlaglar dünýä dürli taryhy çeşmelerde paýtagt merkezi Goňurdepe bolan Mouru — Marguş, Margiana hökmünde belli gadymy döwletiň bolandygynyň maddy we çeper subutnamalaryny berdi. Özüniň täsinligi boýunça Mesopotamiýa, Músür, Hindistan, Hytaý siwilizasiýalaryndan hiç hili pes bolmadyk, bu döwletiň medeniýeti täsin, özboluşly medeniýetdir. Bu günki gün bu medeniýet umumylymy nukdaýnazardan gadymy gündogar siwilizasiýasynyň başinji merkezi hökmünde ykrar edildi. Bu ýerde — gadymy türkmen topragynda бүрүнç zamanында ýerli taýpalaryň belli bir döpleri emele gelipdir. Şolaryň esasynda soňra ilkinji dünýä dini döredipdir.

Goňuryň äpet köşk we ybadathana toplumary, altyndan, kümüşden, бүрүнçден, daşdan ýasalan köp sanly şekillendiriş sungatynyň eserleri, türkmen haly göllerine meňzeş dürli ýordumly we nagyşly köp öwürşginli daşlar, durmuşda ulanylan zatlaryň we dini dessurlar berjaý edilende peýdalanylýan enjamlaryň toplumary gadymy marguşlylaryň bu medeniýetiniň beýikligini we ähmiýetini tassyklaýar.

Mysal üçin, Margianada bolşy ýaly, maddy subutnamalaryň köp möçberli ýeri bolan gadymy siwilizasiýalaryň zolaklarynda gadymyýetiň medeni mirasy häzirkі zaman durmuşynyň düzüm bölegine öwrülýär we oňa ep-esli täsir etmäge ukyplydyr. Bu usul tassyklaýjy däbe eýedir we aýry-aýry döwürlerde öňdebaryjy däbe öwrülýär.

Gurbanjemał Kuraýewa (Türkmenistan)

GOŇURDEPEDÄKI KÖŞKLER TOPLUMYNYŇ ÝANYNDAKY GADYMY MAZARÝSTANLYK

B.e.öňki III müňýyllygyň ahlyrynda we II müňýyllygynda Murgap derýasynyň gadymy akabasynyň paýawlap ýaýraýan ýerinde Margiana arheologiya toplumynyň emele gelmegine ýardam eden gadymy ekerançylyk taýpalarynyň göçhä-göçlügi şol döwürüň möhüm wakalarynyň biri bolupdyr.

Muňa W.I. Sarianidiniň ýolbaşçylygynda Margianada 30 ýylyň dowamynda geçiren uly görümlü arheologiya barlaglarynyň netijeleri şaýat bolup biler. Gadymy paýtagt şäher bolan Goňurdepede edilen soňky ýyllaryň açyşlary bu ýerde gadymy gündogar görnüşli siwilizasiýanyň bolandygyny tassyklaýar. Guburhanadan tapylan seýrek duş gelýän tapyndylar bolsa dünýä sungatynyň ajaýyp nusgalarydyr.

W.I. Sarianidi we N.A. Dubowa tarapyndan 2002-nji ýylyň Garaşsyzlyk aýynda Goňur depedäki «köşkler toplumyndan» 150 m g.o-da ýerleşen, бүрүнç eýýamyna degişli bolan gadymy mazarýstanlygyň üsti açyldy.

Bu gadymy mazarýstanlygyň meýdany 2003-nji ýylyň ýazynda bartanyldy. Onuň meýdany 240 m² bolup, ol ýerde 11 sany gubur we 4 sany degsin edilýän çukurlyk tapyldy. Mazarlar çägesow ýerde gazylyp, ýeriň üstki gatlagyndan 0,25:0,5:0,6 m

çuňlukda ýerleşýär. Bu mazarlardan 4-si gadymy döwürde talanypdyr. Ikinde bolsa gap-gaçlar bardy (5 we 3 sany keramiki gaplar, hakyk monjugy) adam skeletiniň süňkleri welin ýok.

Mazarlar yekelikde jaýlamak üçin peýdalanylýpdyr. Adamyny бүкүлен görnüşinde, sag egnine ýatyryp, kellesine d.g. g.g — g.b tarap edip jaýlapdyrlar. Kellesiniň ýanynda ýa-da döşüniň öňünde gap-gaçlar goýulupdyr.

Bu ýerden esasan palçyk gaplar, бүрүнçден we demirden ýasalan önümler tapyldy.

Tapylan 51 sany keramiki gaplaryň diňe 14-si bitin. Olar 4 görnüşe bölünýärler: pyýalalar we aýakly waza; kub şekilli we golça görnüşli gaplar; küyzeler we daşy jäheklenen, aşagy üçburç şekilli silindr görnüşli gaplar; aşaky bölegine direg edilen golça şekilli gaplar.

Iki mazardan (№1 №2) köp görnüşli bezeg şaýlary (gyzyl dan we kümüşden gulakhalkalar, gyzyl bilen bezelen saça dakylýan бүрүнçден edilen bezeg şaýy, konus şekilli telpeklije бүрүнç temençe, бүрүнçден ýasalan bileziğiň bölekleri, бүрүнç ownuk kümüş, hakyk, faýans, tegelek steatit we lazurit monjuklary) demir önümleri (bүрүнç pyçak, ýylmanan бүрүнç bölekleri, bezeg işlerinde ulanylan бүрүнç pilçejik, ýel geçmek üçin deşijikli бүрүнçден ýukajyk edilip ýasalan gapajyk) tapyldy. Mazarlaryň birinden geometriki şekilli faýansdan ýasalan möhür tapyldy.

Bu mazarýstanlykdan tapylan tapyndylarynyň ösen бүрүнç asyryna (Namazga V) degişli arheologiya maglumatlary bilen meňzeşligi bardy.

Ejegül Myradowa (Türkmenistan)

TÜRKMEN HALKYNYŇ GADYMY DÜNYÄGARAÝSYNY ÖWRENMEKDE YGTYBARLY ÇEŞME

Türkmen dili dünýädäki iň gadymy dilleriň biri bolmak bilen, ol geçen nesilleriň dünýägaraýsynyň dürli taraplaryny, gadymy ata-babalarymyzyň dini düşüňjelerini, irki zamanlarda bolup geçen wakalaryň, uly jemgyýetçilik hadysalarynyň ýaňny özüne siňdirip, biziň günlerimize çenli saklap galypdyr. Bu ugurlara degişli iň gagymy maglumatlary biz diliň döreýiş pelsepesinden we mantygyndan, şeýle-de sözləriň hem-de olaryň utgaşmalarynyň özara many gatnaşyklarynyň çuň gatlaklaryndan tapyp bilýäris.

Enе dilimizde Günüň her säher (Aýyň, ýyldyzlaryň bolsa aghşamlaryna) asmanda peýda bolşy hem-de ynsanyň dünýä inişini bir söz — “dogmak” işligi bilen aňladylýar. Munuň özi bu iki düşüňjäniň gadymy türkmenleriň aňynda bir many hataryny düzendigini, ýagny ynsanyň Gün (Ay, ýyldyzlar) bilen bir hatarda goýlandygyny delillendirýär. Öňlerem, edil häzirkisi ýaly, haýwan çagalalarynyň dünýä inişini üçin başga sözler ulanylan bolsa gerek: goýun guzlady, baýtal gulunlady, inen botlady we ş.m. Türkmen dilinde “kim?” soragynyň diňe adamlar babatynda ulanylýp, beýleki ähli jandarlara bolsa jansyz zatlar bilen bilelikde, olardan tapawutlandyrylman, “näme?” soragynyň berilmegi ýöne ýerden däldir.

Ölmek we öçmek işlikleriniň aňyrsynyň taryhy gelip çykyşy taýyndan bir köke baryp diremegi hem adam we ot (Gün, Aý, ýyldyzlar) düşüňjeleriniň gadymy döwürlerdäki umumylygyndan habar berýär.

Gadymy Marguşda (Margianada) prof. W.I.Sarianidiniň geçiren gazyp agtaryş işleriniň netijelerinden belli bolşy ýaly, marguşlylaryň esasy çökünýän ýerleri ot ybadathanasy we suw ybadathanasy eken. Bu gadymy ynanç türkmen dilinde “Ot belasyndan, suw belasyndan (Taňrynyň) özi saklasyn!” diýen dileg görnüşinde saklanyp galypdyr. Şeýle dileg adatça oturylyşyklarda iýlip-içilenden soň, ýaşuly adam tarapyndan okalýan töwirde aýdylýar. Ýaňy-ýakynlara çenli ýaşulular gijelerine ýapdan suw getirmäge gidýän ýaş-ýeleňlere “Essalamaleýkim, Suw aga!” diýip, salam bermegi öwrederdiler.

Zoroastrizmiň (otparazlygyň, has dogrusy günparazlygyň) yzlaryny dilimizde uly bir gadymy dilegden gysgalan “Ilm-günüm bolmasa, Aým-Günüm dogmasyn” diýen nakyl görnüşinde görüp bilýäris. Bu ýerde başky “il-gün” tirkeş sözünüň ikinji “gün” bölegi oguz-türkmenleriň ata-babalary bolan gunlaryň (hunlaryň) adynyň aslyky şekilidir. Nakylda il-gün we Aý-Gün düşüňjeleriniň garşylykly ýagdaýda getirilmegi gunlaryň (hunlaryň) öz uýan hudaýlarynyň (Gün) ady bilen atlandyrylandygynyň subutnamasydyr. Şeýle ýagdaýa beýleki halklaryň taryhynda-da köp gabat gelýäris.

Biz şeýle-de Jeýhun (Amyderýa) we Seýhun (Syrderýa) atlarynyň düzüminde hun (gun) sözünüň bardygyny aýtmak isleýäris. Bu atlaryň başky Jeý/Seý bölegi bolsa derýa manysyndaky “çaý” sözümiziň ses taýyndan biraz üýtgän şekilidir. Şeýlelik-de, Jeýhun diýmek “hunlaryň derýasy” diýmekdir. Ol ilkinji gezek arap syýahatçylarynyň işlerinde duş gelýän-de bolsa, gelip çykyşyna görä has gadymydyr. Gadymy grek alymlary Amyderýa Oks (“oguzlaryň derýasy”) diýipdirler. Görnüşi ýaly, Jeýhun we Oks sözleri türkmenleriň gadymy ata-babalarynyň adyny özünde saklap, biziň günlerimize ýetiripdirler. Şa şahyrymyz Beýik Saparmyrat Türkmenbaýy özüniň “Türkmen ilim aman bolsun” (2002) atly şa diwanyna girizen “Jeýhun — hun derýasy” diýen goşgusyňy şu mowzuga bagyşlap döredipdir.

Gün sözünüň manysynyň soňraky ösüşi ylma öňden belli bolan üliň esasynda amala aşypdyr. Wagtyň geçmegi bilen hydaýyň ady (Gün) onuň ýer ýüzünde döreden ýaşayşyny, adaty durmuşy hem aňladyp ugrapdyr. Soňky many türkmen dilinde aşakdakylar ýaly durnukly söz düzümleriniň ýüze çykmagyna sebäp bolupdyr: gün bermezlik — “ýaşamaga goýmazlyk, birine ezýet, azar bermek, horlamak”, gününü bulamak — “rahat durmuşyny bozmak”, gün görmek — “güzeran dolandyrmak, eklenç etmek” we ş.m.

Biz öz nutugymyzda anyk dil maglumatlaryna esaslanyp, bu geljegi uly we köp zatlary wada berýän ylmy ugruň kâbir beýleký meseleleriniň üstünde durup geçeris. Şeýle meseleleriň birnäçesi bolsa awtoryň öň çap edilen işlerinde öz beýanyňy tapypdy.

Myratgeldi Söýegow (Türkmenistan)

NAMAZGA V EÝÝAMYNYŇ ADAM ŞEKILINE MEŇZEŞ TERRAKOT HEÝKELJIKLERI WE OLARYŇ GÖRNÜŞLERINIŇ WE ÝASALYŞ USULYNYŇ ÖWRENILIŞI

Namazga V eýýamynyň adam şekiline meňzeş terrakot heýkeljikleri Merkezi Aziýadaky bürünç asyrynyň ortalaryna degişli bolan gadymy şäherleriniň ählisinde diýen ýaly duş gelýär. Olar gadymy Ýakyn Gündogarda we Merkezi Aziýada giň ýaýran hasylylyk Hudaýy hasaplanýar.

Margiananyň Namazga V eýýamynyň adam heýkeljikleri bir-birine diýseň meňzeşdir. Olar bir galypdan çykan ýaly bir meňzeş taýýarlanypdyr. Heýkeljiklerde göwresiniň aýry-aýry bölekleri üçin niýetlenen önümçilik prosesiniň halkasynyň tapawutlandyrmak bolýar.

Heýkeljikleriň iki görnüşini tapawutlandyrmak mümkin: dik duran we oturan heýkeljikler. Oturan görnüşindäki heýkeljikleriň arasynda iň köp ýaýrany aýal şekilleridir. Erkek şekilleri bolsa dik duran görnüşindedir. Namazga V döwründe Merkezi Aziýanyň ekerançylarynyň arasynda köki Namazga I-IV döwürlerine baryp ýetýän Ene-hudaýy iň esasy dini ynançlaryň biri bolupdyr.

Ruholla Şirazi (Eýran)

**Ministry of Culture and TV&Radio
Broadcasting of Turkmenistan
"Miras" National Centre of Cultural Heritage
Institute of History under the Cabinet
of Ministers of Turkmenistan
Khyakimlik of Mary Velayat**

**ANCIENT MARGIANA
IS THE NEW CENTRE
OF THE WORLD CIVILIZATION**

**Materials of the
International Scientific Conference**

**Mary
14-16 November, 2006**

It is issued in accordance with the 7717 Decree of
Saparmurat Turkmenbashi the Great,
the President of Turkmenistan
as of January 21, 2006 on organization
of the International Scientific Conference
"ANCIENT MARGIANA
IS THE NEW CENTRE
OF THE WORLD CIVILIZATION".

International Scientific Conference
"ANCIENT MARGIANA
IS THE NEW CENTRE
OF THE WORLD CIVILIZATION".

ORGANIZATION COMMITTEE:

Saparmurat TÜRKMENBASHI the Great — Chairman

G.Berdimammedov — Vice Chairman

E.Ataeva

A.Mametgeldiev

V.Sarianidi

R.Meredov

G.Melekeev

B.Kelov

M.Islamov

B.Bayriyev

A.Berdiev

A.Garaev

A.Ashirov

M.Mamedov

**To participants of the
International Scientific
Conference «Ancient Margiana
is the new centre
of the world civilization»**

TURKMENISTAN AS A CENTRAL ASIAN CENTER OF ANCIENT ORIENTAL CIVILIZATION

VICTOR SARIANIDI

It is in order to conduct the International Conference "Ancient Margiana as a new centre of the world civilization" in the independent and neutral Turkmenistan. In the first place, for the last years all requirements for such representative meetings of the world science luminaries have been created. There are built many first-class hotels, conference chambers equipped with the most modern multi-media facilities, and the most important, invaluable archaeological finds (which are hardly the main subject of interest for the foreign visitors) are available to survey under the vaults of beautiful palaces constructed for the Turkmenistan National Museum and the Fine Arts Museum named in honour of Saparmurat Turkmenbashi. In the second place, exactly Turkmen leader was an initiator of tradition to conduct annual conferences on the humanities. Three of them touched on archaeology and historical and cultural monuments of Turkmenistan directly: one was dedicated to the Anau sensational finds of the wheat grains earliest in the world, the second — to the Sultan Sanjar's epoch and the third — to the Kunya Urgench heritage.

Now the turn came to familiarize international community with the results of our researches at the Gonuredepe site, in the velayat of Mary, and to determine the place of ancient Turkmenistan in the world history through the prism of newly discovered archaeological facts.

I had the luck to be privy to the discovery and investigations of the legendary country of Margush. I would like to express my very sincere gratitude to the much-esteemed President Saparmurat Turkmenbashi for his sensitive attention to our work, for his invaluable contribution in the opening for whole world of the inexhaustible profoundness of the Turkmen spirituality, which has been living for five thousand years already on this blessed land. You have stated all this with amazing mastery in the Rukhnama.

For the many years of my work in the Turkmen land I came to the deep persuasion that modern Turkmenistan was the only one Central-Asian centre of the Ancient Oriental civilization, where ideology of Zaratushtra had been formed.

The first efforts by Southern Turkmen tribes to colonize the Murgab ancient delta, which has presently disappeared in the Karakum sands, date from the Eneolithic period (IV B.C.), but they turned out to fail. That is why no efforts have been made till the last ages of III B.C.

The next attempt (being more successful) is referred to the later Akkad period (2250-2000 B.C). The population left those places approximately in the middle of II B.C., due to the Murgab natural migration westwards. Mouru or Margush, Margiana ancient country, as the intermediate place between Mesopotamia and the Indus valley, has been formed and flourished here, in the basin of Murgab ancient delta for about thousand years. It turned out to have played a key role both in palaeoeconomy and in the Middle East culture as well.

Various monumental palaces and temples, the richest royal necropolis, and ancient artworks earnestly prove that one more center of the ancient world culture, which has previously been unknown, does exist here. It may rightfully be named as "the Central Asian one". Having got such data, we closely approach the concept whether Margiana, III-II B.C, may be called as "civilization" provided that a written language has not existed therein. In the opinion of C. Renfrew, a civilization assumes the following: 1) a social stratification; 2) professional craft; 3) a permanent central organization, which is based on palaces and temples, or municipal community (Renfrew, 1973). In other words, based on the opinion of such competent specialist, a written language is not obligatory to identify "civilization."

It should be also noted that construction of such monumental structures as Margiana palaces and temples required thousands and even millions of bricks (which were to have been made, dried in sunlight and supplied to the building site). It was impossible to be implemented free of applying even elementary "accounting written language", being so necessary to monitor and to report construction. Tokens, which have been found at the main gates of the Palace of North Gonur, were most likely to serve for similar purposes.

After a cylindrical seal with a cuneiform Sumerian inscription and a Harappan one with an ancient Indian inscription were found there was no doubt that the Margush country had existed at the end of III — the first half of II B.C. And Margush played an important role in the Middle East system and presented one more center of the world culture.

All together historical, literary and linguistic data for the latest decades sufficiently evidence in favor of Avesta being of the Eastern-Iranian or Central-Asian origin, otherwise. Moreover, over-year systematic research and mainly large-scale archaeological explorations in the east of present Turkmenistan during last 35 years, resulted in discovering the Margush country, previously quite unknown. This fact allowed to put forward and to ground a new theory that Central Asia and ancient Margiana, in particular (together with other Central Asian regions, which have been slightly studied from the archaeological point of view), may be the motherland of the Zoroastrian religion itself.

As it is presently becoming clear, the Margush country represents an ancient historical area with strongly marked pagan faiths, most of which logically continues in Zoroastrianism — a further world religion.

Despite this issue being quite controversial, most specialists consider Zaratustra to be a product of Indo-Iranian environment, otherwise of those Indo-Aryans, who have led a nomadic life in the Central Asian vast steppes for ages. Meanwhile, the Avesta book narrates that the cardinal virtue of Zoroastrians is diligent farming and land cultivation. Being fully aware of what kind of audience I am presenting this statement, I purposefully omit linguistic and religious-philosophic aspects of Zoroastrian issue. As an archaeologist I would try to emphasize archeological witnesses. This statement is not so much to disprove old theories of Zoroastrianism origin, as to provide new evidences, based on real data from excavation of Margiana archaeological site, previously quite unknown for the world science.

INDO-EUROPEANS AND DOMESTIC HORSE

It is well-known that specialists consider domestic horse to be a main sign in identifying Indo-Iranians. This idea generated a lot of research literature but has not promoted studies of the Indo-European issue. It is sufficient to remember what kind of sensation radiocarbon data of a supposedly domestic horse from Dereievka around IV B.C. has made, which in fact turned out being referred to the Scythian period!

Presently, remains of six horses have been found at the North Gonur capital site in Margiana. One of them has been buried at the Gonur necropolis (with a head and tail being cut). The other young horse has been buried inside a mausoleum made of madbricks, being surrounded with funeral ceramics and decorated with two beads. Alongside of the tomb there was built undoubtedly the cult double oven intended to do sacrifices (Fig. 1). Thus, it is highly indicative that horse is regularly mentioned in Avesta among animals, which have been sacrificed by kings and heroes (Boyce, 1989, p.151). This fact must be compared with a foal burial at the territory of the Gonur royal necropolis.

The just mentioned young horse without head and tail, found at necropolis, unintentionally reminds of the ancient Indian ritual asvamedha which is considered to be "... possible one of the most outstanding" among other ones (Mallory, 1991, p.135).

Remains of three other domestic horses have been found in the elite tombs. Among them: one young horse in one undoubtedly royal sepulcher (tomb N 3200); second also young one being was buried outside to the cist 3310 jointly with other sacrificial animals; and lower jaw of the third one was placed together with other sacrificial animals, buried outside the cist 2900. Moreover, there were found in royal graves partially rotted wooden wheels from four-wheeled wagons or chariots. They had no spokes and consist of three solid parts connected with two transversal laths (Fig. 2). The wheels themselves may have one-sided plugs, though and two-sided ones were typical for Gonur, being proved by ceramic models thereof. All the wagon's (or chariots') wheels from the royal necropolis were upholstered with six bronze rims (or tires), which were fixed to the wheel with special massive rivets.

As it is seen by the obtained data, horses which have been found in the royal necropolis belonged to the last centuries of III B.C, as far as the foregoing foal from the mausoleum might have been buried a little bit later, i.e. at the eve of II B.C. It is greatly obvious a close and even identical similarity of composite bronze rims of

Bactria, Margiana and Elam. Artifacts from all these territories are so similar to each other that they seem to have been made by one master. Thus, there are forcible evidences to consider the Margianian, Bactrian and Elamian horses being ones of the most ancient domesticated horses all over the Ancient East.

Thus, it may be emphasized that Southern Turkmenistan was also the homeland of domesticated horse. In the space of millenia the Turkmen people was able to breed the beautiful Akhalteke horse by dint of selection.

TEMPLES

Four temples (the Northern Gonur Fire Temple, the Gonur temenos, Togolok-1 and Togolok-21), built like individual monumental buildings devoted to the Fire and Soma-Haoma, have been excavated in Margiana during last decades. The wide-scale excavations at the North Gonur have now discovered a unique for all Central Asia palace-temples ensemble with some temple complexes inside (Fig. 3, 4). Those complexes do not have their own defensive walls. But all of them are connected with each other by common passageways, and, when it was possible to identify, devoted to various gods.

It was noted long time ago that Temples have not been mentioned in Avesta. That fact caused M. Boyce to make a well-defined conclusion that Zoroastrians did not know temples at all till the Parthian-Sassanid period, and they made their public worships outdoors in an empty place. However, academician M. Dandamaev and V. Lukonin noted that a doubtless Tepe-Nushi- Djan Fire Temple in the Western Iran, belonged to the beginning of the I B.C and located on the way of famous Assyrian companies Eastern o the East, has also not been mentioned in the Assyrian annals. These researchers have directly resumed that "it was the earliest temple building in Iran among known till present, which is apparently existed even before the Zoroastrian reform" (Dandamaev and Lukonin, 1980, p.90). And it should be agreed upon.

B.A. Litvinsky and I. Pichikyan (2000, p. 242-247) paid a special attention to this complicated and extremely principal issue. They were quite clear to prove that Djarkutan monumental building has been a typical temple at least in the middle of II B.C.

Such palaces weren't mentioned anywhere in Avesta, though a doubtless palace has been recently excavated in the center of North Gonur ensemble. There were small and provincial palaces (e.g. Adji-Kui) in Margiana too. All these data eliminate any doubts in existing monumental secular buildings.

It should be taken into consideration that all the Margush country excavated antiquities were belonged to the pre-Zoroastrian or pagan period, and that Zaratustra might had abolished those constructions (as, for example, temple supposedly for the Soma-Haoma drink worship). However, direct archeological data have not yet been available therefore. Quite the contrary, we have to be surprised as many pagan cults and traditions, which became famous thanks to the excavations of the Margush country monuments, have their continuation in the Zoroastrian religion. Apparently, it is more likely to see centuries-old existence of pre-Zoroastrian traditions therein, which have been reformed by Zaratustra and included into his study.

There are three temples devoted to a stimulating drink like Soma-Haoma known presently. The earliest one in the whole Margiana system (the eve of the II B.C.) was found in spring of 2006 close to a royal necropolis at the North Gonur south-east outskirts. It is likely not by chance located outside the complex external encircling wall. By other words, this temple as left outside and wasn't included into the palace-temple ensemble by construction of the encircling by-pass wall.

This is a small temple, which design principle presents "a yard bypassed with corridors". Big piphoses, being covered with a thick gypsum layer, which goes onto the floor, have been found at one of the rooms, preventing infiltration of internal liquid (it is likely a Haoma) outside (Fig. 5). All the other building's rooms have also floors being covered by gypsum. Fragments of cult vessels with figures of people (hands aside), animals, frogs and fish stuck thereon have been found here. Taking into consideration general plan and a set of findings, it may be concluded that the describing building presents a small temple, which is referred to preparing a stimulating drink like Soma-Haoma.

The next small temple is located at the territory of Gonur temenos. A central part of that building also presents "a yard bypassed with corridors". The cult ceremonies with spiritual libations being of great importance took part here. It is proved by a built-in later "white room" (# 137), where Soma-Haoma drink was produced.

The place is notable for intact "ceramic supports," directly connected with Soma-Haoma making process (mostly of hemp as it was identified by Prof. of Moscow State Univ. N. Meyer-Melikyan), as well as for fragments of doubtless cult vessels with sculptural friezes on a locking ring, which have been found here. A prominent flat stone with a semi-round protuberance in the center, which was used to squeeze (and not to grind) alkaloid plants, has been found here.

All the other Temenos internal territory is occupied with common dwellings used as residence place for people, whose whole life was related with serving Temenos. There were over 30 large vessels and the so-called trays, coated with a thick layer of gypsum inside rooms thereof, as well as lots of fossil hemp remains found inside a repair-coating. As it is known, alkaloid plants are of bad odour to get out of which it is necessary to soak them out in special vessels (pithoses or trays). Only following that procedure they are suitable for making a stimulating juice, which is called as Haoma in Avesta and Soma in Rigveda (see: Meyer-Melikyan in Sarianidi, 1998).

Togolok-1 rural temple and especially Togolok-21 "classical" temple also present temples, which are related to Soma-Haoma production and cult libations. Data thereabout have been already published and do not need being described in details. We would only like to note that, similar to Gonur Temenos their central part forms "a yard bypassed with corridors". "The white rooms", where a stimulating drink was made, and fossil remains of alkaloid plants (such as ephedra and hemp), as well as poppy pollen have been found in gypsum coating thereof, are located close with central rooms (Meyer-Melikyan, 1990, p.203-205, Fig. CV-CVIII).

In fact, all artifacts required to produce Soma-Haoma were found during archeological excavations of Togolok-21 "Cathedral" temple. Besides fossil alkaloid

plants such as ephedra and hemp (as well as lots of pithoses and "trays", where they got soaked and lost a heavy odour), many stone graters and mortars have been found there. Ceramic supports, strainers to filter juice, as well as cult vessels with sculptural friezes on a locking ring, and lots of other items additionally complete a specific set of Margiana temples' inventory, eliminating any doubt that all temples contained full set of tools and initial material to make stimulating drink.

Obviously, he stuck sculptural friezes on locking rings and figurines on internal surface of cult vessel bottoms shouldn't be considered as thoughtless fantasy of ancient craftsmen. It presents "quotations" or "summaries" of those myths, which have been widely spread among the Margush ancient people and which related to Soma-Haoma juice worship.

Haoma is presented in the Avestian texts as "the Tree of Immortality", which grows at island in the Vorukasha Ocean. It is protected against dev's frogs and lizards (snakes) with saint fish Kara. It may be compared with the foregoing terracotta figurines from the religious vessels (frogs, snake-lizards and fishes), which have been found while archeological excavations of Soma-Haoma Temples. If we remember that these vessels filled with Haoma look like a water mirror-like surface (a sea model), where frogs and lizards-frogs swim, then fishes may demonstrate those fish-guards which are narrated about in Avesta who keep snaky dragons and frogs off that peaceful tree roots. It should be added that only on those cult vessels the images in the form of a central tree (the immortality tree?) with goats on both sides thereof have been scratched in order to suppose that those vessels with liquid in depicted a sea like the Vorukasha one.

As it is known Soma-Haoma production and usage are the main part in Zoroastrian public worship, which is fully complied with the above-mentioned archeological situation in Margiana, where Soma-Haoma temples compose the most part of Margush temples.

A YARD BYPASSED WITH CORRIDORS

"A yard bypassed with corridors" architectural block in the Margiana temples, which has already been mentioned, forms a basic layout principle, always located in the temple's center (Gonur Temenos, Togolok 1 and Togolok 21). The present layout principle is considered to be of Syrian origin (Habiba Kabira IV mill. B.C.), which got to Central Asia, including Margiana, with newly arrived tribes.

BLIND WINDOWS

Blind windows are deadlight wall niches framed with toothed breast from both sides. As a rule, they start 35-40 cm high from the room's floor and are likely to reach the ceiling. "The blind windows" are located at special and sign, preferably cult rooms, but they do not serve as altars.

SANCTUARY WITH "BLIND WINDOWS" AND FIREPLACES THEREAMONG

"The blind windows" are always located in the interior of the rooms and surely considered as the sign architectural blocks of internal decor, being clearly of religious purpose. The earliest blind windows have been known in Mesopotamia in Tepe Gavra (IV B.C.), while the latest ones in Tepe Nushi-Jan (Midia), where they are referred to the beginning of I B.C. It is greatly indicative that an altar at the Tell Brak Mesopotamia temple has got "a blind window" form, being flanked with small semi-columns from both sides and stairs in front of it.

There are sanctuaries with five such "blind windows", two of them flank a cult double oven located among them from both sides, e.g. in the North Gonur Fire Temple (where they are located in a separate sanctuary). Similar sanctuaries have been dug in Godin Tepe (Western Iran), where they are dated to the eve of IV-III B.C., as well as in Till (Anatolia, Assyrian period), including that area into the region, where they have been spread till Mari and the Central Asia, and Margiana too. Apparently, all similar "innovations" had entered Margiana with new coming tribes, which brought them in the form of "architectural memory".

VARA

The "vara" term, which means "castle" and "country house", has been applied in archeological literature for a long time. It was traditionally considered that it is a fortified rectangular monument, which was mentioned in Avesta. However, when Dashly-3 "round temple" was excavated in the South Bactria, professors B. Brenties and K. Yetmar have independently made conclusion that it might have been a round (and not rectangular) form with three concentric bypass walls. They compared it with the Avestinian Vara. That idea was supported by A. Parpola, a famous indologist, who has directly marked "that very close compliance". Without going beyond, he supplements this similarity with Rigveda data, where a fort also consisting of three round bypass walls is mentioned.

Earlier professor G. Tucci made an effort to compare the second monumental building, which was located at the same Dashly-3 site with a mandala, where crowning of Indo-Iranian divinities took place. It is proved by the fact that, by the opinion of G. Tucci, rooms located in the middle of each four front sides of the monumental building, form capital letter "T" in the layout, which are available not only in mandala-like buildings, but might have been of the same purpose too. It should be added that a similar "T" — letter layout is present in the Northern Bactria at the Sapallitepe site, proving their layout and typological likeness, where a cult-religious similarity is hidden.

The present issue has been recently considered by academician I.M. Steblin-Kamensky, who distinctly demonstrated that in fact Vara means a round and not a square building with three circular walls with 9 passageways in the first one, six in the middle one and three in the last one. In his opinion it is closely corresponds to Dashly-3 Temple archeological design. The central part here is also separated from the adjacent peripheral one with three concentric walls, though the external wall has not got any passageways, but nine miniature "turrets" with passageways coming

through to the adjacent bypass gallery. Moreover, it should be noted that two other round walls have also got some poorly-preserved passageways, an exact number of which has not been clearly stated.

Thus, a central part of Dashly-3 Temple consisted of three concentric walls with passageways and "turrets", embodying two sanctuaries with podiums and cult chamber altars, which are put on small platforms, as well as so named "cells", jointly forming a sacral part of the whole temple complex.

Central round building of Dashly-3 is totally surrounded with surely common households, consisting of poorly and improperly built dwellings and lots of utility houses, which dwellers like those ones of Gonur temenos are probably to have served the central temple. To a certain extent, the whole layout, which has been dug, reminds the Vara of Avesta, where Yima, the first human being, has built "houses for people and cattle-pens". Digging that peripheral part of Dashly-3 monument thirty years ago, I unintentionally paid attention that buildings, being elements thereof, greatly differed with their much carelessness (while constructing thin walls, etc.) not only from its sacral part, but from common houses as well.

As noted by academician B.A. Rybakov, nine "turrets" may indicate nine months of pregnancy. This is proved by citation related to Vara: "...And bring the sperm of all males and females, who are the greatest and best ones at this land, there, behind the wall ... And make all being couples, while people are staying in Vara". All those observations may imply Vara's relation to the idea of general fertility of every kind.

Anyway, purpose of both monumental buildings in Dashly-3 as original temples, at the present is beyond any doubt, emphasizing this site as a cult center of the whole Southern Bactria, and to a certain extent reminding of Gonur-Depe palace-temples ensemble.

FIRE ALTARS

The fire altars of Margiana temples, in a full compliance with Avesta, are always not high and "located at the sight level of a sitting person" (not over 0,5 m high). All the altars, which have been found, are divided into two basic types — rectangular and round ones. The first ones have been dug at the mainland in the form of rectangular chambers, being lined with fossil bricks and always elongated into one chain from three (Gonur Temenos) up to four (Fire Temple of North Gonur) and even five (Togolok-21) chambers respectively. It may be assumed that an inextinguishable or otherwise "perpetual" fire, which was prayed to, fired there, or it has been a sacred substance. M. Boyce was quite right noting that the Fire having bright and alive image, caused worship easier than wooden and stone idols (M. Boyce, 2003, p.103).

Moreover, if we refer to the excavated Margiana Fire Temples, it is always possible to state that the fire altars, though being located inside temples, are always at the internal yards (Gonur temenos) or "light shafts" (Togolok-21), i.e. in the open air. A general layout scheme has been well known: the fire altars stood in temples, but always at locations inaccessible for uninitiated (at secluded premises, behind the high and blank walls), and certainly in the open air. Indeed, Zoroastrians were recommended not to look at fire directly, as they should have protected eyes. Although M. Boyce was deeply sure that there is no any reference to the fire, located at a

special place, in the ancient part of Avesta, this did not testify yet that the Indo-Iranians did not have fire altars.

The second type demonstrates round altars, but of various scale ("big" and "small"), intended for making sacrifices (Togolok-21). The big altar, being dug at the virgin soil (3 m deep), is of semi-spherical internal surface with a small fireplace in the center thereof. The fat meat pieces, which were put at the altar edge, were melting with fire, naturally flowing along the altar spherical surface down to the central fireplace, where they got in touch with decay coals. The fire flared up and rose to the sky with a smoke. It is amazing that antique authors (Onesicrite and Strabon), as well as XVII century travelers, kept practically the same description of sacrificing made by Iranians.

The analysis (which has been made at Moscow State University) of a fat "spot", found at semi-spherical surface of the Togolok-21 altar, found out that it was of a fat consistency. The fat was mixed with small peaces of carbons and cattle bones. A bone tube (with a face and very big eyes engravings) for a cult libation has been found here at the altar entry. These facts give forcible arguments to assume that sacrificing and cult libations to various deities of Margush pagan country took place in the "large altar". Remembering that there are a great number of cult double-ovens (see below) intended for making sacrificing at the North Gonur, and only one similar oven has been found at Togolok-21 Temple later, then a tendency to unite different cults and making them at one altar may be assumed.

The second or "small" altar (with a flat and not spherical bottom) at Togolok-21 turned out to be compact filled with an ash and pieces of burnt branches, carbonized animal bones (sheep or goat) being alloyed thereto. Later the over-burnt animal bones were applied by ancient Margush people for cult purposes, especially in funeral rituals. The latter event resembles descriptions of ancient authors (Onesicrite and Strabon) and XVII century travelers in details, specifying the sacrificing to fire procedure made by ancient Iranians, when small pieces of fat meat (omentum) were directly put to the burning coals. The bones were carbonized and alloyed to coals due to a great heat.

PAVI

The double so-called "platforms" or "pavi" otherwise, which are mentioned in Rigveda, are situated close to rectangular altars. They present rectangular lining areas, which walls do not originally exceed half a meter. Thus, these structures were uncovered from top and were located "in the open air". In accordance with ancient believes gods were sitting on such close areas, and a fire was made in altars (Gonur Temenos and Togolok-21) in favor thereof.

"CONTAINERS OF SACRED ASH"

It is surely not by chance that containers lined with raw bricks, which have been dug at the virgin soil (or vice versa built-up on the day light surface) are located close to the earliest altars of the Fire Temple of North Gonur, as well as to the Gonur Temenos altar area. Being round or rectangular while archeological digs, they were

filled with a pure white ash. B.A. Litvinsky and I. Pichikyan (2000, p.337-340) gave detailed descriptions of similar containers. Such containers, conditionally called as "containers of sacred ash", were composed of a ritual pure ash, which was likely filtered through a special cloth, being later distributed to temples of lower category. As it is known, the ash cult takes a significant place in Zoroastrianism practice, and there is even an expression stating that "ash is a fire garb". A special attention to ash is the most important element of the fire Zoroastrian cult. Even the fire temples are perceived as ash accumulation places.

Leaving such worship structures, the Margush population have tightly blocked containers up with raw bricks from top in order to prevent a possible damage thereof by people and animals in future.

CULT DOUBLE-OVENS

The double-ovens (sometimes three-chamber ones) for making sacrificing food demonstrate a specific architectural difference typical for the North Gonur palace-temples ensemble. All of them are of the same type and divided inside into two chambers with a transversal partition, where the little one was always greatly burnt inside and presents a fire-chamber. The second bigger one is slightly burnt and presents "an oven". A low partition (it does not reach a ceiling), dividing them, is between the "fire-chamber" and "oven" (Fig. 6). That construction prevented fire flames entering oven from the fire-chamber and, thus, a fire direct contact with sacred item (preferably with raw bloody meat). Otherwise, fire-chamber of such design allowed cooking sacred meat free of contaminating the "pure" element of fire with "unclean" bloody meat.

Indeed, all of those ovens present altars to cook sacred meat. As a rule, they are located on the premises' floors and put on small platforms only in some public buildings, standing them out among other ones.

BURIALS

It is generally known that a burial ceremonial is the most conservative one in the human mind of all the nations. Zoroastrians do not serve as exclusion there from. "The intention to protect saint elements (firstly, ground, air, water and fire) against contamination" is based on their burial rituals (Maytarchiyan, 1999). The excavations of Gonur necropolis discovered about 3000 graves dated to the end of the III and the first half of the II B.C. They would be published in the nearest future by anthropologist prof. N. Dubova. Various important observations, which may be explained from the point of view of Zoroastrian burial rituals, have been found while excavations.

The most died in Gonur have been buried at shaft graves (about 85%), and only a small part (about 11%) have been buried at the outskirts of necropolis in ordinary pit graves with poor funeral offerings. A specific feature of some pit graves is that they have been complete burnt inside (till bright red) before the dead one is buried. And it was proved by documents that lots of graves do not have osteological material at all, or there are only separate human bones (totally those structures amount to

196, and the bone remains have been found in 47 of them). Such burnt graves with whole human skeletons have been found less, but in this case practically all of them bear evidence of pathological processes. Thus, three dwarves have been found in three graves of that type (remains of one more dwarf was found in a royal sepulture # 3230) and one child suffered with batrocephalia (for more detailed information see: N. Dubova, 2004). The fact that hunchbacks were considered as "dirty" is proved by Avesta, where it is more than once said as follows: "Let there hunchbacks be neither in front, nor behind ..."

Otherwise, the dead ones, with physical defects when alive, were buried in the burnt graves, as far as they might have been buried only at the outskirts of graveyards. In order not to profane ground as "pure elements" with those deceased, the graves had been initially burnt with fire inside and only following that procedure the crippled persons ("unclean", otherwise) were buried (for more detailed information see: V. Sarianidi, 2001). There is a situation being identical to that one stated above, when double cult ovens-altars have been applied while sacrificing. M. Boyce doubted that "fire" as "clean elements" could not have been used for making clearance from pollution, but this concept is denied with a whole complex of data, which have been obtained while archeological excavations at the North Gonur ensemble.

Bones of dogs and even a whole skeleton of a dog have been found in some burnt graves, which may show a dual attitude to that animal.

There are all grounds to assume the existence of complicated funeral rituals typical among ancient Margush peoples. One of the evidence of that is "the complex of funeral rituals" at the North Gonur palace. A rough-made "gap" or "breach", through which a body of a dead was taken out after all the funeral rituals have been completed, is located in that complex close to a main entrance. The Vendidate directly specifies as follows: "and when birds will fly to, plants will grow up, puddles will spread around and the wind will dries the ground out, then let Mazdayasniyts make a gap in this house".

The ritual ablutions of dead, which was held in the special room of the complex, took a major place in the Gonur rituals. The contaminated water after being used was discharged by means of special drainage, which consisted of three ceramic pipes being put together, which has been found in "the complex of funeral rituals" of Gonur palace during digging.

A small micro-complex, with one room supposedly being an early dakhma, which has presented a dakhma-masoleum, by the fair opinion of academician B. Litvinsky, is located at the same palace, in the ruler's residence. The bones of no less than ten human beings, which were chaotically mixed, have been found at the North Gonur palace dakhma. The last dead was put onto the room floor in a writhed pose (but beheaded!) and an entry was blocked with bricks "on a dry basis" in order to easy demolishing it while burying next dead. Clear traces of clayey rainy leakages have been kept on the floor close to walls inside this premise. It is likely suppose to be a special construction of that premise overhead-cover, giving an opportunity for birds of prey to enter inside.

A typical partition seal originated from Bactria and handled to me for publication by R. Garner, my friend and famous collector, evidently testifies the practice of putting corpses onto dakhma (Fig. 7). The seal obviously kept a subject composition of two

dead, lying in a writhed pose (a pose of Margiana dead ones), whose heads were being pecked out by birds in pray, and a dog was sneaking up to the feet. The whole picture reproduces an idea of skeletons skinning out.

An amulet with a dead being depicted in a writhed pose with bent legs, who was tortured by a horned monster from above has been found in Togolok-21 temple. This monster absolutely resembled a horned one, which has been depicted at one of the Syro-Hittite cylinder (Fig. 8). It has not been proved, but possibly this picture demonstrates a famous Zoroastrian episode, when corpse fly Nasu attacks just dead man. The amulet with engraved composition, depicting a person lying on the dais with writhed legs, being tortured by the eagle from the above, originates from the city of Kandaghar (Afghanistan). It is likely not by chance, that such birds (possibly, vultures) always peck human heads to pieces. Burials with heads cut off in some Gonur graves may be compared therewith.

It is clear that the foregoing data are not enough to confirm the burial dakhma existence in Margiana, but the seal and amulet images mentioned above make such assumption most probable. There is no doubt that dakhmas have existed in Bactria, which is documentary proved by Greece ancient historians. Thus, such rite has most probably existed in Margiana too.

Finally, chamber tombs, which have been found in Gonur necropolis, present a pattern of common houses (more precisely bedrooms), which was exclusively typical for Indo-Europeans and, particularly, Indo-Iranian funeral constructions, by the opinion of M. Gimbutas and afterwards of Jones-Blay. As a rule, they are two-chambered (the first chamber served as a burial one, and funeral items were put into the second one), and interiors thereof depict an interior of common dwellings. Totally, 47 tombs have been found at Gonur necropolis; they have certainly originated from the North Gonur royal sepultures (especially tomb # 3235). Those Gonur burial structures trace to tombs of the middle Euphrates basin, which also depict dwelling patters (Halava, Lidar, Hadidi, etc.) All those tombs both in Syria and Margiana belong to a local elite, and present family burial-vaults with a collective successive burial custom. Such tombs are especially demonstrative in Barsip dated by the middle — second half of III B.C. and thus preceded the Gonur tombs. Such burials are also demonstrative in the Tall Tutgul grave yard in Syria (2600-2100 B.C.), where, like in Gonur, shaft burials (Strommenger and Kohlmeyer, 1998, p.51) have been practiced in parallel with chamber ones.

The Gonur sepultures in the form of houses (Hypogaeum) are close enough to resemble the Syrian "Hypogaeums", and, have mostly been transferred to Margiana by new tribes arrived from the far West. Such chamber tombs have lived up to the Akheminidian period, identifying this area jointly with the Northern Syria into the historical region, where similar funeral traditions have been earlier born and longer lived until.

SECONDARY GRAVES

While archeological excavations of practically all chamber tombs and single shaft ones, it was mentioned that they have not got any skeletons, but just contain "bone medley", consisting of tiny bone fractures and bone "powder". It makes an impression

that the situation was created after the remains, which have been already rotten, were removed and transferred to another place. Such "secondary" graves have been earlier marked out by D. Tucci in the Northern Pakistan (the Swat river valley). He writes: "They are empty, except some tiny fractures, which is likely to state that a dead has lied in the burial ground for a certain period and later released therefrom" (Tucci, 1977, p. 26). Moreover, such "secondary" burial places have been marked in Bactria, Tajikistan and Belujistan, i.e. in the BMAK existence zone.

Avesta considers a corpse dig-out to be a "worthy job". Thus, Ahura-Mazda replies to question "Who was the first to mostly satisfy this land?" with "When remains of ... dead ones are more dug" (Videvdat, 3 and 12). I am far from making a direct comparison between the foregoing archeological facts and observations, and Videvdat data, but it is unlikely to ignore such uncommon funeral rites as "secondary" burials are and not to compare them with Margush population funeral rites.

WATER TEMPLE

As it is known, Zoroastrians are named both fire- and water- worshippers at the same extent. They make their daily sacrificing and praying only in favor of fire and water.

A Water Temple is located in the southern part of the North Gonur palace-temple ensemble, with a large and likely a natural waterpool (180 m long, 85 m wide and 1,5 m deep), which was filled with water taken from the Murgab river by drainage system of ceramic pipes. Numerous rooms connected with common passageways, some of which have cult double-ovens, which were put onto the low platforms, are located in a line along the southern coastal area. The discovered complex of premises presents a real Water Temple, which has been located close to a main water-pool.

The fact that wide terraces, where new premises with cult ovens inside have been erected on, have been dug down the coast (and, thus, close to water) as far as the water-pool was gradually becoming shallow, specifies a direct functional relation of pond water and coastal complex of buildings. Otherwise, cult premises were being built following water escape, giving a possibility to priests to constantly staying close to the water and to make religious ceremonies without any problems.

A small water-pool with a hollow mad-bricked-made filter, being filled with a great deal of rush, is located close to a large (main) basin. Water was coming to the filter from a large water-pool via a special gutter. Muddy water from the Murgab filled a filter with water via the gutter; it was being settled there and then flew out being purified and transparent through a special hole in another wall. Such water might have been used for religious ceremonies, and to cook cult food as well. In any way, water is to be treated before the God of Rains drinks it (Rack, 1998, p.108). At least, water-pools intended for sacrifice to water, must have always been arranged in the late Zoroastrian temples.

Any existence of complicated water-lifting structures may be supposed due to remains of ceramic pipes and burnt bricks, which have been kept till digs between both water-pools' cross dike. It allowed pumping water to a small basin from a large one.

Waters in Avesta are directly called as "Ahura-Mazda wives", and one of the most ancient yashts is devoted to Ardivi Sura, who is rivers' and waters' goddess. Thus, there are all grounds to suppose that water and water flows' worship was widely spread among Indo-Iranians (see: Litvinsky and Pichinyan, 2000, p.312-324). It is known that the natural lake is connected with the temple at one complex in Tahti Suleymane site, which greatly resembles the situation, which has been found at the North Gonur ensemble. Meanwhile, the temple and the lake are surrounded with a common wall, making a single architectural complex. A similar situation is found in Kuhi-Hvadja, where the temple is located at the lakeside, and in Djarkutan (Northern Bactria) as well, demonstrating a similar situation, which has existed at the middle of II B.C.

SQUARES OF COMMUNAL EATING

Three broad squares (the largest had more than 500 m²) existed consequently inside the North Gonur Palace-temples ensemble were excavated. All of them are open, smooth and had no one construction like altars or sacrificial places. The squares were covered by black ash-ground cultural level (more than 0.5 m thick) mixed with a large amount of animal bones and ceramic fragments. There were water pools close to each such square, where raining water from the near plain came through the special channels. These basins could use for cult washing. In the same place close to the squares there are enfilades of small rooms with a lot of cult described above double-ovens inside them.

All these archaeological facts together show that so named "communal eating", which were named Iza in Avesta by Iranian Zoroastrians and Ida in Rigveda by Indian Zoroastrians, took place at these squares. Meat cooked by especial way for roasting in the cult double-ovens was served to all members of "communal eating" seated in the square. It was consumed by them "with particular concentration of mind and spirit" (M. Boyce). By the opinion of the most part of linguists, Ida/Iza was a divine power which is present in a meal and to which all who take part in "communal eating" join.

DUALISM OF BACTRIAN-MARGIANIAN GLYPTIC AND SPHRAGISTICS

The Bactria and Margiana glyptic and sphragistics are the unique phenomenon in the system of the whole Middle East. Though most of such items are decorated with ordinary geometric ornaments, there are big amulets with complicated and obviously subject compositions, presenting "quotations" or "theses" of those myths, which have been spread in the Margush society in III-II B.C. and generally understood by every citizen.

In the opinion of P. Amie, "the phallic symbolism", which is depicted in compositions with real snakes and fantastic snake dragons thereon being always in a confronting position, is considered to be a major topic of such narrative compositions of the Bactrian-Margiana glyptic. As a rule, they chase peaceful even-toed animals (more rare birds) and usually try to catch their rear legs in order to possess their "vivifying sperm", which personifies a general fertility and life prolongation idea.

A continuous thoroughgoing fight for exercising a right to possess "a vivifying sperm" is always between them. There are weighty arguments to consider snakes personifying positive forces towards a human being, while the snake dragons symbolize negative forces (towards a human being). Thus, the snake dragons, eating each other up, are depicted on stone amulets (sometimes on the copper-bronze seals). It is well-known that creatures, which eat up those one similar thereto, are of common aversion. As a rule, the snake dragons are depicted with wide-open jaws, angry-goggle eyes and sometimes with wings and a horn on the nose.

Taking the same compositions into consideration, snakes personify positive forces towards human beings (see: Sarianidi, 1998a). Thus, such compositions with snakes and snake dragon fight depicted thereon, finally, demonstrate a fight between good and evil forces.

This general topic of Bactria-Margiana glyptic is traced at lots hundreds and even thousands of seals and amulets. This is a unique concept of Good and Evil forces' fight. It should be noted that snakes are winners on some amulets while snake dragons are on the other ones. Thus, we may conclude that victory has not been foreseen as it depended from many factors. The composition, depicting a fight between snakes and fantastic snake dragons, express a specific feature of further Zoroastrianism: a distinctly defined dualism, namely, a fight of good and evil, which, indeed, is a universe substance.

Besides those characters, images of fantastic winged animals are famous as well. They are always shown as running away from snake dragons in panic (with widely open jaws), lying under stomachs thereof and always trying to catch their back legs.

KERSASPA

A small, but exclusively important group of seals and amulets with single-type images, which reproduce a heroic character of the ancient Iranian epos, are worthy to be paid attention to among really immense group of Bactrian-Margiana glyptic and sphragistics images (Fig. 9). It is characterized as follows in Avesta: it has got an upright and curly (our spacing) hair, furious and brutal appearance". There is almost no doubt that this is a wordy description of Kersaspa at all the amulets mentioned above. M. Boyce (1989, p.102) thinks that legends thereabout have been born in the Eastern-Iranian world, possibly in Seistan.

Despite origination of those images (Bactria or Margiana), they always reproduce a male image of hero with hard and slight curly head hair, being always divided into two strands, with eyes being greatly goggle and round because of fury, with fluffy moustaches and long side-whiskers, combed into two sides. The hands usually end not with palms, but with snake-like heads; and once such personage has had a snake-like belt.

Presently over dozens of such amulets with similar images have been known, originated both from Bactria and Margiana (Sarianidi, 1998a, ## 51-53, 905-907, 912, 927 and 1235). They reproduce general image of Kersaspa, who is considered to be "the greatest Avestinian hero" (M.Boyce), who has committed lots of heroic feats.

Due to Avesta Kersaspa is a brave warrior, who is always eager to fight against devil incarnates. Indeed, he has killed a horny snake Servar, which has eaten people up. With this regard it should be noted that images of horny snake dragons with widely open jaws are known both in Bactria and Margiana; meanwhile, they are often shown with a head set hack and a darkly bared jaw as if in a "defensive" and fighting-off pose against dangerous risk approaching them. It should be noted that M. Pottier (1984, Fig.42, # 312) was the first to suggest considering this fantastic image as a horny snake dragon, Servara by name, which retained underground waters. And only after his death water came back to people.

The above mentioned archeological facts are surely to witness that similar (otherwise, identical) subject compositions have been spread in glyptic and sphragistics of Bactria and Margiana. These compositions, which themes and images reflect common mythological ideas, being very popular in the Bactria-Margiana environment, and which later after being reformed were included into Avesta, a sacred book for every Zoroastrian.

A BULL-HEAD MACE

A bull head made of marble, being perfectly formed, is of exclusive value among findings made at Margiana temples. It is greatly indicative that a backside of that head is not much damaged, is thoroughly polished and has got three holes at the edge to be fixed onto the stick-base. Otherwise, the head resembles a wand, which was fixed onto the stick-base. Such wands are applied by the present Zoroastrian priests during youth dedication into the Zoroastrian religion; their images are published even at every work devoted to the Zoroastrian religion (M. Boyce, 2003, Fig.6).

* * *

To complete my brief presentation, I would like to state that I distinctly realize that the conference participants might subject basic ideas of provided information to a great criticism. For my part I would like to ask my opponents: is there many archeological proofs in favor of the foregoing new theory anywhere in the whole Middle East system, besides Margiana?

I hope that the archaeological material, which we obtained, is able to convince those who still questions the real importance for science of the archaeological discoveries at Gonurdepe of last years. New facts and incontestable evidences, obtaining from the continued excavations in Margiana, will lead, I sure, to reconsider some established views on the remote past of humankind. Therefore, the number of people, first of all foreign scientists, which will appreciate deservedly the place of ancient Turkmenistan in the system of the early civilizations of our planet, become much more.

The next steps in the wide propaganda and popularization in the world of the Turkmen great heritage, which hardly earliest part are the finds from Margiana, will be, as I hope, their exhibition in the Paris Louvre, Greek museum of Binaki, Moscow State Museum of the East and other largest world museums. Millions of people will see these treasures and know about that valuable contribution which Turkmenistan makes to the world culture.

- M. Boyce, M. 1975. On the Zoroastrian Temple Cult of Fair // JAOS. Vol. 95.
 M. Boyce., M. 1989. History of Zoroastrianism. Vol. 1-11. Leiden.
 M. Boyce, 2003. Zoroastriyztv. Verovaniya i obychai. (Zoroastrians. Faith and Customs). M.
 M.I. Dandamaev, V.Lukonin, 1980. Kultura I ekonomika drevnego Irana. (Culture and economy of Ancient Iran). M.
 N.A. Dubova, 2004. Naselenie Yuzhnogo Turkmenistana epokhi bronzy: noveyshie dannye. (Population of Bronze Age Southern Turkmenistan: newest data) // Polevye issledovaniya Instituta Etnologii I Antropologii 2003. (Field investigations of the Institute of Ethnology & Anthropology. 2003). M.
 V.Kryukova, A.Khismatullin, 1997. Smert' i pokhoronniy obryad v Islame i Zoroastizme. (Death & Funeral Ritual in Islam & Zoroastrianism). M.
 B.A. Litvinsky, I. Pichikyan, 2000. Ellinisticheskiy khram Oksa (Hellenistic Temple of Oks). M. V.1.
 J. Mallory. 1991. In Search of Indo-Europeans. London.
 M. Meyercheriy, 1999. Pogrebalniy obryad Zoroastriyztzev. (Zoroastrians' Funeral Ritual). M.
 C. Refrew, 1973. Before Civilization. London.
 V. Sarianidi. 1991. I zdes' govoril Zaratustra. (And Zaratustra told up here). M.
 V. Sarianidi. 1998. Margiana and Protozoroastrism. Athens.
 V. Sarianidi. 1998a. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.
 V. Sarianidi. 2001. Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. M.
 E. Strommenger, K. Kohlmeier, 1998. Tall Bi' a Tuttl. Saarbruken.
 G. Tucci. 1977. Swat. The Dards and Connected Problems // East and West. Vol. 27.Rome.

THE BRONZE AGE IRRIGATION FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF URBANISM IN MIDDLE ASIA AS SEEN FROM THE MURGHAB DELTA

Barbara Cherasetti
(Italy)

Ever since the beginning of the 20th century when the Anau Civilization was discovered by Raphael Pumpelly on the Kopet-Dagh piedmont plains of southern Turkmenistan, the discontinuities of urbanism in Middle Asia have been related to the erratic water supplies. The rivers, as the Murghab in southern Turkmenistan, discharge their waters in large delta fans after crossing the desert encased in steep corridors that separate the upper from the lower sections of their course. The great centers in Middle Asia received their water from rivers draining the glaciers of distant mountains, often well outside any direct political control.

Thanks to the recent intensification of archaeological work throughout the region, on the basis of the combined support of digital archive data from GIS and the analysis of satellite imagery, we are trying to relate the development of urbanism in the Bronze Age to the innovations in water management. The evidence, gathered over the past twenty-years in our survey and other parallel projects in the Murghab delta, indicates quite clearly the differences between the failed protourbanism of the Early Bronze Age and the successful one in the Iron Age. The building of an artificial irrigation system required the organisation of human labour, related to high levels of political and social complexity and the river water exploitation was no-artificial process till Achaemenid period, characterized by the construction of the main dams along the main streams of Murghab, as Great Band and Sultan Band. These structures were certainly supported by a central power, very well organized and capable to face the incessant problem of river regression, allowing the economical sources to erect and to maintain these public structures, of course entailing a great human energy employment.

During the Middle Bronze Age (2400-2100 BC) the settlements are homogeneously distributed across the entire territory of the delta. Thanks to the efforts of V.I. Sarianidi and his team, we can understand the birth and the development

of the main centre of this period in connection with the relative environment. Gonur North is a clear example of a large proto-urban centre (35 ha.), very close to the settlements situated along the piedmont area. During the Bronze Age the territory of the delta wasn't uncovered by sand and supplied by river water for the agricultural exploitation. The settlement system depended not only on the environmental situation, but mainly on the human influence. The Thiessen polygon application demonstrates that during the Middle Bronze Age the settlement system was hierarchically organized with Gonur North in the centre, concentrating the administrative functions as testified by the presence of the impressive palace. Anyway the administrative activity was shared out across a coherent series of second size sites, controlling the territory around. Unfortunately the attempt of the urbanization, following the foundation of the main Middle Bronze Age site of Gonur North, failed because of unfavourable natural and river supplying conditions.

On the basis of archaeological topography and detailed landscape analysis by using satellite and aerial photos, useful instruments for the present research, we tried to reconstruct the Middle Bronze Age environment and the relative irrigation system.

GONUR POPULATION ACCORDING THE ANTHROPOLOGICAL DATA

Nadezhda Dubova
(Russia)

The anthropological data, describing human physical features is the unique indicator of migrations in all epoch of existence of mankind. People moved to many periods of history on extensive spaces. The Neolith and Bronze Age take a special place in processes of formation of the population. The important information about this time, including anthropological one, we receive from the territory of the Near East, Middle and Southern Asia. This region is well enough presented by anthropological finds from the IV-II Millennium BC. (Trofimova, Ginzburg, 1972; Khojaiov, 1980; Kijatkina, 1987; Hemphill, 1998; etc.). In the same time the capital settlement of Margiana Gonur-Depe, which is dug out within last 35 years by Margiana archaeological expedition under direction of V.I. Sarianidi essentially supplements these data since represents the population lived per 2300-1600 BC in ancient delta of Murghab river — nowadays deserted areas of Kara Kum (Sarianidi, 1990, 2002, 2004, 2005, and others). Stratigraphic evidence and radiocarbon dates show presence of three periods inside of one cultural horizon. The first period last since time of the basis of a complex (last centuries of the Third — middle of the Second Millennium BC) up to the big fire which has destroyed all central part of the Kremlin (1800-1700 BC). The second period proceeded about 200 years after the big fire. The third period (about

1600 BC) is connected with leaving of Gonur rulers after a water of Murghab was moved on the West, loss by city of the capital value and full desolation of settlement.

Gonur Depe data are extremely interesting. Owing to that Gonur necropolis (2853 funeral constructions) where burial places were made during all time of functioning of a Palace-temples complex, but mainly during the first and second periods is completely dug out, we can judge the first settlers of this site. During the last period of dwelling on Gonur, burials also were made on its ruins. So, by the spring 2006 740 tombs have been dug out here. It allows to analyze the changes of anthropological features of Gonur inhabitants for all time of its existence, i.e. for 700-800 years. The most important is that, we have an opportunity to compare anthropological characteristics of Neolith population of Southern Turkmenistan with the same of new settlers of ancient Murghab delta.

Table 1. Occurrence of different types of funeral constructions and special ceremonies of a burial place at Gonur necropolis and in the ruins of Palace-temples complex.

Types of funeral constructions and customs	Necropolis %	Ruins of the Palace-Temples complex, %
Shafts	85,12	4,3
Pits,	10,83	73,7
including:		
Ordinary pits	8,91	73,7
Burnt pits	1,92	
Cists	2,13	8,7
Chamber tombs	1,92	0,3
Ovens		2,9
Hums		10,1
	N = 2447*	N = 623**
?	n = 211	n = 41
Fractional	n = 3	n = 1
«Dakhma»		n = 1
Sepultures-houses models with multiply human sacrifices		n = 5

* — Fire places and Burnt pits in which bone remains were not found are not included in this number.

** — The burials which have been dug out in the 2006 spring are not included in this number.

Some types of funeral constructions (table 1, fig. 17) are revealed at Gonur. The most part of burials has been plundered in an antiquity. From 2853 objects which have been found out at necropolis, only in 174 cases it was impossible to define, whether their ancient robbers visited. From among actually burials (excepting Fire places and Burnt pits) only 428 (16,5 %) have appeared not plundered. Only one unplundered chamber tomb (194) has been found out only and three cists also. Nevertheless, the richest gifts have been found in last of the mentioned tombs. It has allowed V.I. Sarianidi to approve, that the type of constructions is connected

with social structure of Gonur society, which was rather safe during a time of its blossoming: 85 % — middle class, 11 % — poor men and 4 % elite.

Obtained data, certainly, testify to a gradual impoverishment of the population during last period of dwelling when burials in overwhelming majority of cases were made in simple ямных tombs. Detection 195 ямных constructions which walls are burnt until red (the burnt holes) is characteristic. Among them only 47 (24,1 %) had bone remains, the majority from which (in 43 cases) have been certain as belonging the person. Bones of a dog have been found in five such holes.

Hard sick people, people with physical and, it is possible with other lacks were buried in Burnt pits. The part from them was in non-standard poses. Among burials in the ruins of Palace-temples complex crippled people were buried not in specially arranged Burnt pits but in the thrown ovens. On the one hand, it also shows the general decline of a society, and with another one, testifies the preservation of tradition to protect pure element — ground — from "dirty" (the patient during lifetime) individ during all time of dwelling for a site. The important role of a protector was played by ashes. The thick layer (up to 12-15 cm) of it (quite often mixed with sand) was filled on a bottom of the Burnt pits. All died bodies in different types of tombs (including children buried in hums — large ceramic vessels) were fell down with ashes. Gypsum plaster of a sandy embankment on which remains of died in shaft graves and cists were located was used also in rare cases. Chamber tombs (double- and three-chambered; only 49 examples: 47 from them were on the necropolis, and 2 — on territory of a royal necropolis) are the simplified variant of tombs — models of houses of Margiana aristocracy. In room # 92 of Gonur palace there was an original dakhma-mausoleum in which the died members of royal family were buried (Sarianidi, 1998). The bone remains of ten died of different age and sex were mixed among themselves and moved to the eastern part of the room. Only one skeleton — of the last buried people — was lying inside the room near the entrance to the chamber. Similar situation, but strongly broken by not one-fold robberies, was observed also in royal tombs. Bough of them is illustrating collective successive burials.

There are a bases (presence of "bone crumble " in chamber tombs of necropolis and a small number of fractional burials) to assume the existence of secondary burials. The big variety of funeral constructions types in any way does not correlate ($r = 0,01$ up to $0,10$) with the ages, neither with a sex, nor with anthropological features of buried people, but is kept during all time of Gonur depe existence.

The funeral ceremony (position of the dead usually on the right side, in the writhed pose, a head to the north-northwest) also, as well as a set of funeral gifts remains as a whole without changes. It testifies the absence of new cultural invasion. Anthropological features of the population for all 700-800 years of dwelling of Gonur population change only within the limits of normal variability, which is a characteristic for a stable population (Dubova, Rykushina, 2004).

Stability of Gonur population proves to be true also by demographic parameters calculated in view of all burials, fixed to the end of 2004 (3181 cases of age and sex definitions — a unique case of completeness of the information for synchronous sites). The given population possessed a high standard of living and was in the demographic plan rather safe. People of Gonur, as well as many other agricultural societies, and especially protourban and early city's communities, were not free

from a different kind of pathologies (osteochondroses, inflammatory processes, enamels hypoplasia of tooth, urolithic illness and so forth), but their prevalence did not influence seriously on the life expectancy. The same data show practically normal sex parity with very insignificant excess of number of men over women (1,06), that (on a little bit smaller material) has been noted before by G.V. Rykushin (Babakov et al, 2001; Dubova, Rykushina, 2004).

As the received parameter mismatches normal biological sex distribution (1:1), it is possible to assume, that the first inhabitants of Gonur were the migrants, one of which characteristic features is significant excess of number of men over women. The part of women (about 36 %) could be included in structure of a population from the outside. The population which has based Gonur-Depe and lived in it, most likely, has come on the given territory not ones but by several waves.

Craniological Gonur series (almost 350 skulls of adult individuals) are necessary to name the major results of studying of anthropology the following:

1) Presence of the brachicephalic skulls in Gonur series (2,1%) are noted for the first time for the Bronze Age of Central Asia. On the one hand, it indirectly confirms agricultural character of facilities. On the other hand, it testifies the communication of the given population with one of the most ancient in the world brachicephalization centers — Near Eastern one (Tepe-Sialk, Tepe Hissar etc.), and with the third — it speaks about ecological features of environment and as a trace of it trouble — about presence of significant number of deviations from an optimum of mineralization of a skeleton (Babakov et al, 2001; Dubova, Rykushina, 2004).

2) Detection of the wide distribution of the artificial deformation of a head, especially with a help of bandage, characteristic and for modern Turkmen (Dubova, 2004, 2006) (fig.18). Thus, the version of ring deformation which is known under the name parietal-occipital, has been very widely widespread among Gonur-Depe population (29% in the whole cranioseries and up to 43,3% in among 7-14 years' children). and, is not excluded, as in all Margiana already in the II Mil. BC. It is, at least, for 900-1000 years earlier, than thus type of deformation appears in the steppe areas of Eurasia (there it appears not earlier than the middle of the First Mil. BC), and approximately on 1500 years earlier, than in Siberia and Central Asia.

3) Objective presence in Gonur craniological series of significant polymorphism of the population (fig. 19). That also is fixed for the first time for the given territory. Except for the East-Mediterranean anthropological component most widespread in Kopet Dagh foothills, in Fergana valley, and in other areas of Middle Asia (Sapally and Djarkutan in Uzbekistan, Parkhay II and Sumbar in the Southwestern, Geoksur and Altyn-Depe in the Eastern Turkmenistan and Yuzhbok II on the Western Pamir, and also Tepe-Hissar, Shah-Tepe, Tepe-Sialk and Shahri-Sohta in Iran), Forward-Asian and Veddoid ones are present in Gonur series. Among all synchronous anthropological materials studied nowadays, only the population of Swat valley (Northwest Pakistan) most close reminds Gonur peoples.

4) The origin of the Forward-Asian anthropological component, certainly, is connected with Near-Eastern region, presumably with that its part, where in IV Mil. BC Shumer people lived. Their faces are well-known by the anthropomorphic plastic. Similar persons we see represented in glyptic and sfragistics of Gonur Depe.

5) Presence of the Veddoid anthropological layer in anthropological structure of the population of Turkmenistan called in question repeatedly. Strong restoration of Kokcha-3 skulls (Southern Subaral, II Mill. BC) has not allowed the majority of researchers to agree with T.A. Trofimova's (1961). Her investigation noted in this cemetery not only mesognathic but also prognathic forms. Morphological features of the individuals in the Gonur series establish existence of such structures with indisputability and show the certain similarity as with Veddoid skulls described in Swat valley so in Mohenjo-Daro by W. Bernhardt (1967).

6) In any one of these sites, also as well as at Gonur, the analysis of the morphological variety of skulls it has not been noted the presence of the anthropological types similar with Palaeoeuropoid population of the Euroasian steppes. Unique exception makes A.V. Gromov's research (1995) where the author shows some similarity between the population of a Sumbar valley (South Turkmenistan) with Katakombnaya and Srubnaya archaeological cultures of Volga region. In the same time presence of the anthropological component similar with Mediterraneans, among Srubnaya (and even earlier) culture of Volga region, Southern Subaral and Alakul' peoples is testified. More possibly that facts testify the movement from the South to more northern areas, than from steppes in a southern direction. This similarity, possibly is represented the participation of the identical anthropological layers in formation as of South Turkmenistan's so and steppe tribes.

Thus, the anthropology cannot define what carriers of languages and religious representations were people of Gonur — these characteristics do not depend from facial features of the people. But data which is possible to gather, analyzing morphological features of bone remains, confirms already expressed point of view, that all palette of a modern variety of the population of Turkmenistan was pawned during a Bronze Age. Therefore, we have all grounds to assert that they Turkmen's are direct genetic successors of the Ancient Margiana population.

BIBLIOGRAPHY

- Бабиков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайлов Т.К.* Антропологическая характеристика некрополя Гонур-депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Кияткина Т.П.* Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.
- Сарияниди В.И.* Древности страны Маргуш. А., 1990.
- Сарияниди В.И.* Маргуш: древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. А., 2002.
- Сарияниди В.И.* Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарияниди. М., 2004.
- Сарияниди В.И.* Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.
- Ходжайлов Т.К.* Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
- Bernhardt W.* Human Skeletal Remains from Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshavar. Vol.III. 1967.
- Dubova N.A., Rykushina G.V.* Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: Some Anthropological Data // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарияниди. М., 2004.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.

THE OXUS CIVILIZATION (BMAC) AND THE LOCATION OF MARKHASHI AROUND 2300-1800 BC.

Henri-Paul Francfort
(France)

The problem of the location of ancient Oriental place names in cuneiform records has attracted the attention of scholars since a long time. A number of places located East of Mesopotamia are mentioned in cuneiform sources of the late third and early second millennium. They are quoted in relation to the acquisition of some resources or to diplomatic or political events. Some of these lands or countries are identified quite clearly, if not always precisely. Such are Elam, Awan, Anshan and Simashki in the in South and South West Iran. Such are also Dilmun, Magan and Meluhha in the Gulf area, up to the Indus valley and Harappan civilization. Tukrish is perhaps to locate in the North West of Iran and Aratta in the Kerman province. What is the situation about the identification of Markhashi?

It is clear that, in later periods, Old Babylonian, the country of Marakhshi or Barakhshi was relocated in an area closer to Mesopotamia, perhaps in the Zagros.

But at the end of third and beginning of second millennium, Markhashi was definitely a country independent of Elam and Mesopotamia, situated in an area East of Elam. Some hypotheses have been put forwards by various scholars. Steinkeller locates Markhashi in Kerman and Vallat in "Iranian Baluchistan". The purpose of the present paper is to discuss the various former hypotheses and to propose a location in Central Asia, identification with the Oxus Civilization (BMAC).

All the historical records of the campaigns of Akkadian and Ur III kings in the East, all the lists of countries, all the "exotic" minerals (metal, stone), plants and animals point towards a country East of Elam and close to Makan and Meluhha. A close examination concludes that no one of the realia mentioned allows locating definitely Markhashi but they permit to propose the Oxus Civilization as an alternative working hypothesis to Kerman.

As stated by Steinkeller: "Markhashi was a major political power, which controlled the eastern section of the Iranian Plateau and acted as an intermediary between Mesopotamia and Elam in the west and Meluhha in the east".

Historically, the country is mentioned only from the reigns of Sargon to Ur III and not after Hammurabi. This is precisely the period of flourishing of the Oxus Civilization according to the best and most updated chronologies of Bactria and Margiana. After 1800-1700 a phase of decline occurs, obvious in the long distance relations.

Geographically, the Oxus Civilization was largely expanded in Turkmenistan, Uzbekistan, Afghanistan, and Tadjikistan, that means North and South of the Hindu Kuch. It had its borders, defined by location of archaeological sites with materials well identified, in Eastern Iran in Nishapur area, in Seistan in Nad-i Ali (bordering with Magan), in Baluchistan in Mehrgarh Nausharo (bordering with Meluhha) and in NE Afghanistan at Shortughai (again bordering with Meluhha) . This is exactly the expected location.

Culturally, the material recovered from the sites of Margiana and Bactria includes many precious artefacts and art representations imported from, or parallels with, Mesopotamia and Elam on the one side and Indus civilization on the other side. On the West, the international relations of the Oxus Civilization extended as far as Anatolia and Syria, as we know now. This fits well with the role of intermediary country on long distance relations and exchanges proposed for Markhashi. However, this is not yet sufficient for preferring the Oxus Civilization rather than the Kerman for Markhashi.

The Kerman hypothesis for Markhashi is now weaker since the recent very important discoveries of Jiroft and Halil Rud in Kerman (Iran). These sites have their flourishing and their Mesopotamian connexions at a time earlier than the BMAC. On the other hand, no strong or direct Indus Civilization connexion is attested. Kerman seems definitely better suited for identification with Aratta (Madjidzadeh) or with Simashki (Vallat) for example.

The Oxus Civilization hypothesis finds also a strong support by the location by Moorey of Tukrish in NE Iran. This country is placed by the text called the "Geography of Sargon" "between Markhashi and Elam". The Mesopotamian and Syrian recordings of lapis lazuli and of precious coloured inlaid metalwork as coming from Tukrish may concern the blue stone from Afghanistan (of course) and the precious jewellery with coloured inlays from the Oxus Civilization, well known from the tombs Bactria and Margiana. The technique of the goldsmith is specific and the mineral resources and gems of the Bactrian mountains were controlled by the Oxus Civilization, as we know.

Linguistically, no direct link can be traced from Markhashi to Avestic Mouru or Old Persian Margush. But specialists linguists have proposed that Markhashi was the transcription of an original Warakhshi or Warghushi. More investigations are necessary and only more archaeological material, new texts and fresh interpretations can settle the question.

Therefore no definitive argument concludes the discussion, but the Oxus Civilization hypothesis is at present to be considered seriously, thanks to the Turkmenistan excavations and the discoveries of Professor V.I. Sarianidi and his team.

MARGUSH AND THE INDO-EUROPEANS

Gerard Fussman
(France)

In June 2003, Victor Sarianidi made us the great honour to deliver a conference at the College de France. Facing an audience comprising all the French scholars interested in the past of Iran and Central Asia present in Paris, he detailed the last results of his Gonur excavations, fresh from the dig. They were impressive, indeed astonishing, even for those who were acquainted with his precedent discoveries and who, like me, had be lucky enough to see under his guidance the dig going on.

Less than two years later, I received the superbly edited and illustrated archaeological report of the excavations, now almost entirely completed: *Gonurdepe, City of Kings and Gods*, Asgabat, 2005. All the hypotheses that V.Sarianidi had put forward in Paris about the expected continuation of the excavations had been confirmed : the ramparts, buildings etc. which he told us in 2004 he expected to find the following year had been uncovered just as he had predicted.

The great advantage of a book compared with a lecture is that it gives you time to ponder over the data and weigh the arguments. Looking at the text and at the superb illustrations, I remembered my student years, when we were taught that in the 3rd millennium BC, two great civilizations only existed between the Mediterranean Sea and China, viz. the Mesopotamian and Indus civilizations. In between were only villages whose sole output were beautifully made pots. Still later, in 1969, when Victor Sarianidi and Galina Pugacenkova came in Afghanistan, most of the French archaeologists working there did not know names like Djarkutan or Sapalli-Tepe, and used to pay no attention to the results of the Namazga excavations. We did not attach any importance to the discoveries made by Victor in the Dashly oasis, exactly as we did not understand the importance of the discovery by B. A. Livinskij of bronze age graves in Ai Khanum. A review article of *Drevnjaja Baktrija, Materialy Sovjetsko-Afganskoj Ekspedicii* 1969-1973 (Moskva 1976) thus devotes one and half page to Victor's excavations and 28 pages to the Greek and Kushan periods (Bernard-Francfort 1979). No wonder if, when, in the late seventies, pots and bronze artefacts plundered from graves in Afghan Turkmenistan appeared on the Kabul antiquarian market, French archaeologists, although by now fully conscious of the historical importance of the bronze age, could not devote time and resources enough to fully document them. The only French book published on the subject (Pottier 1984) was not even published in the prestigious series *Memoires de la DAFA*. As for classical indologists, from any nation be they, they could not even imagine that results of digs conducted in the far-off Bactrian and Margian oases would force them to look differently at the oldest and most sacred part of Indian literature, the Rig-Veda.

Things have changed since. Western archaeologists, including French ones, are now flocking in Central Asia, looking for bronze age sites. Renowned western indologists and linguists are attending international meetings of archaeologists, trying both to explain the Margian finds with the help of the Rig-Veda or the Avesta, or acknowledging that their perception of that literature has changed now it is known that peoples who spoke languages close or identical with the languages of these texts had at least minimal contacts with a highly developed civilization, about which the above texts do not say anything.

Most of the discoveries responsible for this change of attitude among scholars were made by Victor. The excavations of Togolok and Gonurdepe look as the climax of bronze age excavations made in Southern Uzbekistan, Northern Bactria, and Turkmenistan since the sixties. We have now before our eyes more than isolated temples and palaces: a true "royal" town, complete with its palace, temples, pools and tombs, and hundreds of plundered graves nevertheless still filled with rich assemblages of pottery and artefacts indicative of links with the great civilizations of Elam, Mesopotamia, Syria and India.

It must be acknowledged that the monuments excavated in the Margian delta do not compare neither for number nor for wealth with the Mesopotamian and Harappan finds. The "royal" city of Gonurdepe is sole of its kind in Margiana, when they are many cities-states in Mesopotamia and Syria, and more than five major towns in the Harappan area. The picture may change when excavations resume in Northern Bactria -if contemporary plunderers have not destroyed every data -, but not much : neither the Murgab nor the Amu-Darya can be compared with the Tigris, the Euphrates or the Indus rivers, and it is much more difficult to irrigate the Karakum desert than the banks of these rivers. It is no wonder if, except for the former Soviet archaeologists, the discovery in Togolok and Gonur of temples, palaces, and now a full-fledged town were unexpected. More astonishing still is to recognize at a glance that the Margian civilization is a civilization of its own. Except for a few architectural details and decorative devices, it looks like the product of an independent evolution : nobody would mistake Gonurdepe for an Harappan or Mesopotamian 3rd millennium BC town. The BMAC or Oxus civilization is an almost entirely original development.

I would have expected Victor Sarianidi to stress more than he does the specificity and novelty of the BMAC. But he seems more interested in tracking influences, borrowings and exchanges of goods. Leaving apart his zoroastrian interpretations, to which I shall come back later, he is very successful in his attempts. We may discuss some of his comparisons, but the similarities with Elam, Mesopotamia, Northern Syria and Harappa he is pointing to cannot be denied. And the growing consensus on a "high" chronology supported by 14C datings and Harappan imports (c. 2400-1700 BC ± 200 years for mature BMAC) give them an added strength. But if we weigh in the balance, on one hand the specific traits of the Bactro-Margian civilization, on the other hand those of its characteristics which can be attributed to extraneous influences and borrowings, there is no doubt on which side the scales will go : the birth and growing of the BMAC cannot be attributed principally to foreign influences nor to foreign settlers. There is a major local component.

It is easy to understand why Victor and so many scholars are so much preoccupied with the contacts BMAC had with neighbouring civilizations. 30 years ago, that was the only way to establish a tentative chronology of the unearthen sites. Now, it is the only way to figure out the network of exchanges linking Margiana with its Iranian and Indian neighbours, and to retrace what appears no more like bilateral contacts, but like a kind (I beg your pardon for the anachronisms) of international market or triangular trade. Moreover, the geographical location of the BMAC as a whole, from Shortughai to Gonurdepe, from Turkmenistan to the borders of Southern Afghanistan, and its 3rd millennium-early 2nd millennium dating make sure that at least some of the wandering Indo-Iranian languages speaking people crossed its territory. As we all know, there is a fascination in Europe for our more or less true Indo-European ancestry ; there is a less understandable fascination in Central Asia for Zoroaster ; and there is now a heated religious and political debate among Hindu Indians about the origin of Vedic language and literature, nationalistic and traditionalist Hindus contending that there was never any Indo-European migration into India, that Vedic Sanskrit is the original language of India -indeed of the gods -, and was exported from there to Iran and Europe. There is thus every reason to try to connect, in a way or other, the BMAC with the so-called Indo-European peoples, both for understanding the birth

and growth of the BMAC and for tracing the movements of Indo-European tribes. This is no small question.

As everybody knows, there are five possibilities in this respect, each of which is fought for by respected scholars: Indo-European, Indo-Aryan migrations and no evidence of migration at all, or at least no decisive evidence for any migration. Four of these categories are linguistic, and few true linguists equate them with peoples, less so with definite social formations. Moreover, any attempt is fraught with theoretical difficulties. Let me give only one example, the case for Zoroastrian traits. Even if all the similarities pointed out by Victor Sarianidi with a more or less reconstructed and more or less debatable zoroastrianism were specific to that religion and could not be attributed to any other background, when weighing in a balance these traits with other peculiarities of the reconstructible Oxus civilization religion, we cannot fail to see that many of them, indeed a majority of them, cannot be explained by data from zoroastrianism as we know it, despite all divergences between scholars in this respect. E.g., if some or many graves display so-called zoroastrian practices, many other do not. So we are left with a choice:

— either we recognize the similarities pointed out by Victor Sarianidi as fully and only zoroastrian, but we feel that they are due to borrowings, and we must conclude that the BMAC religion is not zoroastrianism, even in the making.

— or we point out the non-zoroastrian features of the BMAC religion, and we explain them away by telling that this is zoroastrianism in the making. But we should also draw the conclusion that this early zoroastrianism or pre-zoroastrianism did not look at all like zoroastrianism as now reconstructed by scholars, which ever theory they profess, and so that the evidence we were using to point out the existence of zoroastrianism in the BMAC is wrong. That is a vicious circular reasoning.

The scholars who are in favour of an Indo-European, Indo-Aryan presence face exactly the same difficulty : BMAC is too different from the data they draw from either for their theory or for the data they use to be true. As for those who do not see in Margiana, apart from a few scattered Andronovo sherds, any evidence of Indo-European peoples, which ever language they spoke, they have still to explain how that country became Iranian speaking in the first millenium BC or how Indo-Aryans could cross to India without going through Bactria or at least skirting it.

So that we should have either to wait for new discoveries, or to write erudite novels or pleadings. But if we look carefully at some Victor's statements in his last book *Gonurdepe, City of Kings and Gods*, we are bound to ask ourselves whether our starting point or points are the best. Let me only give three short quotations.

— Indeed, a compact group of the monuments belonging to the 3rd-2nd millenia BC is situated only in the former delta of the Murgab, while there are none of them in the middle part of this river...Only one burial ground belonging to that period is known in Tagtabazar oasis...and in spite of the special research works, other monuments of this kind were not found here " (p. 34 b, Russian p. 28 a).

— Some time passed after heavy fire had occurred, kremlin's external walls began to dilapidate little by little, that is why all of them were covered in brick sheath along the external perimeter and additional brick counterfort was constructed on the northern side... " (p. 74 b, Russian p. 58 b).

— When practically the entire palace-temple complex of the Northern Gonur lost its significance, its ruins were built up with houses, shacks and huts of ordinary members of the community and former townsmen... " (p. 197 a, Russian p. 193 a).

These three quotations remind us that we have also to take into consideration space and duration. There can be no doubt about the existence of a BMAC/Oxus culture or civilization whose geographical extent and main traits were listed by many a scholar, e.g. Francfort 2005. But can we assert that inside the geographical limits of that civilization, there was only one polity, or that every polity there was of the same kind, that people spoke the same language and had the same beliefs in Eastern Bactria and Southern Turkmenistan, the more so when we know that even in the Murgab delta, the funerary customs exhibited so many variations ? I feel the answer can only be no : inside the united BMAC/Oxus culture, we must expect differences in language, religion, and even social organization.

If there was a social stratification in Gonur proper, as Victor Sarianidi rightly — so it seems to me — asserts, are we sure that rulers and ruled spoke the same language, partook the same beliefs, indeed followed the same religion? That question cannot be answered, but the possibility of a dual or bilingual society cannot be set aside : such societies existed in many countries, ancient and modern, often as a result of a conquest.

If the so close Tagtabazar oasis was not densely inhabited at that time, can we not expect that not every arable land or pasture in Bactria and Margiana was populated? In other words, were they empty spaces where newcomers could settle for a shorter or longer time, and have no contact with BMAC settlements except for occasional razzias or exchanges of material goods ? I am afraid no archaeologist can think that the BMAC countries were so densely populated that any new settlement would have brought a major perturbation. Less than two hundreds years ago, the Kabul amirs could introduce Pashtun tribes into Southern Bactria without changing very much the demographic pattern and the linguistic map.

How long could clay buildings like the Gonur ones have stayed in use without crumbling down ? I am afraid from experience that one hundred years would be a very long duration, specially in a seismic country. Victor and his team were able to point to destructions and large repairs, but apparently the plans and buildings stayed in the whole unchanged. If I am right, that means that the dating of the Gonur town is not to be equated with the dating of the mature BMAC as a whole : the Gonur buildings were constructed sometimes between c. 2400-1700 BC ± 200 years, preferably c. 1900 BC (*Gonurdepe*, p. 197 a), and, if so, are no evidence for what obtained earlier, let us say before c. 2000 BC, nor later, let us say after c. 1700 BC.

That means we have to stop reasoning by scrutinizing a map exhibiting large spots of uniform colour showing the geographical extent of a long duration civilization. If we start from such a map, and we figure out the Indo-whatever-you-want as mass-migrants, i-e as a huge number of connected people travelling together, there is no doubt that these large groups are bound to travel across this spot and meet a BMAC monolingual and united people. But if the map is filled with gaps and holes, if time is not homogeneous and there are periods of decay and renaissance, if we give some duration to the Indo-European etc. movements, and consider that these peoples did not travel like a huge and well-organized army but in small itinerant pastoral groups,

the picture becomes more complex and at the same time closer to the truth or to the vraisemblance.

In the same way as we are prone to make as if there was a long unchanged and unified BMAC country, we are too often prone to talk about Indo-Europeans, Iranians, Indo-Aryans etc. as if they were a united people or at least an ethnos conscious of its specificity. Before going further, I would like to stress that never in their history the Iranian-speaking people were politically or religiously united, and that the Persian-speaking peoples would never agree that they are part of the same ethnos as the Wakhi- or Pashto-speaking peoples, to give only an instance.

Indeed nobody ever spoke Indo-European. Indo-European is a linguistic category covering a number of existing languages. People speaking Hittite, Greek, and Vedic Sanskrit were never aware they were speaking a kindred language and even in the 2nd millennium BC did not understand each other. Indo-European only means that all these languages, for the linguist, and usually for him only, show a number of characteristics whose grouping is better explained by a common origin. But we have almost no linguistic mean to ascertain when they separated nor whether at that time they belonged to the same or to different cultures or polities. Indeed the reconstructed origin of these spoken Indo-European languages, often called Pre-Indo-European (P-I-E), is no language, but a very lacunar sketch usually made from elements common to two or more existing languages, sometimes widely separated in time and space. It has no chronological depth, and the data we can extract from it are extremely meagre (Tremblay 2005, specially 122-150). To give only two instances, we are able to reconstruct a P-I-E word for "wheel", but there is no such P-I-E word for "chariot". On the contrary, the P-I-E etymons of "horse", "sea" and "ship" are reconstructed from a great many important languages, including Iranian and Indian ones, so that, using only the linguistic data, we could point out that the so-called Indo-Europeans were a horse-breeding and seafaring people, and we would add as proof that the sea-god Poseidon is also responsible for the taming of the horse. If it were truly so, I am afraid that we would not search for evidence of Indo-European peoples in the Karakum desert. As for the names of gods, five only can be reconstructed using a great number of I-E languages, viz. the Sun-, Moon- and Dawn-godd(esse)s and, to give them their latin names, Jupiter and Neptunus. But there is no pan-Indo-European name for the god(s) of war. It is thus difficult to reconstruct a pan-P-I-E civilization and religion, and more so to trace its remnants in the Karakum deserts.

Indo-European is also a linguistic category. But here we are on much more solid ground, for it is no reconstruction : Avestan Iranian and Rig-Vedic sanskrit are so close that many scholars consider them being dialects of one and the same language. I am quite sure that Indian and Iranian speakers could still understand each other without interpreter as late as around our era. Things become more complex when you try to ascertain when and where Indian and Iranian languages began to diverge. As every ancient people speaking an Iranian language, except for the Scythians, was also revering an often supreme god called Ahura Mazda, we may assume that the separation began before the earliest Iranian text naming this god, the so-called Older Avesta. But philologists give very different dates to this text. Indeed, the only trustworthy evidence are the Mitanni documents. If they name Indian gods, as most

scholars now believe, the separation is earlier than 1326 BC. If these names are Indo-Iranian, it is later than 1326 BC (Fussman 2005, 210). My esteemed colleagues Prods O. Skaerjvo and Jean Kellens, whom I choose to trust, thus put the final redaction of the Avestan Gatas c. 1000 BC at the end of a long compositional process which started c. 1800 BC. Which would mean that the separation between the Iranian and Indian languages was already in the making in the end of the 3rd millennium BC., probably in the Russian steppe, which would explain why the Scythians were no Mazdeans.

Although the languages of Early Iranians and Indians are very close, although the similarities between the Avesta and the Rig-Veda are such that almost identical groupings of kindred words are found in both texts, we are bound to assert that there was never a more or less united Indo-Iranian, Iranian, or Indian people and religion. We have first to take into account the Scythians, whom nobody would have taken or mistaken for Iranians if linguists had not proved that they bore Iranian names. There is not much in common for instance between the Scythic kurgans, the Mazdean exposure of the corpses and the Vedic burning of the deads.

As for Mazdean Iranians, we know for a long time that the earliest layer of the Avesta, viz. the Gatas and the Yasna Haptahaiti, does not name gods like Mithra or Anahita, whose sacrificial hymns (yast) are preserved in the Young Avesta. The mazdean Kanishka knew Ahura Mazda, but did not revere him as the supreme god, less so the only one. Sogdian Mazdeans, even a king, could bear daiva-names, although the Avesta and the Zoroastrian Achaemenid kings demonize daiva-s ! These differences are one of the reasons to stop using the word zoroastrianism except for the Parsis and their Yazdi coreligionists: zoroastrianism is only the best known variant of mazdeism.

The Indian component of the Indo-Iranian grouping of languages should be divided in two subgroups: one whose descendants are the so-called Kafir or Nuristani languages, with a system of gods close to the Vedic one, but nevertheless different, the other which is represented by the Vedic corpus, mainly by the Rig-Veda. The Rig-Veda bears witness to many dialectical and even religious differences. Some early Indo-Aryan-speaking tribes did not sacrifice to Indra, and my colleague Witzel goes as far as to assert that some hymns have an Iranian origin.

If we take into account that probable fragmentation of the BMAC space and chronology and of the Indo-Iranian-languages speaking groups; if we agree with the following coherent chronology: Mature BMAC 2500 -1700 ± 200 BC; first draft of the Avestan hymns c. 1800; first certain evidence for the presence of Indo-Aryans in India (the Pirak horse) c. 1700 BC, the historical scenario does not present any major difficulty.

Since c. 2500 BC, peoples inhabiting at the foot of the Kopet Dagh and in most, may be all, oases of Margiana and Bactria developed a material culture so similar in many respects that we may call it with H.-P. Francfort a civilization. Indeed, architecture, pots deposited in graves, seals, iconography, exchange links are so similar in the c. 300 sites now known that we should assume that this uniformity is not due only to fashion or intermittent contacts, but that that culture spread from a cultural, or religious, or political, or politico-religious center and that something kept

it united. Nevertheless we should be fully conscious that inside that culture, there were chronological developments, even if we are not yet able to trace them, and discrepancies, the most obvious ones being the different ways to dispose of the corpses. Moreover, we have no reason to suppose that every patch of land usable for agriculture or pasture was fully exploited. There were times when the population shifted to an other environment, as demonstrated by Victor in the Murgab delta, either because the land they tilled was no more fit for cultivation, following a series of droughts or a change of the river course etc., or because more advanced agricultural technics enabled them to use lands which they could not till before, or for any other reason (disasters such as wars or epidemics, earthquakes, whatever you want). That may explain why huge monuments like Djarkutan, Dashly 3, Togolok 21, Gonurdepe had a relatively short life: they were not rebuilt anew and anew when they crumbled down .

Most of the parallels discovered by Victor Sarianidi can be the result of exchanges. If goods travelled far and wide, merchants also, and specialists (architects, potters, weapon-makers etc.) when they knew they would get a better reward in Margiana or Bactria than in their native western land. But we cannot expect only pacific exchanges. The sophisticated fortifications of Gonur or Dashly point to the consciousness of the possibility of razzias or full scale conquest wars, but the expected enemies could have come from outside (e.g. the Iranian plateau) or from inside (e.g. Bactra against Gonur).

There existed also moving groups, whose subsistence depended mainly on herding, and who stayed in tents or carts more often than in long-duration houses. Some leaders could have heard of the wealth of Bactro-Margian cities and wanted to raid them. But we have no evidence of war destructions, except the Gonur fire which can have been provoked by many other causes (accident, upheaval, earthquake etc.). And, as far as I know, no BMAC artefact, till now, was ever found in a raider's kurgan.

Some of these tribes may have wanted to settle in what, at least we believe so, should have looked like rich oases, as later the Medes and Persians did, or may have been brought in by a pretender to the power. We have till now no possibility to prove or disprove these kinds of hypothesis, and we should not be surprised at that : the Mitanni Indo-Aryans (if they were Indo-Aryans) did not leave any archaeological trace nor many later nomadic tribes.

Usually, stock-herding nomads despise a settled life. The most likely scenario is that most of these groups were contented to continue their pastoral life if they found pastures enough. And there was much space to use, even for groups numbering thousands of tribals. They can expect that most of these moving peoples lived side by side with the settled agriculturists, providing them with milk and meat, occasionally raiding or robbing them. If we judge from the many — and in some cases huge — fireplaces excavated by Victor, the settled inhabitants of Gonurdepe made a great use of animal victims and meat, and nomads could have provided them. They could also have provided skins, but the Margus and Bactrian people, if we judge from the few pictures we have, did not wear skins, at least as a ceremonial dress, which may be taken for evidence they were not from stock-herding origin.

Stock-herders would not have taken much in exchange, only may be the so-called prestige goods, which would explain why some are found so far from the BMAC area. They can have borrowed from the locals a number of words, mainly for realia which they did not know before, e.g. lions and bricks, as my colleagues Witzel and Lubotsky suppose, but only if they came from the north, because they could have met lions and brick buildings in Iran. In the same way, they could have borrowed from the Oxus peoples the building of complex geometrical altars, but that is pure speculation. As for the ritual use of the juice of pressed plants — that is the etymological meaning of soma / haoma — whatever they were, the word being Indo-Iranian should have been coined before the separation of the Indian and Iranian groups. Indeed, Scythians also used hallucinogenic plants.

Later historical evidence shows that some of these groups, who — it should be reminded — could very easily understand each other and whose beliefs and ritual practices did not widely diverge — spoke either Early Iranian languages or Early Indian Languages. We have not to suppose that Iranians followed Indians, nor that the ones came from West, the others came from North. They could have travelled together and both may have come from North and West. But in the end, only Iranian peoples stayed in the Iranian plateau, in Margiana, in Bactria, and in the northern valleys of the Hindukush, having pushed to the South, so it seems, the Indo-Aryan-speaking tribes previously moving around Herat and — let us say with great approximation — in Southern Bactria (see below) . We have no reason to suppose that the early Iranians were more warlike or more numerous than the early Indo-Aryans. What made the difference, so it seems, is that they were much more united than the Indo-Aryans. As Kellens 2005 demonstrated, Avestic *airia* already means " Iranian ". Sanskrit *arya* never meant " Indo-Aryan ", less so " Indian ". We can speak of an early Iranian religio-political consciousness, or, if you prefer although it is an anachronism, of an early Iranian religio-nationalism. There is no evidence of such an Indo-Aryan consciousness in the Rig-Veda.

That scenario fits in well with the chronology. From the analysis of geographical names, we know that the first draft of some hymns of the Rig-Veda go back to a time when Indo-Aryans were living around Herat and in Seistan. The Pirak horse point to their arrival in Baluchistan c. 1700 BC, hence to their presence in Bactria and probably in Margiana, c. 1800 BC or even earlier. The same dates should obtain for the Iranians who are coeval with the Indians. That means that Indians and Iranians were moving in Bactria and Margiana at the same time as the Gonurdepe palace and temples were constructed. I do not believe they were skilled and cultured enough to build them. Whether they took control of them or contributed to their disappearance is an enigma not yet solved.

BIBLIOGRAPHIE

- Bernard-Francfort 1979 : *Paul BERNARD et Henri-Paul FRANCFORT*, " Nouvelles découvertes dans la Bactriane afghane ", *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli* 39 (N.S. XXIX), 1979, 119-148.
- Francfort 2005 : *Henri-Paul FRANCFORT*, " La civilisation de l'Oxus et les Indo-Iraniens et Indo-Aryens en Asie Centrale ", in G. Fussman, J. Kellens, H.-P. Francfort et X. Tremblay, *Aryans, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*, Publications de l'Institut de Civilisation Indienne, fasc. 72, Paris, Collège de France, 253-328, 29 ill.

Fussman 2005 : G. *FUSSMAN*, " Entre fantasmés, science et politique. L'entree des Aryas en Inde ", in G. Fussman, J. Kellens, H.-P. Francfort et X. Tremblay, *Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*, Publications de l'Institut de Civilisation Indienne, fasc. 72, Paris, College de France, 197-232.

Kellens 2005 : J. *KELLENS*, " Les Airiia- ne sont plus des Aryas : ce sont deja des Iraniens ", in G. Fussman, J. Kellens, H.-P. Francfort et X. Tremblay, *Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*, Publications de l'Institut de Civilisation Indienne, fasc. 72, Paris, College de France, 233-252.

Pottier 1984 : *Marie-Helene POTTIER*, *Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de l'age du bronze*, Paris, Editions Recherche sur les Civilisations.

Tremblay 2005 : *Xavier TREMBLAY*, " Grammaire comparee et grammaire historique : quelle realite est reconstruite par la grammaire comparee ? ", in G. Fussman, J. Kellens, H.-P. Francfort et X. Tremblay, *Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*, Publications de l'Institut de Civilisation Indienne, fasc. 72, Paris, College de France, 21-195.

BMAC, AHAR CULTURAL COMPLEX AND THE PROBLEM OF ARAYNS

J.S. Kharakwal

(India)

Toshiki Osada

(Japan)

The Bactira-Margiana Archaeological Complex (BMAC) is characterized by remarkable forts, religious structures, unique ceramic assemblage, copper objects, seals and stamps. The discovery of BMAC type material from quite a few Harappan sites indicates some kind of interaction between the two. The Ahar culture, which flourished between mid fourth millennium to mid second millennium BC in the Southern Rajasthan (Western India, is characterized by typical Black-and-Red Ware, mud, mud brick and stone structures and copper bronze artifacts. Over hundred sites of this cultural complex are known, out of which only four namely Ahar, Balathal, Gilund and Ojiana have been excavated. It appears that the Harappans had trade or cultural contacts with Ahar complex as the evidence of Harappan type pottery at Ahar culture sites and Ahar type pottery at some Harappan sites in Gujarat would indicate. Recent studies at Ahar culture sites e.g., Gilund, Balathal have yielded quite interesting evidence of seals similar to BMAC type. Therefore there is strong possibility of interaction between BMAC and Ahar cultural complex through the mighty Harappans. This paper therefore examines the archaeological data and problems of Aryans.

THE FEATURES OF THE COUNTRY OF MARGUSH AND THE TRADITIONAL CULTURE OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA

Victoria Kryukova

(Russia)

For millennia, traditional culture served as an inexhaustible foundation which nourished the spiritual life of Indo-European peoples. The features which are reflected in such monuments as the Rigveda and the Avesta can also be seen today in ethnographically attested rituals and beliefs. The ancient ideas of the Indo-Iranian world became the core for the traditional cultures of Central Asia, receiving and losing various elements in the course of historical development, but keeping the main models. Influenced by the major religions — Buddhism, Zoroastrianism, Christianity and Islam — in the depths of traditional culture special phenomena were born and new forms of expression appeared. In time, they disappeared or became obscure, and were adapted for the needs of the current religious system. One would hope that the discovery of one of the most ancient layers of culture on the territory of Central Asia will make it possible to clarify both the mechanism of formation of the religion of Iranian empires, Zoroastrianism, which existed in these lands after the extinction of the civilisation of the country of Margush, and the development of traditional cultures of Central Asian peoples.

As concerns Zoroastrianism, several comments should be made. The formation of this religion took place over several historical eras and was only completed, it is believed, in the period of the Muslim conquest of Iran. Until then, it is most likely that Zoroastrianism was not a single formed system of belief — evidence of this is the significant differences in both ideology and ritual, found in research of monuments which are classified as Zoroastrian. The relationship between west and east Iranian elements in the ritual system of Zoroastrianism has not been fully unravelled. Perhaps it is in the country of Margush that the sources of rituals should be looked for which do not lead directly to the Indo-Iranian tradition of the Rigveda and early Avestan Yashts, but may be linked with the western tradition and are usually associated with priest cults described in the Avestan Videvdat. Among their number can be included variants of the funeral ritual testified by this monument, complex system of subsequent ablutions of the defiled in pits and similar mode of purification of the fire, and also the dog cult. Although the latter phenomenon is supported well by the Vedic tradition and the general Indo-European background, the "Zoroastrian", especially partial attitude to this animal in the Avestan collection is only found in the Videvdat. The dog, unlike other "good" animals, is not mentioned in any other book of the Avesta, and Herodotus calls it an animal concerned with West Iranian mages. In this connection, the Gonur burial places of dogs, especially separate ones, are interesting. Of course, Zoroastrians of the late time of the composition of the Videvdat did not sacrifice dogs, and unlike the residents of Gonur they (at least

judging by priestly orders) displayed the corpses of dogs as they did the corpses of people, but cults like the Gonur cult could have supported the tradition of a special attitude to dogs.

Also, the most significant features of the civilisation of the country of Margush, such as temple complexes equipped with water, traces of the fire cult, remains of stimulating and hallucinogenic plants, because of their nature which is general for the Indo-European world, may not serve as proof that residents of Gonur were "Zoroastrians", but as a sign that the Margush ancient eastern civilisation could have been fertile soil, one of the factors for the formation of the Zoroastrian religion.

Several factors which demonstrate the link between the Margush civilisation and the traditional cultures of the peoples of Central Asia are more specific. They include, for example, the architectural feature of wall niches, which V. I. Sarianidi calls "blind windows". These niches, a usual feature of valley and sub-mountainous dwellings of Central Asian settled population, are used both for household and religious needs. For example, one of the niches may serve as a *mikhrab*, i.e. to show the direction for Muslims to pray to Mecca. There seems to be no doubt that the Muslim use of the religious niche is secondary, and it is no coincidence that it is sometimes used simultaneously as a place for bedding, which in itself has sacred significance. It is interesting that there are niches in the "imperial necropolis" which imitates a house, on the east shore of the main body of water of north Gonur (chapter 8).

In the description of Gonur buildings, it is noteworthy that almost every one of them, including burial chambers, which imitate homes, has a two-part oven. V. I. Sarianidi suggested that these stoves, the construction of which does not allow the flame of the fire to enter the large compartment, served to isolate sacrificial meat from the sacred fire, to avoid defiling the latter. Indeed, according to Vedic and later Indian ritual texts, sacrificial meat should not burn in the fire, but should only be roasted, and covered with a crust (see Malamud 2005. P. 77, which discusses the smoking of the bride in completing the marriage ritual and the cremation of the corpse — in both cases during the ritual "cooking" the sacrifice is exposed to fire). This feature was dictated by the idea that otherwise the entire sacrifice would only be gained by the "scorching" sort of fire ("devourer of the living"), and the gods, deprived of the aid of different fire which carries the gift, would not receive anything (see Malamud 2005. p. 83). At the same time, it seems probable to me that such numerous ovens (even built in the towers of citadel walls) could have served not exclusively as ritual hearths, but as ordinary fireplaces to heat rooms. Indirect proof may be the practice which is preserved in Central Asia to this day of building special equipment for heating, which is called "sandali". As a fireplace, a two-level depression was dug under a wooden stool or table ("sandali"), on the risen part of which the "heat" lay — coals, and on the lower part the ash, in which water was heated in vessels. Around the perimeter, the depression has a wooden frame or brick chips, similar to the ceramic fragments which were used for the floor of Gonur ovens. The table itself was covered with a blanket. The sandali was installed both in the middle of the room, and close to one of the walls (Pisarchik 1982. pp. 94-95). The construction of this equipment is different from the two-chamber ovens of Gonur, but the heating effect, when one can warm oneself right next to a large and not scorching oven seems to be similar.

According to A. K. Pisarchik, especially in mountainous regions, a large clay bowl was fixed in the ground under the sandali as a fireplace (Pisarchik 1982. p. 94). This interesting method has also been recorded in Gonur. In the eastern complex (see chapter 6) vessels were found in the earth with bowls fixed to the bottom. In one of the photographs, one can see a row of five such vessels put in a line on a narrow rectangular platform. A similar composition of five deep chambers placed in an even chain, lined with bricks with traces of strong burning, is described by V. I. Sarianidi at the beginning of chapter 2. The number "5" is noteworthy, which is profoundly symbolic in the Indo-Iranian tradition, and in the traditional culture of Central Asian peoples (the four corners of the earth and the centre, the symbolic depiction of the person etc.) The system of pits or depressions, which form a single row in straight line, reminds one of the Zoroastrian rituals of purification prescribed by the Avestan Videvdat for ablution of people and purification of the desecrated fire.

The hole found in the "complex of burial rituals", through which according to V. I. Sarianidi a corpse could be taken out, is perhaps not only evidence that the ritual was followed of taking dead bodies not through the usual door, but through a special hole (recorded in the Avestan Videvdat), but also confirms the ancient origin of an architectural feature of modern Central Asian dwellings. Of the two existing doors which lead from the *avān* into the house, only one is used. The second door, through which it would be possible to enter the living area directly, should never be used for this purpose. It is significant that sometimes this door is not of normal size, but much smaller, more like a hole. Dr. R. Rakhimov who told me this information, also said that corpses are also not taken through this door, and that the ordinary door is used instead.

As for the "sand rooms", I would like to give a pragmatic reason. Could they have been used for fire safety? In a complex with this number of fireplaces and ovens, fires must have been a serious threat, especially that the "area of joint meals", which had traces of fire, was evidently covered in sand. This idea is supported by the brick "column" resembling a fire-tower in the centre of one of the rooms, to which a staircase led, and also the fact, that the sand rooms, if I have understood V. I. Sarianidi's description correctly, were higher than the level of the floor of other rooms and did not have roofs. Additionally, they are located on different sides of the palace, which would ensure the swift supply of sand. Of course, there were reservoirs on the territory of Gonur, but on the one hand, the "sand rooms" could have come from a time when the water was gradually decreasing, and on the other, it is quite possible that there was a ritual prohibition on extinguishing fire with water.

On the whole, it should be noted that the life of a human being — this is particularly evident from the example of ancient and traditional societies — is completely in the power of the sacred, and each action of the believer is strictly regulated by the religious law. Not only the temple, but also the dwelling is a resemblance of the upper world, and not only the festive sacrifice, but any food is an offering. Perhaps for this reason, Gonur is seen as a complex of sanctuaries, where it seems everything was subordinate to the idea of making an endless number of sacrificing (depiction of a ram's head with tears in its eyes on the ritual vessel is also in keeping with the Indo-Iranian attitude to the sacrificed animal — it is asked for forgiveness with all

sympathy before being killed). These sacrifices, together with the raised alters, reservoirs and fires, were essential elements of the world view. It seems that in the formation of Zoroastrianism and the traditional cultures of Central Asia, the ancient Gonur cultural and historical base, though it was not the only source of ritual systems, could at least have served as one of the foundations.

BIBLIOGRAPHY

- Маламуд Ш.* Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
Сарианиди В.И. Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.

THE CULTURE OF MARGIANA AND BACTRIA IN THE FINAL BRONZE AGE (EIA) AND ITS ETHNICAL IDENTIFICATION

E.E.Kuzmina
(Russia)

The aim of the work is the reconstruction of the dynamic of cultures and ethno-cultural processes in the region. Many scholars suppose that the pastoral tribes of Eurasian steppes and Central Asia were the ancestors of the Indo-Aryans — the branch of Indo-Europeans which includes three linguistic groups: Dards-Nuristani, Indo-Aryans (West — Persians and East — Saka-Scythians, Khorazmians, Sogdians, Bactrians and oth.). The verification of this hypothesis is very relevant now because the Indo-European speaking population took now the first place in the world: 1.200 millions (Chinese — 1.075 millions only) (Time World Almanach 2000).

The severe criteria of classification let to distinguish in Central Asia the two coexisting cultures: Timber-Grave (Srubna) and dominant Andronovo. They formed on the common base of East European cultures between the Volga and the Urals — Sintashta (Proto-Andronovo) and Potapovka (Proro-Srubna) — in the end of the 3rd — beginning of the 2nd millennium BC.

The population were occupied with metallurgy, stockbreeding (cow, sheep, especially horse). They were the first to use the light chariot — it was very important innovation in the military tactics.

During the 2nd mill. BC the Andronovans step by step occupied Kazakhstan and South Siberia.

Three stage of Andronovans' migration to Central Asia were distinguished. The 1st stage — 19-18th centuries BC: the horse and chariot appeared in Zardcha-Halifa, Dzharkutan and Gonur from the Urals.

The 2nd stage — 16-13 centuries BC: the settling of Andronovan shepherds from the steppes up to Afghanistan (Shortugai). The Srubna wave of migration went

from the Volga. The syncretic monuments were formed in Transcaspiian and the Zeravshan and Tazabagyab culture developed near the Aral. Andronovan newcomers established the contacts with the land-tillers of Bactria-Margiana Culture. Some types of migrations can be distinguished: in Uzbekistan (Dzharkutan, Bustan) the Andronovans suppressed the BMAC aborigines (Elite dominance migration); in Tadjikistan mixed Bishkent-Vakhsh culture was formed (assimilation type of migration) and Andronovo Culture was influenced by Bishkent (Acculturation).

The 3rd stage — 13-9 centuries BC — the unified Culture of applied roller pottery formed on Srubna and Andronovo basis in the vast steppe zone from the Danube to the Altaj. The big wave of the bearers of this culture moved to the South of Central Asia. Their huts are constructed above the sites of a fire of destroyed aboriginal settlements (Elite dominance migration).

The applied roller pottery are found in the upper layers of agricultural settlements in Afghanistan (Tillya-tepe and oth.), in Iran (necropolis Giyan), in west Pakistan (Pirak, Mundigak).

Saka and Scythians are the direct descendants of the Roller culture' creators. That gives the grounds to assume that the bearers of the steppe culture of the Final Bronze Age where the West Iranians and their migration to the South to consider as the distribution of West Iranians to the lands where they are inhabited today.

THE GONUR CEMETERY: A STATISTICAL APPROACH TO SOCIAL ORGANIZATION

J. P. Mallory
(Great Britain)

The publication of Viktor Sarianidi's report of the cemetery at Gonur provides critical data concerning the social organization of the BMAC.

Excavations at Gonur uncovered a cemetery with the remains of c. 2500 people although 80% of the tombs had been plundered. The remaining 20% of the graves were preserved in situ and have been published in summary form to, as the excavator, suggests, "provide an opportunity to have the factual basis for the data and to progress to a deeper level of interpretation". The purpose of this brief study is to take up the excavator's invitation to attempt a deeper level of understanding by taking a much more quantitative approach to the data in order to:

1) review the assessment of the social organization of Gonur presented by the excavator in the light of a closer statistical analysis of the in situ graves;

2) attempt to expand out knowledge of the social organization at Gonur by examining some aspects not treated in detail by the excavator;

3) consider the reconstruction of the social organization of Gonur in general comparative terms with other societies and the problems of deriving social data from mortuary practice.

In his excavation report, the excavator makes a number of interesting observations:

1) the occurrence of 29% of the finds do not distinguish between male or female although females may have 2x or 3x the quantity of such goods.

2) there is a set of goods specifically associated with females, e.g., silver vessels, gold beads, cosmetic sticks, etc.

3) there is also a set of goods associated with males, e.g., stone vessels, weapons, columns, etc.

4) Gonur society was organized into three social groups (elite-5%, wealthy (75%), poor (20%) who were each interred within a different mortuary structure (chamber, shaft, pit-grave):

Preliminary results

At present analysis is still ongoing and only several preliminary results can be suggested:

1. Some of the correlations between artifact and gender suggested by the excavator cannot be statistically demonstrated to exist due to the small number of finds from the in situ sample

2. Although a series of goods have been identified by the excavator as not distinguished between males and females, many of these goods are actually not randomly distributed but correlate significantly with one gender (usually female) or the other.

3. Goods that are actually "neutral" between males and females are quite rare. The data from Gonur highlights one of the more significant problems in employing statistical techniques to reconstruct social organization from mortuary evidence.

4. In terms of gender and age, one may propose that Gonur society recognized at least three, possibly four, age grades that coincided with different stages of social gendering. These stages are: I (0-7rs), II (13 yrs), III (19-21 yrs) and (if not identical with III) a IV (23-33 yrs).

ARCHITECTURE OF ANCIENT MARGIANA

Mukhammed Mamedov

(Turkmenistan)

1. While comparing remains of the Bronze epoch architectural structures, which have been found during archaeological excavations in the Murgab delta in Margiana and in the territory of Bactria neighboring thereto with a similar architecture of the ancient oriental world other regions, we may put forward and scientifically justify a supposition on a specific Bactrian-Margianian architectural school, which has existed in the second millennium B.C., and trace a further development thereof.

Having studied a great number of the Bronze epoch Central-Asian objects, we may conclude that the architectural-lay out principles, which exerted a great influence on the architectural concept development in this region within the next historical

epochs, have appeared and got a creative re-interpretation just in the Bactrian-Margianian building culture of that epoch.

2. "A square hall bypassed with corridors" layout scheme, being typical for Zoroastrian temples, is quite common for the Ancient Margiana architectural complexes excavated; most of researchers also identify them as the temples where certain cult rites occurred. Particularly, this scheme may be seen in the central sacral part of temple complexes of the Margiana monuments' Togolok group (Togolok-1 and 21) and in the religious chambers of the Gonur-1 palace complex. The availability of "a square hall bypassed with corridors" layout scheme in Zoroastrian temples of further historical periods once again certifies architectural traditions' succession, as well as gives one more argument in favor of supposition, which has been firstly brought by V.V.Strouve on the basis of linguistic data and further supported by V.I.Sarianidi archaeological material, that the Zoroastrian religion might have been originated in the territory of ancient Margiana. In any case, the fact of many layout components typical for the ancient Margiana religious architecture is being clearly traced in the temples related to the Zoroastrian religion. Such succession proves a functional proximity of those devotions, which have occurred in the Zoroastrian temples of Achaemenian and ancient period and in the earlier religious structures of Ancient Margiana.

3. The origination of well-defined geometric forms in the Ancient Margiana and Bactria architecture has not yet been thoroughly studied. Examining the round layout of the Dashly-3 ancient Bactrian temple, some researchers consider Mesopotamia building traditions to have made impact on that geometric form forthcoming in Bactrian architecture, with "a round house" at Tepe Gavra as an example. However, archaeological excavations, which have been lately carried out at Gonur-depe, have also brought to light remains of wall, which surrounded the palace complex with a big ring, logically proving a traditional town-planning layout scheme, which has existed in Bactria and Margiana. Moreover, round-shaped towers (Togolok complexes, Gonur-depe "temenos") have been widely spread in the Ancient Margiana architecture. These towers are available only at the Bactria monuments (Dashly-1, Tillya-depe).

The Ancient Margiana round-shaped towers are likely to have originated from the late Eneolithic epoch monuments in the territory of Southern Turkmenistan. Lots of researchers have already stated the Ancient Margiana historical and cultural relations with the Late Eneolithic epoch cultures of fore-Kopetdag plain in Turkmenistan. Remains of settlements, which are typical for their complicated configuration fencing wall with round "towers" at fractures, have been found at Yalangach and Mullali-depe, the late Eneolithic Epoch monuments of Geoksyur oasis.

HEARTHES AND OVENS OF THE ADJIKUI OASIS

Annamurad Orazov

(Turkmenistan)

Since 2001, the survey, scientific research and excavation works are carried out systematically on the territory of Karakum desert, "Gorelde" peasant association of Bayramaly district on the base of official agreement between the Ministry of Culture and TV&Radio Broadcasting of Turkmenistan and the Ligabue Study Research Centre (Italy), at the archaeological monuments Adjikui 1 and 9, which are referred to the Bronze Age and located to the north of the Mary town.

So far, the capital excavation, survey and scientific research works have been held at the archaeological monuments of Adjikui 1 and 9. The domestic hearths, constructed inside the living houses, are available among finds discovered and studied during conducted works and remains of architectural monuments. The author took participation in this work and gives in the report an analysis of features of domestic hearths.

According to architectural data, required in life domestic hearths/ovens were built up usually in living houses of monuments of the Bronze Age. There are two types of domestic hearths: first type is domestic hearths/ovens consisting of two parts. The first part is a hearth, where the fire inflaming, the second is contiguous part which destined for cooking. There is a flue inside of contiguous wall of the second part.

The second type consists of one part and represents a hearth in the wall in which fire is inflaming.

Different types of these hearths have been constructed by masters of that epoch with high skill. Domestic hearths were smoothly covered with straw clay. It is succeeded to define that some of them were repaired repeatedly.

The domestic hearths have some peculiarities according to their types, structures and sizes. Information concerned is given in drafts applied to the report (fig. 20-29). In addition, results of special tests and researches on building methods and instruments are described in this article.

THE ARYAN PROBLEM AND THE BMAC (BACTRIA-MARGIANA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX)

Asko Parpola

(Finland)

The Aryan problem. The discovery of the BMAC has provided the missing link vital for solving the so-called Aryan problem, which in turn is important for the interpretation of the BMAC itself. But what exactly is the "Aryan problem"? By the

early first millennium BC, Indo-Aryan languages were spoken in Pakistan and Northwest India, while closely related Iranian languages were spoken in Central Asia and Iran. But where did these Aryan or Indo-Iranian languages come from, where was the original Aryan proto-language formed, how did it split into its two main branches, and when and by which way did these Aryan languages reach the areas where they have been spoken since early historical times? The archaeological and linguistic evidence relevant to these questions is complex, and many different solutions have been presented. I must concentrate on the outlines of one that I have been elaborating a long time (cf. Parpola 1974), but I mention here two competing solutions. One places the ultimate origin of the Aryan and other Indo-European speakers in Anatolia, the other places it in India.

Proto-Indo-European. For finding out where Proto-Aryan was spoken it would indeed be very helpful to know where its mother language Proto-Indo-European was spoken. An important chronological criterion is offered by the inherited (not borrowed) vocabulary associated with wheeled vehicles. At least six such words can be reconstructed for the Indo-European proto-language. This dates the disintegration of Proto-Indo-European around 3500 BC, because there were no wheeled vehicles anywhere in the world before that (Anthony 1995). The distribution of the earliest vehicle finds offers additional help in locating the archaeological culture where Proto-Indo-European was spoken. It should be a culture connected, through a chain of genealogically related cultures, with those often widely dispersed areas where the various branches of Indo-European are first attested. These and other criteria have suggested the Srednij Stog culture (c 4500-3350 BC) of Ukraine as the most likely candidate (Mallory 1989). The main successor of the Srednij Stog, the Pit Grave culture (c 3500-2800 BC), extended from the Danube to the Urals. The Pit Grave culture developed later into cultures from which the Greek, Armenian and Aryan branches can be traced. In Central Europe, strong Pit Grave influence created the Corded Ware or Battle Axe culture (c 3300-2800 BC), which quickly spread widely over north-western Europe, from the Netherlands to the shores of the Baltic Sea, that is, to areas where the proto-forms of Italic, Celtic, Germanic and Balto-Slavic languages are traced. Even the archaic Indo-European language Tokharian once spoken in Sinkiang can be linked with the Srednij Stog and Pit Grave cultures through the Afanas'ev culture (c 3500-2200 BC) of southern Siberia.

Finno-Ugrian loanwords. Important linguistic indications for the location of Proto-Indo-European and Proto-Aryan are the loanwords borrowed from these languages into Proto-Finno-Ugrian. In all likelihood, Proto-Finno-Ugrian was spoken in the successive Lyalovo (c 5000-3650 BC) and Volosovo (c 3650-1900 BC) cultures of central Russia. The Lyalovo culture (characterized by Pitted Ware) expanded around 3900 BC to Karelia, Finland and the Baltic (the ceramic developed into Combed Ware in these regions); in the southwest, on the upper Don, the Lyalovo culture was in contact with the Srednij Stog culture. Around 2300 BC, the southern part of the Volosovo culture was overlaid by the Abashevo culture (c 2800-1900 BC), which was one of the successors of the Pit Grave culture. As a result of this development, several Proto-Finno-Ugrian speaking communities seem to have had a Proto-Aryan speaking elite minority, whose later absorption into the majority left about one hundred Aryan loanwords in early Finno-Ugrian. A number of these words reflect a stage of

linguistic development midway between Proto-Indo-European and the late form of Proto-Aryan which can be reconstructed by comparing Indo-Aryan and Iranian. (Carpelan and Parpola 2001)

Horse-drawn chariot and its Aryan deities. In the southern Urals, the Abashevo culture gave rise to the Sintashta-Arkaim culture (c 2200-1800 BC), the graves of which contain the earliest known horse-drawn chariots (c 2000 BC). The Eurasian steppe is the natural habitat of the horse, and thus the most likely place for yoking the horse to the chariot. The Sintashta-Arkaim culture is the source of the Andronovo cultural complex, which spread widely in southern Siberia and Central Asia between 1800 and 1300 BC. The greatest number of chariot finds is from this area and period. (Epimachov and Korjakova 2004) The Ural river remained until c 1300 the border between the Andronovo cultures in the east and the related Timber Grave cultures of the Volga steppes in the west, leading to differentiation of the Indo-Aryan and Iranian branches.

In the Sintashta-Arkaim culture, aristocratic men were buried with their horses and chariots. The Nasatyas or Ashvins, as the deified two-man team of the chariot warrior and his charioteer, seem to have become the leading deities of the Proto-Aryan pantheon at this time. The distribution and typology of the cheek plates of chariot horses has suggested that the Mycenaean Greeks got their horse chariot via south-eastern Europe from the southern Urals. Together with this new showpiece of power the Greeks seem to have received the associated mythology of the two divine horsemen, the Dioskouroi. The Baltic religion also had "sons of the (Sky) God" associated with horses, and they wooed the solar maid (the dawn), as did their Aryan and Greek counterparts. The Dioskouroi were associated with the dual kingship of Sparta, and were worshipped there as the greatest gods. This dual kingship seems to be of Proto-Aryan origin; in Vedic India it manifested itself in the close collaboration of the king and the high priest, who is said to have acted as the king's charioteer in ancient times. (Parpola 2005.)

Andronovo culture in southern Central Asia. Thus the homeland of the Aryan or Indo-Iranian languages was in the steppes of South Russia and northern Central Asia. Yet they have been spoken in South Asia and in Greater Iran since at least 1000 BC. The Indo-Aryan speakers, who created the Rig-Vedic hymns, could not have come to Pakistan and India before 2000 BC, for they had horses and chariots, and the domesticated horse is not attested anywhere in South Asia before 2000 BC. This implies a southward movement from northern Central Asia through southern Central Asia (Turkmenistan, Uzbekistan, Tajikistan and Afghanistan) in the second millennium BC. Southern Central Asia was in the control of the BMAC c 2500-1300 BC.

The archaeological record indeed shows that between 1800 and 1300 BC, pastoralist Andronovo tribes of the northern steppes have come to southern Central Asia in increasing numbers, until their campsites surrounded almost every BMAC settlement (Gubaev et al 1998). This is likely to have taken place within the framework of their seasonal migrations and involved also barter of goods with the agricultural population of the south. Such exchanges continued for centuries and must have involved bilingualism. This is suggested also by the fact that mixed communities blending pastoralist (Andronovo) and agricultural

(BMAC) traditions came into being in southern Central Asia, such as the Vakhsh and Bishkent cultures of Tajikistan.

Linguistic Aryanization of the BMAC. Undoubtedly the BMAC originally was non-Indo-European in its language, as it owed its birth and magnificence to cultures of southern Turkmenistan, Elam, Iran and Baluchistan. Nevertheless it is logical to assume that the BMAC became linguistically Aryanized, at least on the elite level. For although the Andronovo culture came from the northern steppes to the region of the BMAC, it did not proceed further to India and Iran and thus did not transport the Indo-Iranian languages there. The BMAC, on the other hand, did spread both to Iran and to South Asia. (Parpola 1988; cf. also Hiebert 1998; and Mallory 1998: "Kulturkugel".) It is true that there is little in the BMAC which compels one to assume the presence of Aryan speakers (Francfort 2005). In the Hurrian-speaking kingdom of Mitanni in the Near East (Syria), the Indo-Aryan speaking rulers adopted in its entirety the local culture where they had seized the power. If their personal names and names of their Aryan gods were not known from cuneiform documents, nobody could ever have suspected their presence. In Mitanni, the incoming minority language was cut off its roots and eventually absorbed, but in the case of the BMAC, the Aryan speech was constantly around.

Furthermore, a disturbed aristocratic grave at Zardcha Khalifa in Tajikistan has recently shown that the elite of the BMAC possessed the horse-drawn chariot with cheek plates of the Sintashta-Arkaim culture (Bobomullov 1997). The horse also appears as a new art motif in the weapons and cylinder seals of the BMAC. The burial of a headless colt in the necropolis of Gonur suggests practice of the Aryan horse sacrifice.

Mitanni Aryans and the BMAC. A cylinder seal from Tepe Hissar IIIb shows the horse-drawn chariot. It belongs to the early phase of the BMAC occupation of northern Iran characterized by the Gorgan Grey Ware (c 1800-1600 BC). This ceramic is considered to be the basis of the intrusive Early West Iranian Grey Ware that suddenly appeared in great quantities all along the Elburz mountains, in Azerbaijan and around Lake Urmia c 1500 BC (Young 1985). It is at this time that power in the Mitanni kingdom of Syria was taken over by Proto-Indo-Aryan speakers. The Proto-Indo-Aryans of Mitanni (c 1500-1300 BC) introduced to the Near East the term for chariot warrior (Hurrian *maria-*nnu**, from Indo-Aryan *marya-* 'young man, warrior'). They also taught chariotry to the Hittites: the Mitannian Kikkuli wrote a handbook for training chariot horses in Hittite, but its technical terms are of Indo-Aryan origin. Ghirshman (1977) derived the Indo-Aryans of Mitanni from Gorgan, linking also the BMAC trumpets with the trumpet signalling used in chariot warfare. The archaeological parallels between the BMAC and Syria (Sarianidi) point to lively connections initiated not later than the 20th century BC with the tin trade that the Assyrian merchants had with Central Asia.

Iranian speakers and Yaz I-II. The BMAC was succeeded by the Yaz I culture (c 1300-1000 BC) characterized by handmade painted pottery widely spread in southern Central Asia. The total absence of graves during this and the following Yaz II period suggests exposure funeral characteristic of the Zarathushtran religion (Francfort 1989). A small percentage of the pottery is plain ware decorated with applied clay rollers, assumed to go back to the North Pontic Babino culture (Chernykh). It seems

that the Iranian languages spread to Asia from south-eastern Europe along with stirrup riding, which antiquated chariotry and gave the Iranian speakers an edge over the Indo-Aryans. The Medes and the Persians probably moved to Iran from Central Asia in Yaz II times.

Two waves of Vedic Aryans. It is possible that the coming of Iranians to southern Central Asia made Rig-Vedic Aryans move to South Asia around 1300 BC. This main wave of immigrants composed the oldest hymns, the so-called family books (RV II-VII). These hymns know the bronze, ayas, but not yet iron, which is mentioned as "black ayas" in the slightly later Atharva-Veda (c 1000 BC). In South Asia this wave was preceded by an earlier wave of Indo-Aryans, whose traditions are reflected in the later collected hymn books mainly composed by the Kanva and Angirasa poets (RV I, VIII-X and the AV). These hymns are the only ones to attest personal names of the type 'One having the god X as his guest', known from Mitanni. The cult of the Ashvins, the chariot deities, is also prominent in them. In Rig-Vedic times, the Ashvin cult prevailed especially among the Kanva and Atri families residing in Gandhara. (Parpola 2002a; 2005.) The Gandhara Grave culture (c 1600-600 BC) is among the earliest in South Asia to possess the domesticated horse (there are two horse burials), and its material culture (including pottery and burial by inhumation or cremation) is considered to derive from the late phase of the BMAC (Silvi Antonini; Stacul; Sarianidi).

Dasas and the early phase of the BMAC. The Proto-Indo-Aryan speakers of Sintashta-Arkaim and Andronovo origin seem to have been preceded as the aristocratic elite of the BMAC by early 'Iranian' speakers. These may have come from the Poltavka culture that succeeded the Pit Grave culture in the Volga steppes (cf. "Afanas'ev" finds at Sarazm IV, 2300 BC), not having the horse-chariot, but a bull-chariot (depicted on a BMAC silver beaker). Moving to South Asia in Late Harappan times (Sibri, Chanhudaro, Gilund, Copper Hoards), they introduced the "Tantric" worship of the (originally Near Eastern) goddess of fertility and victory worshipped in the BMAC (the layout of the Dashly-3 palace is a prototype of the Tantric mandala). In the Indo-Iranian borderlands, probably in eastern Afghanistan (which still has BMAC-like qala manors and Nuristani languages with Proto-Iranian features), the Rig-Vedic Aryans conquered many citadels with multiple walls that belonged to inimical Dasas. The ethnic name of the war-captives, Dasa, came to mean 'slave' in Indo-Aryan; it corresponds to the word for 'man, human being' in the East Iranian languages Wakhi and Khotanese. (Parpola 1988; 2002b.)

BIBLIOGRAPHY

Carpelan, Christian, and Asko Parpola 2001. Emergence, contacts and dispersal of Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Aryan in archaeological perspective. Pp. 55-150 in: C. Carpelan, A. Parpola and P. Koskikallio (ed.), *Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and archaeological considerations*. Helsinki.

Parpola, Asko 2002a. From the dialects of Old Indo-Aryan to Proto-Indo-Aryan and Proto-Iranian. Pp. 43-102 in: N. Sims-Williams (ed.), *Indo-Iranian languages and peoples*. Oxford.

Parpola, Asko 2002b. Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Sakta Tantrism. *Iranica Antiqua* 37: pp. 233-324.

Parpola, Asko 2005. The Nasatyas, the chariot and Proto-Aryan religion. *Journal of Indological Studies* (Kyoto) 16 & 17 (2004-2005): pp. 1-63.

THE BACTRIA-MARGIANA ARCHAEOLOGICAL COMPLEX AND THE GREATER INDUS VALLEY

Gregory L. Possehl

(USA)

This paper will review the principal data for the cultural interaction between Central Asia and the Greater Indus Valley in the Chalcolithic and Bronze Ages (Figure 30. Sites and geographical places mentioned in the text). It is in most respects a preliminary survey that will present the highlights of the data documenting this interaction, and is not an in-depth study.

THE BEGINNINGS OF INTERACTION

The first hints of significant interaction between Central Asia and northwestern South Asia came with the discovery of the typological parallels between certain Central Asian ceramics and the so-called "Quetta Ware." There is a small body of literature on the origins of this ceramic: Tosi (1969: 283-86; Masson and Sarianidi 1972: 94-6; Biscione 1973; Jarrige 1988; and Gupta 1979: Vol. 2, 122-23 (Figure 31. Quetta Ware and Central Asian ceramics, figurines and seals. After Masson, but from Biscione 1973: 112). There is unanimous agreement among them that this pottery had its origins in Central Asia, which may well be the case, but there is room for reservation on the matter. Masson and Sarianidi have noted that the formal comparisons of the painted motifs on certain Central Asian ceramics and those of Quetta Ware are very close, sometimes identical. However, it is also true that while the painted motifs are genuinely comparable the fabrics of the pottery are very different. The Central Asian ceramics are medium to coarse wares, and by and large hand made. The Quetta ceramic is a fine ware and by and large wheel made. There are also significant differences in vessel forms. From this it is clear that the close coincidence in design motifs results from the potter's sense of a painting style, not the actual movement of ceramics, at least for the most part.

These analogies are not limited to painted pottery, but are also found in the small anthropomorphic figurines, certain metal artifacts, stamp seals and finally in similar types of burials.

We find collective burials in rectangular chambers, similar to those found in Geoksyur II, Altyn-depe and Ulug-depe. It is worth noting that collective burials in tholi in southern Turkmenia date back to the fourth-third millennia BC, which means that they carry much older traditions than their equivalent in southern Afghanistan. In other words, there are clear-cut analogies in such conservative and lasting traditions as funeral rites, which can hardly be dismissed as accidental.

All this provides evidence to support the hypothesis that the Quetta complex formed under the influence of south-east Turkmenian cultures (Masson and Sarianidi 1972: 94-5).

However, since there is little or no information on prehistoric burials in the Quetta Valley, or Central Baluchistan, however, the burial information from Mehrgarh, not available in 1972, would tend to support Masson's and Sarianidi's argument.

Raffaele Biscione has stated his position in the following way:

...Soviet scholars, chiefly Professor Masson, Dr. Sarianidi and Dr. Hlopin, succeeded in showing the continuity of the pottery tradition throughout the Chalcolithic period (Sarianidi 1965: 28-9; Hlopin 1963: 22, 1969: 49-50). They have clearly demonstrated that the Quetta Ware was the logical continuation of ceramic styles of periods Namazga I and II, Early and Middle Chalcolithic (Sarianidi 1965: 28-9). We must therefore conclude that the birthplace of Quetta Ware was Southern Turkmenia, and that its spreading over so wide an area was a later phenomenon (Masson 1961: 213; Sarianidi 1965: 50) (Biscione 1973: 105).

Biscione's observations are correct and the Soviet's study of their ceramics do indicate continuity in vessel form, decoration and ceramic technology. But the same is true for the ceramics of the Quetta Valley, based on Walter Fairservis' original study (1956) and my own work with this body of material. It can be concluded, to paraphrase Biscione, that Quetta Ware was the logical outgrowth of ceramic development from Kili Ghul Mohammad III to Damb Sadaat II.

The idea that both Central Baluchistan and Central Asia have data to support the positions just stated is viable. There is sound internal evidence for the development of the Quetta Ware in both regions, and the burial traditions are similar. If this is the case it suggests that the problem may have been incorrectly formulated or misunderstood. There is an implicit assumption that there must have been a "donor-receptor" relationship between Central Baluchistan and Central Asia and that diffusion from one region or the other must have been the mechanism for the transfer of Quetta Ware, the figurines and the rest.

The alternative to this model, and one which satisfies the evidence for the development of Quetta Ware, is to rid it of the donor-receptor relationship and restate it in terms of mutual interaction, as in an example of an interaction sphere as proposed by Joseph Caldwell many years ago (Caldwell 1964). The peoples of Central Baluchistan, Central Asia, and the intervening areas as well, established an enduring relationship, probably a series of them, and part of this involved the manufacture of ceramics, figurines and seals, which developed side by side in the area encompassed by the interaction sphere.

The mechanisms that fueled the interaction were probably based on the physical movement of peoples within the sphere: a shared set of activities, with some peoples from all or most of the settlements participating. The movement itself was based in part on ecology and the diverse activities of pastoral nomads in their own diversity of form, but other motives would have propelled it, too: trade, traveling bards and entertainers, tinkers, systems of exchange and gift giving, even the human propensity for travel and adventure should be considered a part of the instrumentality.

This set of relationships linking Central Asia to Baluchistan, extending down on to the Kachi Plain, reaching Mundigak and Shahr-i Sokhta, also seems to have been based more on peaceful processes than on war and antagonism. The durability of the interaction sphere, and a lack of signs of large scale conflict in the

archaeological record suggest this. It does not mean that these peoples were all happy, eager to please and help their neighbors. There must have been a variety of human values and feelings, some of which may have been antagonistic, even resulting in outbreaks of violence. Yet these emotions seem to have been held in check, or compromised by mechanisms such as mutual self-interest so that the strength of the interaction sphere had an enduring quality. Since the interaction lasted well into the second millennium, a period exceeding a thousand years, one has to believe that the social and cultural mechanisms on which it rested were strong and positive. There were probably, for example, marriages and an exchange of people among these communities. This interaction would have a tendency to homogenize the biological properties of the populations, and add yet another mechanism that kept peoples in movement---visiting relatives.

In the end, good evidence for significant interaction between Central Asia and Baluchistan begins in the fourth millennium BC. Whatever the mechanisms of this interaction there is archaeological documentation that it was a relatively regular, sustained activity until the early second millennium, c. 1700 BC. Thus, we can situate the BMAC material as simply another manifestation of an enduring pattern of interaction between these regions, not something new or out of the ordinary.

BMAC MATERIAL IN THE GREATER INDUS REGION

Introduction

There is a good deal of BMAC material in the Greater Indus Valley. The following will be a site review of the more significant finds.

Kulli

Sir Aurel Stein discovered and excavated the site of Kulli, or Kulli Damb, during his 1927-28 exploration of southern Baluchistan and Makran (Figure 32. Plan of Kulli. After Stein 1931: Plan 9). He worked at the mound itself between March 5th and 11th 1928 (Stein 1931: 118-27). Kulli, like Harappa, has become the type site for an entire archaeological complex, or culture, that existed in the highlands of Kalat and the Makran during the second half of the third millennium BC. Kulli is one of the most important archaeological sites in Pakistan.

Stein excavated four trenches, given as I, II, IV and V on the plan. It is important to note that Stein did not take his trenches at Kulli below what I think of as the uppermost, intact, occupational stratum of the ancient settlement. At no point did he even approach virgin soil. The mound rises nine meters above the valley floor and his excavation did not, on the whole, go deeper than a meter or two. What lies below the Kulli occupation is therefore open to speculation. Trench I, also called Structure I, was the most productive, at least it received the dominant amount of attention in Stein's report (Figure 33. Plan and section of Structure I at Kulli. After Stein 1931: Plan 9; Figure 34. Photograph of room VII, Structure I at Kulli. After Stein 1931: Figure 40).

As seen in Figure 33, Structure I is a very well made stone structure, probably of two stories. Room ix has two platforms. A BMAC miniature column of reddish marble was found there (Figure 35. Miniature BMAC column from Structure 1, room ix at Kulli. After Stein 1931: 124 and Plate XXIII, Kul. I.ix.1). Stein describes the find as:

Apart from a coarsely made jar, 1' 3" high and 10" in diameter at the bottom, , which stood near the west wall at the foot of the southern platform, the only object found was the fine grinder of reddish marble, I.ix.1 (Plate XXIII) which lay near the wall on the same platform. It is 8" high and 4" in diameter at its foot. Its shape and smooth surface attest superior workmanship (Stein 1931: 124).

Stein was, of course, incorrect about the function of the stone column, but virtually nothing was known of Central Asia at that time. Second, this solitary BMAC artifact seems to have been incorporated into the life of a Kulli settlement as an individual artifact, and not a part of a larger assemblage. The same may not be true for the BMAC finds at Mehi, just outside the village of Jebri, c. 120 kilometers to the northeast of Kulli.

Mehi

On March 26, 1928 Sir Aurel Stein pitched camp in a palm grove north of Mehi Damb in the Mashkai Valley. The next day, with a labor force of some ninety diggers, he set out to explore the site (Stein 1931: 153). Stein (1931: 153-63) notes that the foundations of buildings could be seen on the surface of the ground, just as at Kulli. But the Mehi walls were of undressed stone set in a matrix of mud and mud brick, not finely laid, dressed materials.

Stein opened four trenches on the northwestern slope of the site, none of which reached virgin soil. Three of the trenches (I, II and III) were contiguous and form a large 'T.' Trench I received the most attention in Stein's short report on his work there. Separate Trench IV was the only place he excavated where he exposed buildings with domestic artifacts much like those from Kulli (Stein 1931: 160). Fig.36.

The three contiguous excavation areas (I, II, III) were what amounts to a gigantic crematorium, and this is where the BMAC artifacts come from at the site (Figure 37. BMAC artifacts from Mehi. After Stein 1931: 158 and Plates XXVIII and XXXII). Stein sets the tone for the deposits in the Trench I area as "...the slope of this outlying portion of the mound is here covered by a thick layer of debris in which the remains of cremated human bodies were buried during a period approximately coeval with the prehistoric occupation of the mound." (1931: 155). He describes one part of this area as:

Burial deposit in III.6. It was different with the instructive burial deposit unearthed in III. 6. Here at a depth of 2 ? feet and overlain by a mass of pottery debris there were first found three large conical cups of uniform size (III.6.2, Pl. XXX), stuck together and embedded amidst plentiful ashes and remains of charred wood. Within the middle cup lay the small copper bowl, III.6.4 (Pl. XXXII). Close to the cups were found the thin copper disc, probably used as a mirror, III.6.5 (Pl. XXXII) and two copper bangles, III.6.6 7, with the fragment of a third. A small neatly decorated bone stud or seal, III.6.18 (Pl. XXXI) was also found here.

Close behind these objects and on the same level there was found a partially burnt skull lying in a broken condition amidst ashes and fragments of charred wood with which were mixed small bone fragments. On the top of these lay three terracotta figurines of the 'goddess' of the usual type; also a copper hairpin, III.6.9 (Pl. XXXII), 4 ?" long, with a lapis lazuli bead stuck on its head. Below the skull and bone fragments there was a layer of burnt earth and ashes about one foot thick. Everything pointed to the body having been cremated at this spot and the cups and other objects having

subsequently been placed near what remained of it. It was of interest to observe that several small fragments of painted pottery were also contained in the earth mixed up with ashes. From this it may safely be concluded that the ground was already covered with potsherds at the time when the cremation and burial took place (Stein 1931: 158).

It seems that the BMAC materials at Mehi are in the upper strata of the site, and not necessarily integrated into the Kulli occupation. But, the context seems to be funerary, and probably cremation.

It is prudent for us to think of Stein's observations at Kulli and Mehi not to be taken as anything other than preliminary remarks, indicative of the fact that there are BMAC materials there. What is really needed is a full scale, proper investigation at these sites, before anything too definitive is said.

	One footed cup in gold.
	Two bull pendants in gold (<i>Bos tarus</i> , not the Indian <i>zebu</i>)
	Hundreds of small gold beads
	Four miniature columns in alabaster with tops and bottoms grooved (white, pink and black stone, between 18 and 37 centimeters high)
	One grooved disc in alabaster, with Hissar III parallels
	Three soft grey stone shafts or scepters. One is barrel-shaped and 1.53 meters in length. The other two are elongated, conical shapes with the larger end carved in a way that suggests the hoof of an animal. The longest is 2.42 meters.
	Three alabaster vases
	Two footed alabaster goblets
	The lower portion of a soft grey stone statuette dressed in a kaunake
	One carnelian eye stone pendant set in a gold sheet folded up, around the edges
	One agate eye stone, violet in color, the edge of which had originally been plated in gold
	Two copper/bronze spatulas with twisted hilts
	Three copper/bronze disks, which may be mirrors
	One copper/bronze bar celt
	One copper/bronze pedestal led brazier
	One large copper/bronze point (chisel)
	One perforated object of lead with crudely embossed sides
	One cubical die in ivory
	Several ivory rods, square in cross section, incised with circles; usually thought of as dice
	Five circular ivory plaques with incised triangles and circles
	Several ceramic vessels
	Six plain ware ceramic goblets
	One copper/bronze pot with as in Marshall 1931 (Pl. CXL, 18)
	Conical pawns in stone
	Small balls in stone or frit
	Beads in faience
	Steatite inlay pieces in cruciform and trefoil shapes, sometimes filled with red color

The Quetta Treasury

On March 19, 1985 a contractor excavating a pit in connection with the construction of the Serena Hotel in Quetta City uncovered a grave and associated funerary objects that date to the BMAC period (Jarrige and Hassan 1989; Jarrige 1987). (Figure 38. Map of the Quetta Valley). The burial had been disturbed before archaeologists first examined it. The interment was deep, at minus 3.9 meters, in hard, compact clay without habitat ional layers. There was one skeleton, which had been disrupted by the contractor's work, near a large copper vessel and ceramic pots. Approximately three meters to the northwest of the skeleton, was a rich suite of grave goods. An inventory of the principal finds includes the following (tabl. 1).

The footed gold cup has four animals in the upper register (Figure 39. The gold cup from the Quetta Treasury. After Jarrige 1991: 101). The animals have bushy tails but the rough of the Asiatic lion. The snout is short, rather lion-like, and not what might be expected in an animal with a bushy tail, such as a fox, or the breed of dog suggested by other body features. The animal is either a composite, possibly mythological beast, or a rendering of an animal by an artist who, for whatever reason, did not quite capture the realism of the beast he or she was charged with portraying.

Figure 40 is an illustration of a number of the finds from the Quetta Treasury which have clear BMAC parallels (Figure 10. Objects from the Quetta Treasury. After Jarrige 1991).

The steatite inlay pieces in cruciform and trefoil shapes, noted in the list, are associated with red. This is interesting because they recall the trefoils on the garment of the so-called "Priest-King" of Mohenjo-daro. E. J. H. Mackay observed of this small bust that: "The interiors of the roundels and trefoils on the robe have been left slightly roughened, in order that the red paste used for filling them might adhere more firmly to the stone" (1931: 357). In fact, trefoils in the Indus context are always associated with the color red, be they etched carnelian beads, sandstone stands or the robe of the Priest-King. The occurrence of trefoils with red coloring in the Quetta Treasury only serves to reinforce the notion that the peoples of the BMAC, and the peoples of the Indus Civilization share many motifs and the Priest-King of Mohenjo-daro may well represent a Bactrian (Ardeleanu-Jansen 1991, Possehl 2002: 115-117).

Mehrgarh South Cemetery

In the late 1970s and early 80s M. Santoni supervised the excavation of a series of graves in an area of Mehrgarh that has come to be called the "South Cemetery" (Santoni 1984, Jarrige et al. 1995). The interments consist of rectangular graves, some only cenotaphs, others with one or more skeletons and grave goods (Figure 41. A cenotaph from the Mehrgarh South Cemetery. After Jarrige et al. 1995: 271). (Figure 42. A grave from the Mehrgarh South Cemetery. After Jarrige et al. 1995: 270). The artifacts consist of pottery, bronze vessels, toilet objects, or jewelry, small limestone and mother-of-pearl ornaments and pottery (Figure 43. BAMC Pottery from the Mehrgarh South Cemetery. After Santoni 1984: 55). This suite of artifacts is well known from Bactria, Margiana and southern Turkmenistan (Santoni 1984: 52).

In a separate area about 200 meters to the west of the grave yard of the Mehrgarh South Cemetery are more funerary deposits. All of these seem to be related to cremation, since burned surfaces were found everywhere. Four types of interments, or deposits, were found there:

1. Cenotaphs that were completely empty (2 in number)
2. Cenotaphs with grave only goods (4 in number)
3. Alongside the cenotaphs were deposits of large, isolated pots, or groups of 2-3 pots, sometimes pottery associated with bronze objects. In one case beads of various semi-precious stones and a terracotta rattle were found near the pottery.
4. Large, coarse ware (shred tempered) jars turned upside down, sometimes covering a small goblet or associated with small pots.

Once again the suite of artifacts from this area is well known from Bactria, Margiana and southern Turkmenistan (Santoni 1984: 53-54).

These two parts of the Mehrgarh South Cemetery provide evidence for the funerary practices of what appear to have been BMAC peoples in the Kachi area. They also recall the funerary evidence found at Mehi, mentioned above.

Sibri

Sibri is located to the south of the Main Mound of Mehrgarh, close to the Harappan site of Nausharo, on the flat, cultivated Kachi plain (Santoni 1983, 1988; Jarrige 1985). It is at least one hectare in area. Excavation there was conducted by J.-F. Jarrige and M. Santoni for three seasons, from 1978-79, 1980-81 and 1981-82. The site has been badly eroded, but consists of architecture and other habitation remains as well as burials.

There are at least two architectural levels at Sibri, the top-most being heavily degraded (Figure 44. Architecture at Sibri. After Jarrige et al. 1995: 409). No complete building plans are available but the finds include platforms and work areas with kilns and a furnace used in metallurgy (Santoni 1984: 56). Traces of walls were visible in the upper level architecture, in the southeastern area. Broken jars, pots, and figurines were found between them, resting on a layer of charcoal and ashes. The second layer contained better preserved remains. In the same southeastern area was exposed a wall with a niche the inner surfaces of which were burnt. Associated with this niche was a deposit of potsherds (from at least ten pots) and some small objects (bones, mother-of-pearl).

Two types of seals were found: compartmented and cylinder. Compartmented seals in bronze or stone were the most common with three triangular examples. A terracotta cake was found with several imprints of a square, cruciform seal Figure 45. Terracotta cake with seal imprints. After Jarrige et al. 1995: 360). A black steatite cylinder seal with a knob (Figure 46. Sibri cylinder seal with a zebu and lion facing one another. After Jarrige et al. 1995: 412). A scorpion was engraved on the base. There is another cylinder seal with a zebu and lion, but including a human "hunter" as well (Figure 47. Sibri Cylinder seal with a zebu, lion and hunter. After Jarrige et al. 1995: 412). The cylinder seal is similar to seals found in Margiana, at the site of Taip, one of which has the representation of a zebu.

A BMAC type bronze shaft hole axe-adze was found (Santini 1984: 1984: 53), comparable to a well known example coming from Mohenjo-daro (Mackay 1937-38: Plate CXXII, no. 12). There were also several bronze or copper pins.

Fragments of several stone vases made from both alabaster and chlorite were discovered. These were generally from small vases, one having an incised rim, another a beak. Large numbers of querns, pestles, polishing stones and sling balls were unearthed.

A small stone column of the type found at Kulli was on the surface. It was badly damaged by erosion or was unfinished.

Terracotta pawns, wheels, spindle whorls, rattles, sling-balls and discs formed from potsherds were found. One of the rattles has circular impressions on its surface and is similar to another specimen from Period VII at Mehrgarh. Finally, another terracotta object has incised signs and dots that might be numbers.

Terracotta figurines, all of which had been made from sherd tempered clay were found in large numbers. The principal type was the "violin-shaped" female figurine. The eyes and breasts are formed from applique, as is the hair in some cases. Necklaces and ornaments are represented by incised holes. The sex is indicated by applique breasts and incised dots marking the pubic area and the armpits. The violin shaped figurine has parallel with examples from sites in the lower Murghab Delta and from later contexts at Pirak.

The excavators of Sibri offer the following statement about the nature of the site:

There is little doubt that Sibri needs further investigation, but it is already obvious that we do not have there merely a camping place for semi-nomadic Central Asian invaders. Even at this preliminary stage of research, the faunal and floral analyses suggest agriculture at Sibri of a kind similar to what we know from Mehrgarh. The discovery of a vented furnace, half cut by a water channel, is also of great importance, because it is quite likely that this industrial feature was not an isolated phenomenon but part of a larger complex that has been washed away by channel-cutting activities of a large river bed joining the Sibri River (Jarrige et al. 1995: 329).

More material like that found at the South Cemetery and Sibli has been found at the low mound of Damboli, on the Kachi Plain. (Jarrige et al. 1995: 328)

Gudar-i Shah

While it is not in the Greater Indus Valley, Gudar-i Shah, in southwestern Afghanistan, on the borders of Seistan, is also a place with an abundance of BMAC related material. This site was reported by G. Dales in 1977. It is actually a modern Muslim cemetery, where many of the graves have been covered with stones, some of which are BMAC artifacts (Figure 48). The graves at Gudar-i Shah. From the Archives of the University of Pennsylvania Museum). Dales was unable to locate the archaeological site from which these artifacts originated.

The Seals and Seal Impressions from Ahar Banas Sites

The 2002-2003 the joint excavation team at the Ahar-Banas Complex site of Gilund, to the east of the Aravalli Mountains in southern Rajasthan discovered a bin with over 100 seal impressions (Possehl, Shinde and Ameri 2004; Shinde and Possehl 2005, Shinde, Possehl and Ameri 2005). This bin was in the foundations of a large building with four parallel walls, which dates to c. 2200-1700 BC (Figure 49). The building with parallel walls from Gilund; Figure 50. Building with parallel walls at Gilund). We have inferred that the building with the parallel walls was a magazine type storage structure or warehouse. The goods seem to have been lined-up in the corridors of the building.

The impressions were made from seals both round and rectilinear. None of the seal impressions were made from the well known stamp seals of the Indus Civilization, with a device below a line of script. In fact, no suggestion of any writing of any sort has been found on them. Indus script has yet been detected.

The full functional study of the objects to which the Gilund seal impressions were affixed, has yet to be completed. But some of them appear to have been used to secure doors, employing the so-called "peg-on-wall" device, also documented at the Indus site of Lothal (Frenze and Tosi 2005:73) (Figure 51). Peg-on-wall door securing technique. After Frangapani 2004: 84). This may not be the only use for the Gilund seal impressions, but does suggest that the seal/sealing administration at the site was a part of the local, Gilund economy and was not necessarily linked to long distance trade. In fact, there is very little material from Gilund suggesting long distance trade. There are fewer than a dozen sherds of Sorath Harappan pottery, and less Malwa ware. Nothing from the Indus Civilization has been found there.

The design motifs of the Gilund seals and seal impressions are generally quite simple and have wide ranging parallels from sites in Sindh and Baluchistan: Chanhudaro the Jhukar levels (Mackay 1943: Plate XLIX, Nos. 5 & 6, Plate L, Nos. 5, 7 & 13), Pirak Periods I and II (Enault 1979: Figure 96, Nos. 650-652, Figure 97, Nos. 662, 663 & 668, Figure 98, Nos. 667 & 668), Kot Diji (Shah and Parpola 1991: 397, No. Kd-6) and Nindowari (Shah and Parpola 1991: 410, No. Nd-3). There are also parallels with seals from the BMAC (Sarianidi 1998: seal numbers 410, 506, 540, 551, 653, 782, 784, 812, 817, 819, 1250, 1650.4 & 1797). (Figure 52. Seal impressions from Gilund; Figure 53. More seal impressions from Gilund; Figure 54. Seals from Chanhudaro. After Mackay 1943; Figure 55. Seals and seal impressions from Pirak. After Enault 1979; Figure 56. An impression of the seal from Nindowari and the seal from Kot Diji. After Shah and Parpola 1991).

There are also small, terracotta BMAC type boxes from Gilund.

Since the discovery of the seal impressions in the bin at Gilund, a few more of them have been recovered from occupational debris. We have also found several seals, including a well made stepped cross, with many parallels in the Greater Indus Valley and Central Asia (Figure 57. Stepped cross seal from Gilund) as well as a star shaped example also with parallels in Central Asia (Sarianidi 1998: 643, 649, 650) (Figure 58. Star seal from Gilund).

The Ahar-Banas Complex site of Ahar, in the eastern suburbs of Udaipur, Rajasthan (Sankalia, Deo and Ansari 1969) also has produced a set of seals. These were recovered by the excavations at the site conducted by the Rajasthan State

Mohenjo-daro, one side of a bullae with a seal impression of a BMAC eagle	Mackay 1937-38: Plate CII, no. 15
Mohenjo-daro, animal headed pins	Mackay 1937-38: Plate CI, nos. 3 and 10
Mohenjo-daro, criss-cross seal motif as in Figure 20, no.7 in this paper	Marshall 1931: Plate CXIV, nos. 524-526 and 528
Harappa, BMAC eagle seal	Vats 1940: Plate XCI, no. 255
Harappa, animal headed pin	Vats 1940: Plate CXXV, no. 34 & 36
Dabar Kot, possible head for a "kaukane figure"	Stein 1929: Plate XVI, no. D.N. vi.3
Periano Ghundai, trumpet shaped, red slipped bowls as found at Mehi and BMAC sites	Collections of the British Museum

Department of Archaeology and Museums in 1954-55 (Indian Archaeology, A review 1954-55: 14-15).

Other BMAC Finds in the Greater Indus Valley

It is not a goal of this paper to create a comprehensive inventory of BMAC materials in the Greater Indus Valley, since this is worthy of a full monograph length study. Some of the more obvious artifacts are given in Table 1.

THE CONTEXT OF THE BMAC FINDS IN THE GREATER INDUS VALLEY

There seem to be three general contexts for BMAC materials in the Greater Indus Valley.

1. Habitation as at Sibri and Damboli.
2. Funerary, as at Sibri, the South Cemetery at Mehrgarh, the Quetta Treasury and possibly Mehi.
3. Individual objects, or BMAC objects unassociated with one another from a single site, as at Kulli, Nindowari, Kot Diji or the finds from Mohenjo-daro and Harappa.
4. Objects with parallels in motifs found on some objects found in BMAC contexts as at Gilund and Chanhudaro.

The entire suite of BMAC objects has not been found in the Greater Indus Valley. For example none of the elaborate axes have turned-up. Metal seals are rare, thus far coming only from Pirak and then only geometric seals. Missing are the seals with humans and/or animals, which are an important component of BMAC iconography.

The BMAC-related seals and seal impressions from Gilund and Ahar are made of clay or terracotta, as are those from Chanhudaro, although the latter has stone seals too, but no metal. The seals from Pirak are both metal and terracotta, but predominantly the latter and not including anthropomorphic or zoomorphic examples.

The "peg-in-wall" seal operation was used to regulate access to goods in the magazine type storage structure at Gilund. This indicates that the context for this administration is the workings of a local economy, not just long distance trade, or even long distance trade at all, since there is so little material from Gilund or Ahar that suggests contacts with surrounding peoples, especially the Indus Civilization.

There is evidence for BMAC peoples living, and dying, in the Greater Indus Valley. The BMAC-like material from the Ahar-Banas Complex does not suggest this sort of direct interaction, it is just too distant and incomplete as a suite of material culture. In fact, the seals and seal impressions appear to have been more "derived from" some of the notions that the BMAC peoples used for some of their seals, than to have used them as models. But, the formal typological similarities are many, and there appears to me to have been a sharing of ideas among the peoples of the Greater Indus Valley and Central Asia at the end of the third millennium and the beginning of the second. This sharing of ideas has deep historical roots, beginning at least as early as the middle of the fourth millennium, so the later evidence is simple a manifestation of an enduring pattern of relationships.

REFERENCES

- Ardeleanu-Jansen, Alexandra*
1991 The sculptural art of the Harappa culture. In Jansen, Michael, Mulloy, Maire and Urban, Gunter, editors, *Forgotten Cities on the Indus: Early civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd millennium B.C.* Mainz: Verlag Philipp von Zabern, pp. 167-78.
- Biscione, Raffaele*
1973 Dynamics of an early South Asian urbanization: the first period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia. In Hammond, Norman, editor, *South Asian Archaeology*. Park Ridge: Noyse Press, pp. 105-18.
- Caldwell, Joseph R.*
1964 Interaction spheres in prehistory. In Caldwell, Joseph R. and Hall, Robert L., editors, *Hopewellian Studies*. Springfield: Illinois State Museum Scientific Papers, 12, pp. 133-43.
- Dales, George F.*
1977 Hissar III objects in Afghan Seistan. In Levine, Louis and Young, T. Cuyler, editors, *Mountains and Lowlands: Essays in the archaeology of greater Mesopotamia*. Malibu: Undena Publications, pp. 17-27.
- Enault, Jean-Francois*
1979 Fouilles de Pirak. 2 Vols. Paris: Publications de la Commission des Fouilles Archaeologique, Fouilles du Pakistan, No. 2, Vol. 2.
- Fairservis, Walter A., Jr*
1956 Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. New York: Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, 45(2).
- Frangapani, Marcella*
2004 Alle Origini del potere: Arslantepe la collina dei leoni. Milano: Electa.
- Frenez, Dennys and Tosi, Maurizio*
2005 The Lothal sealings: Records from an Indus Civilization town at the eastern end of the maritime trade circuits across the Arabian Sea. In Perna, M., editor, *Studi in Onore di Enrica Fiandra*. Studi Egei i Vicinorientali 1 Paris: Diffusion de Boccard, pp. 65-103.
- Gupta, S. P.*
1979 *Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Borderlands*. 2 Vols. Delhi: B. R. Publishing Corporation.
- Hiebert, Fredrik T.*
1994 *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia*. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, American School of Prehistoric Research, Bulletin No. 42.
- Hlopin, I. N.*
1963 Eneolit Juznyh Oblastej Srednoj Azii: Pamjatniki Rannego Eneolita Juznoj Turkmenii. Moscow-Leningrad.
- Hlopin, I. N.*
1969 Pamjatniki Razvitogo Eneolita Jugo-Vostocnoj Turkmenii. Leningrad.
- Indian Archaeology, A review*
1954-55 Excavations at Ahar, District Udaipur. New Delhi: Archaeological Survey of India, pp. 14-15.
- Jarrige, Catherine, Jarrige, Jean-Francois, Meadow, Richard H. and Quivron, Gonzaque*
1995 Mehrgarh: Field reports 1974-1985, from Neolithic times to the Indus Civilization. Karachi: Department of Culture and Tourism of Sindh, Pakistan, Department of Archaeology and Museums, French Ministry of Foreign Affairs.
- Jarrige, Jean-Francois*
1985 Les relations entre l'Asie centrale, le Baluchistan et la vallee de l'Indus a la fin du 3e et au debut du 2e millenaire. In Gardin, Jean-Claude, editor, *L'Archeologie de la Bactriane Ancienne*. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, pp. 105-18.
- Jarrige, Jean-Francois*
1987 A prehistoric elite burial in Quetta. *Newsletter of Baluchistan Studies* 4:3-9.
- Jarrige, Jean-Francois*
1988 Les styles de Geoksyur et de Quetta et la question des rapports entre les regions au Nord et au Sud de l'Hindu Kush a la fin du 4e et au debut du 3e millenaires. In Gardin, J.-C., editor, *L'Asie*

Centrale et ses Rapports avec les Civilisations Orientales des.. Paris: MMAFAC, Diffusion Bocard, pp. 95-102.

Jarrige, Jean-Francois and Hassan, M. U.

1989 Funerary complexes in Baluchistan at the end of the third millennium in the light of recent discoveries at Mehrgarh and Quetta. In Frifelt, K. and Sorensen, P., editors, South Asian Archaeology 1985. Copenhagen: Scandinavian Institute of Asian Studies, Occasional Papers No. 4, pp. 150-66.

Jarrige, Jean-Francois

1991 The cultural complex of Mehrgarh (Period VIII) and Sibri. The Quetta Hoard.

In Jansen, Michael, Mulloy, Marie and Urban, Gunter, editors, Forgotten Cities on the Indus: Early Civilization in Pakistan from the 8th to the 2nd millennium B.C. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, pp. 94-103.

Mackay, Ernest J. H.

1931 Statuary. In Marshall, Sir John, editor, Mohenjo-daro and the Indus Civilization. 3 Vols. London: Arthur Probsthain, pp. 356-64.

Mackay, E. J. H.

1937 Further Excavations at Mohenjo-Daro, Being an official account of archaeological Excavations at Mohenjo-daro carried out by the Government of India between the years 1927-1931. 2 Vols New Delhi: The Director General Archaeological Survey of India.

Mackay, Ernest J. H.

1943 Chanhu-daro Excavations 1935-36. New Haven: American Oriental Society, American Oriental Series, Vol. 20.

Marshall, Sir John, editor

1931 Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. 3 Vols. London: Arthur Probsthain.

Masson, V. M.

1961 The first farmers in Turkmenia. *Antiquity* 35:203-13.

Masson, V. M. and Sarianidi, V. I.

1972 Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. New York: Praeger.

Possehl, Gregory L.

2002 The Indus Civilization: A contemporary perspective. Walnut Creek: Altamira.

Possehl, Gregory L., Shinde, Vasant and Ameri, Marta

2004 The Ahar-Banas Complex and the BMAC. *Man and Environment* 29(2):18-29.

Sankalia, H. D., Deo, S. B. and Ansari, Zainuddin Dawood

1969 Excavations at Ahar (Tambavati). Poona: Deccan College Post-graduate and Research Institute.

Santoni, Marielle

1984 Sibri and the south cemetery of Mehrgarh: 3rd millennium connections between the northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia. In Allchin, B., editor, South Asian Archaeology 1981. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 52-60.

Santoni, Marielle

1988 Aspects materiels des cultures de Sibri et Mehrgarh VIII (plaine de Kachi, Baluchistan, Pakistan) a la fin du 3e et au debut du 2e millenaires. In Gardin, J.-C., editor, L'Asie Centrale et ses Rapports avec les Civilisations Orientales des Origines a l'Age du Fer. Paris: MMAFAC, Diffusion Bocard, 1, pp. 135-42.

Sarianidi, Viktor I.

1965 Pamjatniki Pozdnego Eneoliti Jugo-Vostocnoj. Moscow: Turkmenii.

Sarianidi, Viktor I.

1971 Southern Turkmenia and Northern Iran: ties and differences in very ancient times. *East and West* 21(3-4):291-310.

Sarianidi, Viktor I.

1998 Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagrapic.

Shah, Sayid Ghulam Mustafa and Parpola, Asko

1991 Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Volume 2, Collections in Pakistan. Suomalainen Tiedeakatemia. Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Sarja, Series B, NIDE, Tome 240 Helsinki.

Shinde, Vasant and Possehl, Gregory L.

2005 Report on the excavations at Gilund, 1999-2001. In Jarrige, Catherine and Lefever, Vincent, editors, South Asian Archaeology 2001. Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, pp. 293-309.

Shinde, Vasant, Possehl, Gregory L. and Ameri, Marta

2005 Excavations at Gilund 2001-2003: The seal impressions and other finds. In Franke-Vogt, Ute and Weisshaar, Hans-Joachim, Editors, South Asian Archaeology 2003. Forschungen zur Archäologie Aussereuropaischer Kulturen Band 1 Bonn: Linden Soft, pp. 159-169.

Stein, Sir Aurel

1929 An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan. Memoirs of the Archaeological Survey of India, No. 37 Delhi.

Stein, Sir Aurel

1931 An Archaeological Tour in Gedrosia. Delhi: Memoirs of the Archaeological Survey of India, No. 43.

Tosi, Maurizio

1969 Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary report on the second campaign, September-December, 1968. *East and West* 19(3-4):283-386.

Vats, M. S.

1940 Excavations at Harappa. 2 Vols. Delhi: Government of India.

MARGIANA AND BEYOND

Colin Renfrew

(Great Britain)

COMPLEX SOCIETY: AN AEGEAN ANALOGY

The bronze age civilisations of the Aegean, like those of Turkmenistan and the Iranian Plateau, were not based upon the great rivers: the Nile, the Tigris and Euphrates, the Indus. Those of Central Asia have been described as 'oasis civilisations'. This, while not accurate, does describe the pattern of intense centres of cultivation and settlement, spread out and lying between arid lands of low population density. In the Aegean case the urban or palatial centres were on islands or near coasts, separated by sea. So far as the analogy works, the seaways and the desert ways played comparable roles. There has often been the temptation to take a diffusionist or 'world system' view of these complex societies and to see them as somehow 'peripheral' to the early urban 'centres' of Mesopotamia, Egypt or the Indus. But I think it is appropriate to consider them first essentially in their own terms.

The palaces of Crete around 1800 BC were ritual and administrative centres following a well defined architectural model, based upon a central court surrounded by 'royal' apartments situated on the piano nobile, with storerooms and workrooms beneath. The richest finds relate to ritual equipment. These palatial centres were preceded in the mid third millennium BC by a period of exchange activity among the not-yet-urban centres of the Early Bronze Age (including Troy II), in which the trade in metals appears to have played a significant role. The emergence of civilisation in the Aegean can certainly be discussed in essentially autonomous terms, despite those contacts which did undoubtedly exist with Western Asia and the Levant, although scholars since the time of V.G. Childe have frequently viewed this as a 'secondary civilisation'. I hope to explore during my visit the extent to which

comparably conventional view of the origins of complex society in Margiana have shaped prevailing models for cultural developments there.

DESERT SETTLEMENTS AND THE STEPPE

The term 'desert settlement' is used here as shorthand for settlements situated in areas of very low rainfall where the location of settlement is determined by the location of rivers and oases. To the north are the steppe lands, often good grazing lands (which the desert obviously is not), but dependent for their effective occupation upon the prior development there of largely pastoral economies

The relationship between the desert settlers and the steppe pastoralists (or agriculturalists) is a changing one, and one of great interest. Recently I had the opportunity of visiting desert settlements in Xinjiang, south of the Tien Shan mountains (in the area of the Taklamakan desert). The steppe lands begin directly to the north of the mountains. The interactions there are interesting, but so far little is known of Xinjiang prior to about 1500 BCE. It is to be anticipated that earlier settlements may soon be found there. Comparison of the culture sequence and of the interrelationship between desert and steppe in Turkmenistan with that in Xinjiang promises to be interesting.

THE INDO-EUROPEAN LANGUAGES AND THE INDO-EUROPEAN FAMILY

There are different views about the early origins and dispersal of the Indo-European languages. One of these, the Anatolian or farming/language dispersal theory, holds that Proto-Indo-European speech was carried from Anatolia to Greece, the Balkans and the Ukraine with the early spread of farming, and then subsequently to the steppe lands of central Eurasia as these were colonised by agriculturalists and pastoralists. The 'Kurgan' theory holds that the dispersal was carried out by mounted warrior nomads of the chalcolithic period, centred north of the Black Sea. The two theories have very different consequences for Anatolia and Europe.

The two theories show convergence, however, when it comes to the Indo-Iranian languages. Both consider likely an 'elite dominance' episode, perhaps towards the end of the Indus civilisation, in the course of which Indo-European speech (in this case Proto-Indo-Iranian) would have been carried south from the central Eurasian steppe to north India and Pakistan. While the adherents of the Anatolian theory might question the 'Kurgan' view that this episode is to be associated with the demise of the Indus civilisation, both would agree that the early bronze age Andronovo culture of the steppe could make an appropriate starting point for these early Indo-Iranian speakers.

In all of this the horse causes difficulties. The Hymns of the Rig Veda speak of horses and chariots, not of mounted horsemen. The Kurgan theory is generally evasive about the time when mounted warriors first played a military role. It has become clear, however, that this was not before 1000 BCE in Greece or Central and Western Europe, but perhaps as early as 1300 or 1400 BCE in the central Eurasian steppe. It was not early enough to motivate the early Proto-Indo-European dispersals

postulated by the 'Kurgan' theory, but the chronology would not oppose the southward transmission from the Andronovo culture to India and Pakistan discussed here.

If Indo-European speech reached the Indian sub-continent from the central Eurasian steppe, it must have done so across the zone of desert settlement which is represented by Turkmenistan, Uzbekistan and the Iranian Plateau. The question is how. Up to now no adequate explanation or model has been proposed for this process. That is the other problematic theme which I plan to outline, and about which I hope to learn, at the meetings.

SOME CONCEPTS OF MARGIANA STUDIES

B.N.UDEUMURADOV

(Russia)

1. Margiana archeological monuments being referred to the second millennium B.C. have been studied for a long time and are presently considered as the most investigated ones within Middle Asia. The researchers are facing new objectives and tasks while exercising those operations. However, several concepts are likely to be talked about as far as they are typical for all studies of the Bronze epoch Margiana monuments.

2. The first, and perhaps the most important, concept covers the origin thereof. Despite there are obvious parallels with the Southern Turkmenistan monuments of Kopetdag foothills referred to the Bronze Epoch, there is a direct evidence of the second cultural component related to the ancient civilizations of Mesopotamia. Two components as minimum took part in founding the Margiana culture and civilization. They are as follows: the original local stratum and a new one, which has transformed it. A symbiosis of those components promoted a Margianian phenomenon to be founded. On the other hand, you should remember that quite similar processes were taking place in Bactria, which culture is practically identical to that of Margiana. Otherwise, any territorial borders of those processes were quite extensive and covered the population not only southwards of the Central Asia, but various ancient agricultural communities being a part of the Bactrian impact area.

3. The second concept reflects territorial structure and social hierarchy at Margiana settlements. "The oasis" term being often used by researchers, while identifying a territorial group of monuments, is obviously not far from the ancient period truth. Regarding Margiana it means nine oases, though in fact they might have been more as far as their quantity in our case reflects only a study rate of objects under analysis. It is well known that the first researchers of Margiana emphasized a general regularity for all oases as a certain number of small oasis hills had been grouped around one being central and bigger, as a rule. Gonur-Depe monument is the biggest one in the Murgab delta due to the area occupied. It has been also more studied. As it is certified by archeological artifacts and analogies thereof, the monument might have in fact played a role of Margiana town-forming and ideological center. In fact, it also may be

referred to the matters of cultural, economic and their relevant communications development. But, perhaps, the most important aspect of that centralization was a system of power state institutions' development, which promoted control, management and development of that ancient Oriental oikumen areal. With this regard Margiana of the second millennium B.C. is seen as a mini state of oriental type with an established social structure, which assumes existence of management and ideological institution coordinating the community activities. The system by itself has been famous in the most ancient Egyptian civilizations, as well as in Mesopotamia. However, regarding Margiana, the appearance and formation of state institutions are likely to be considered as a parallel and autochthonous process.

4. The third study concept may be directly connected with a possible amendment (?) of religious views. Its main point implies that following an ordinary worship of mother-goddess cult, Margiana society has accepted or transformed the polytheistic view of existing and the other worlds, with specific personages related to good and evil, light and darkness, heaven and terrestrial items. The appearance of complicated iconographic scenes on seals and amulets indirectly confirms availability of mythology, which has been developed and already formed.

5. Finally, the fourth concept is directly related to identifying Margiana as a detached culture development center, on the one hand, and as a composite element of the whole ancient oriental civilization, on the other hand.

HOLY WORSHIPS AND BELIEFS OF THE ANCIENT CATTLE-BREEDERS OF TURKMENISTAN

HEMRA YUSUPOV

(Turkmenistan)

The originality of Massagets, the ancient cattle-breeders of North-Western Turkmenistan as compared with the other nomads of Eurasian steppes is traced not only in material but in spiritual culture as well. Since VII-VII centuries B.C. it has been shown in the distribution of funeral rites with different types of ossuarial burials but they amount only a small percent of graves of total number of burial grounds with the crypts.

Mainly, the local moulded wear of early forms (Tersakan, Yalkym) was often used as ossuaries. The ossuarial rite has been developed as an addition to a local burial ceremony provided initial cleaning of bones from soft tissue of the crypt and then their collection in ossuaries. In the said region practically there are no crypts with ossuarial burials only. At the same time all burial structures were the place to expose corpses and the "naus" for ossuaries. The mass spreading of ossuaries is observed in the late period. The trough-shaped ossuaries of local production are unique for "Zoroastrian" regions, which were used for burial of osteological material together

with local and import vessels. They reflect some local faith group limited by the territorial distribution.

Types of burials archeologically found in the region are well applied in the system of funeral rites of ancient cattle-breeders as they are testified in written sources (Strabo etc.). Practically, the funeral rite included a few stages, namely: building of a crypt; exposing of corpse in the crypt on a site cleaned from soil up to rocky foundation; burial of cleaned bones in ossuaries or cumulated in heaps. Three cases of building of an unclear destination annex to the north of the crypt were registered. The late crypts were not only dead-isolated, otherwise, they had special access for further burials (Beyneu).

The listed features give grounds to consider that the funeral rite and apparently the relative faiths of the North-Western Turkmenistan's population show a significant proximity to Zoroastrism or its original traditions, strongly differing from the customs of other tribes not to mention Northern Black Sea cattle-breeders. In addition to funeral rite the spiritual complexes of Ichyanlydepe on Uzboy and Garavuldepe on Great Balkhan (similar to sanctuaries with the holy fire) are the evidences of it. At the same time, it is remarkable and, probably not accidental, the lack of finds of so-called Eurasian animal style at the monuments of North-Western Turkmenistan. Only at the late monuments its weak prototypes are appeared. Indeed, the stylized anthropomorphic statuettes made of soft stone, obviously of some religion destination, are found in the ancient burial structures of this region. The ritual ceramic articles from Ichyanlydepe should be also mentioned. A strongly stylized statuette, a model of boat-shaped ossuary is among them.

In both sanctuaries one can see careful attitude to ashes of the hole fire. They were tried to be kept in place. However, numerous number of burning remains that were impossible to leave at the same place was formed for some period due to functioning of the sanctuaries. Therefore, to all appearances, the system of cult rituals allowed to remove the main part of material burnt long ago. One of the possible means of utilization of holy ashes could be its application for the consecration of new burial structures. This is indicated by traces of ashes and coal in crypts and artificial barrows.

Garavuldepe and Ichyanlydepe, most likely, represented the sanctuaries of similar importance. They contained, if not the main holy fires of this region but the fires of significantly high rank. Each of these sanctuaries had its range of influence and both were left in the II century B.C. and new ones were not created. Probably, a part of their functions was performed on small but rather large in number "altars" related to the burial grounds (Gichgeldy, Chyryshly 14 and 16, Cholungyr etc.). The presence of half-burnt wormwood twigs in ashes at Ichyanlydepe allows assuming its usage as a fragrant plant. According to ancient sources, fragrant and dopey plants as well as a wood berry were added in the holy fire. Among local flora the bushes of ephedra and branches of fruit-archa was most suitable for this purpose.

A PROOF OF CULTURAL RELATIONS IN THE THIRD MILLENNIUM B.C.

In the prehistory department in Iran national museum is keeping a Collection includes alabaster and soft stones. This collection is very important for archaeological studied especially in northeastern of Iran, south of Turkmenistan and eastern of Afghanistan and confirm cultural relations and intercultural in great Khorasan.

On the basis of available documents in Iran national museum, this collection has recovered from Khorasan and outwards similar to hissar and southeastern Iran samples and specimens of Afghanistan and Turkmenistan will promote Information of archaeologist about stone manufactures and their trade.

An attempt has been made in this article, presentation a classification these object, chemical analyze for to appoint type of stone, its origin, probable place of made, geographical distribution in Iran, Central Asia, Margiana and Bactaria, to compare together, to obtained surface resemblances and distinctions and presentation a table and probable chronology for these object.

Hassan Akbari, Morteza Hessari (Iran)

TO THE HISTORY OF THE ANCIENT AGRICULTURE OF MARGIANA

The ancient delta of the Murgab river was the main water source of a huge and complex irrigation system. At the beginning of the II millennium B.C. in the wide fan of the Murgab delta numerous settled-agricultural settlements appeared. The earliest of them were situated along the northern part of Murgab in the shape of long strip. These fertile areas with a whole network of the natural fluvial channels were the most favourable for developing the irrigated agriculture as they didn't require too much trouble. The Margushians solved the irrigation problem by means of simple dams and barrages, small canals and aryks (irrigation ditches). The irrigated territories were obviously worked with wooden ploughs which were pulled by bulls.

Owing to the normal ecological situation, fortunate combination of geographical, natural and climatic conditions and, undoubtedly, diligence of the agriculturists Margiana has achieved an unprecedented progress in its civilized development.

Evidence of this are large isolated oases with the centres in Gonurdepe, Togolok, Adji-kui, Takhirbay, Taip etc. having appeared therein. They were prosperous green islets amongst the half-consolidated sands. According to the archaeological data, grain crops prevailed everywhere on the fertile lands of Margiana. In the most regions of irrigated and dry-farming agriculture, wheat and barley were mainly cultivated. The archaeological finds from the groups of settlements of Takhirbai, Togolok, Yazdepe and other oases witness thereof.

The Takhirbai oasis, existed at the beginning of the I millennium B.C. already, was one of the most populated and prosperous. Traces of ancient canals, remains of mudbricks mixed with straw, huge khums (vessels) with a wide mouth for storing flour and grain, parts of "querns", mortars were found here. Carbonized grains of wheat, barley were discovered in the rubbish layers, as well as special granaries. The Togolok oasis includes about 30 ancient agricultural settlements. When carrying out archaeological excavations, remains of barley and wheat, seeds of legumes, fragments of querns and pestles were also brought to light.

The whole complex of palaeobotanical data, having been obtained within the recent decades, confirms the words outspoken by academician V.V.Struve about fifty years ago when he stated that the fertile soils and wealth of the earth's interior of Margiana, as well as neighbouring oases westwards, facilitated the origin of culture here in the extreme antiquity.

Annadursun Ataeva (Turkmenistan)

SOME EVIDENCES OF PAGAN WORSHIPS AMONG THE TURKMENS

Modern Turkmen language preserved not a few words denoting pre-Islamic pagan beliefs and worships related both to Zoroastrism (otparaz, i.e. fire-worshipper) and to Buddhism (butparaz meaning "idolater, pagan, Buddhist", in a broad sense). Most of relict rites of the modern Turkmens fixed by ethnographers have their roots also deep in the pagan epoch. These are, first of all, the rites of shaman-ot and gara-charshenbe (black Wednesday) connected with yearly ritual skips over the fire with the object of magical purification. In the period of antiquity there were functioned the Fire Temples wherein the eternal fire was kept. This continued, to all appearances, tradition is traced in the territory of Turkmenistan since the II millennium B.C. whereof the archaeological excavations of V.I.Sarianidi in Margiana testify.

The shaman beliefs also took a special place in the religious notions of the peoples of ancient Khorasan and Khorezm. The gist of the shamanism consists in the worshipping the Nature in general, including heavenly bodies — the sun, moon, stars, and also earthy elements, such as the fire and water. Relict displays of the shamanism still survive in the life of the Turkmens. These are expressed in worshipping sacred places; the folklore tradition preserved strongly marked cult of forefathers. One of the earliest and long-lived forms of religious notions among the Turkmens is totemism which echoes are traced in the names of the Turkmen kinds, tribes and local groups (such as oguz, gurt, tilki, shagal, gulan etc.).

Saparmurat Turkmenbashi the Great writes in his sacred Ruhnama as follows: "One of the factors that differentiates Turkmens from other nations is our approach towards religion. Our nation's view on religion has always been the same even in the centuries when religion was dominant. The main reason for this is the secular bases inherent in the character of the Turkmen nation. The nation has always based its behaviour on discipline in life. It has accepted Islam with its own interpretation. It managed to synthesize pre-Islamic beliefs and traditions with Islamic ones without deviating from the essence of Islamic principles. This strengthened the life of this nation because in this way the Turkmen nation was able to protect its own foundation."

Guncha Ataeva (Turkmenistan)

ENEOLITHIC CRANIUM FOUNDED FROM ADJI KUI 1

The joint international archeological group of the Ligabue Research Center, headed by G.Rossi- Osmida (Italy), and Turkmenistan Ministry of Culture and TV and Radio Broadcasting (headed by B.Udemuradov till 2004 and assisted by A.Orazov since 2005), has been working at Adji Kui 1 monument since 2001.

Adji Kui depe 1 is located nearly 14 km westwards Gonurdepe. A cranium of 25-30 aged male has been founded at the monument in autumn 2004 in the pit n. 2, at a hill being close to Adji Kui. It has been dated to the Bronze epoch with a radiocarbon method.

Before that cranium was founded by B.Udemuradov, it was assumed that Adji Kui depe has been a little bit older than Gonurdepe on the basis of some ceramic fragment finds.

Cranium brief description. The cranium has an ovoid form, is hyper-dolichocranic (sc.ind.68,4), with a big longitudinal (190mm) and very small transversal (130 mm) diameter. The forehead is retreating with a well-developed nose bridge. The face is narrow, of middle height, being bluntly profiled in horizontal plane. The nose is not high, of average breadth, being bluntly projected (35o), the orbits are of average height and breadth. The canine's pit is deep.

A racial type of the present individual is identified as the Europeoid Oriental-Mediterranean one. On the basis of the cerebral and facial parameters the cranium from Adji Kui 1 pit n.2 is mostly resembles the Gonur series; there is also a near resemblance with Altyn-Depe, Parhay, Sumbar and Jarkutan series.

For the time being the cranium, which has been found at Adji Kui 1 pit n. 2, is the first and only one at the territory of ancient Margiana related to the Eneolithic epoch.

After the cranium has been found at Adji Kui 1, we may surely state that the Europeoid people have lived at the territory of ancient Margiana.

Oraz Babakov (Turkmenistan)

ETHNOGRAPHIC TRACES OF THE MOTHER GODDESS WORSHIP IN TURKMENISTAN

The customs of worshipping Mother Goddess survived till our days from the periods of Eneolithic and Bronze among population of the Amudarya river middle course. These customs were fixed during ethnographical expedition of 1992-1996.

Nubile girls and women are usually participated in the festivities dedicated to the Mother Goddess. One of such festivals is called "Bibi sishenbe". Field materials confirm that the name of the Mother Goddess was Bibi, and "sishenbe" connected with the day of the festival conducting. In the explanatory dictionaries the word of Bibi means queen, elder, great. The first daughter was named Bibi. Among tribes of Sakar and Geoklen the word of "Bibi" is added to the names of elder sisters and respectable women. And now the Turkmens call the saint women Patma-bibi and Aysha-bibi in memory of the daughter and wife of the Muhammed Prophet.

The festival goes as commemoration of the Mother Goddess. The participants of the holiday dress one of women and create image of the Mother Goddess. Her clothes should be especially beautiful. There are tied up to seven shawls on the head of the woman; or, otherwise, there is drawn a cylindrical head-dress (topby) and there are tied three shawls from outside. This head-dress personifies the crown of the Mother Goddess. Then, the woman, representing the Mother Goddess, is seated on the place of honour at the dastarhan, on seven or forty soft beddings (kerpeche).

Seven dishes are prepared for this fete. Every dish is given, first of all, to the Mother Goddess, she tastes it, and then it is passed to other women.

Another custom survived among population of the Amu-Darya river middle course. The festival dedicated to the Mother Goddess is called "Lechek toyi". "Lechek" is a head-dress of the most respected woman. In other regions of Turkmenistan it is called "hasaba" or "bogmach". The headgear covers also the breast part of the woman clothes and is decorated with gold and silver coins. After ritual putting on the head-dress (which is being the main part of the Mother Goddess's garment) adult women on both sides beat timbrels and sing joking songs of each dame who is coming to greet the festival heroine answering them with head dipping. Every greeting woman brings gifts. For this festival seven various dishes are also done, which are offered, in the first place, to the Mother Goddess, and then to the others. The holiday is continued with joking songs, dances, the playing of timbrels.

Agamurad Baltaev (Turkmenistan)

TOWARDS THE 3RD MILLENNIUM IN CENTRAL ASIA: THE RELATIONS BETWEEN AKCHADARIA, MARGIANA AND SISTAN

Among the Neolithic cultures in Central Asia, Jeitun in Margiana (Southern Turkmenistan) is famous for its way of life (agriculture, cattle breeding, sedentarisatjxm), the only one of its kind in Central Asia. However bovine domestication also characterizes the Kel'teminar culture in Uzbekistan since the 6th

millennium BC, as shown by the recent excavations of Ajakagytm (Kyzyl-Kum) in the framework of the French-Uzbek expedition directed by myself and Muhiddin Khujnazarov (Samarkand). The relations between this culture in the Akchadaria region, especially during its second phase (5th millennium BC) and the agro-pastoral societies in Margiana are particularly interesting. Indeed, the question of the neolithisation of Central Asia, a process which led to producing societies and later to the Bronze Age cultures, is little investigated and thus still badly known. The same is true for the problem of the transition from the Neolithic (Jeitun) to the Chalcolithic (Anau, Namazga I-III) and from the Chalcolithic to the Bronze Age (Namazga IV) in Southern Turkmenistan.

Recent investigations at the site of Ulug-depe in Turkmenistan, in the framework of the French-Turkmen expedition directed by Olivier Lecomte (Paris) and Muhammed Mamedov (Ashgabat), has yielded significant results in this field. The critical review and comprehensive study of the archaeological data and the technological analysis of material culture from many parts of Central Asia that belongs to these periods allow proposing some new observations and hypotheses concerning the complexity of these phenomena. Doing so, we propose to reconsider also the relationship during the Late Chalcolithic (Namazga III) between the main sites in Margiana (Ulug-depe, Kara-depe, Geoksijur) and also between this region and the Iranian Sistan (Shahr-I Sokhta) with which many connections are known.

Frederique Brunet (France)

CULTURAL RELATIONS OF ANCIENT MARGIANA WITH NEIGHBOURING COUNTRIES

A series of archaeological data suggests that in the second millennium B.C. Margiana was in close contacts with other ancient oriental lands, from the Mediterranean area to Indus. In the North-Eastern Iran there is a settlement of Hissar with the Culture of Gray Glossy Ware, some forms of which have parallels in the Margianian vessels.

As is well-known, the homeland of cylindrical seals is Mesopotamia whence they were spread to the next territories by trade routes. Some part of them reached Margiana. However, plots on the seals (as a rule, mythological ones) and animals depicted thereon (bull, camel, horse) allow to assert that not all of them were imported. We can not except, that some part of them was manufactured in place, though raw material for their production (semi-precious stone) was undoubtedly imported. It should not be forgotten that the Bronze Age was the period of enough high developed trade interrelations between Mesopotamia and India.

In the south of Iran, in Kerman oasis, in the southern edge of the Desht-i-Lut salt desert, the monument of Shahdat, belonging to the Bronze Age, is situated. Locating on the middle-way between India and Mesopotamia, Shahdat played a part of transshipment point in the trade between these two civilizations. Archaeological finds of this monument witness a well-arranged road to northward, towards Turkmenistan. The hill of Yahyadepe is located in the same Kerman oasis. Its upper IV layer is

characterized by the Bronze Age materials similar to the Margushian ones. Parallels with the material culture of Elam, a wide valley of Kerhe and Karun rivers in the South-Western Iran, are the great importance as well. For the first time the American researcher Rafael Pampelly paid attention to this fact 100 years ago.

Thus, there are all reasons to think that trade roads between the East and the West had already functioned in the II millennium B.C. Over this time, the cultural values of agriculturists of the Southern Turkmenistan not only imbibed the achievements of other centres of the Ancient East civilizations, but exerted its influence on their cultures. Margiana locating on the crossroad of caravan routes, preserved its original culture and enriched owing the international contacts and mutual influences.

Nurgozel Byashimova (Turkmenistan)

CIVILIZATIONS OF MARGIANA AND HARAPPA: HISTORICAL ROOTS OF CULTURAL RELATIONSHIPS

Turkmenistan and India are the Motherlands of ancient civilizations. In 20-s – 30-s of XX century English archaeologist John Marshall discovered the culture of ancient Harappa in India and later at the end of that century the Greek archaeologist Victor Sarianidi discovered the culture of ancient Margush in Turkmenistan. These two great discoveries created a perfect opportunity to investigate the historical roots of these two ancient nations.

If we compare the ruins of the Harappan culture found both in the central cities of Harappa and Mohenjo – Darodan and in Gonurdepe, which is considered to be the capital of Margush, one may understand that ancient civilizations had highly developed into cultural centers and both nations had developed due to good cultural relations.

During the period of Margush and Harappa the population was engaged in farming and animal husbandry. Harappa's population planted cotton and wheat. The Turkmens' forefathers the white wheat seeds to the world while the Indians were the first to produce cotton thread and to plant sugar-beets. The stamps found in Altyndepe and Gonurdepe are the evidence of ancient Turkmens and Harappa people's cultural interrelation. In 2004 there were founded Harappa businessmen's goods in the ruins of the Churches and Palace in Gonurdepe by V.I.Sarianidi. Those goods had some inscriptions written in Old Indian and elephant's figure was depicted on it. They found the stamp used by a Harappa businessmen and it confirms the fact that Margush population was in close business contact with India, and it also proves that Gonurdepe was one of the main business centers.

Several Turkmen tribes migrated to India in different historical epochs and made their valuable contribution to the development of the Indian culture and science. Arian Turkmens were the first of them. After the decay of Harappan civilization the epoch of Arian Turkmens may be considered to be the important period in relations between Turkmen and Indian peoples. In his Sacred Rukhnama Saparmyrat Turkmenbashi the Great disclosed that the word «Ār» (a man) has originated from

the word «Ary». He simplified the issue of the Arians and pointed the way of its deep study. Arians migrated to India in about the 15th century BC. Scientists could not give definite answers to the questions concerning the Arians' origin and their previous settlements for a long period of time. The existence of the Arians' traces in Asia Minor, the Caucasus, in southern steppes of Russia and Central Asia (particularly in Turkmenistan) made the issue more complicated. Scholars from different parts of the world tried to search the Arians' native land. The majority of scientists insist that Turkmenistan is exactly the Arians' motherland and that they moved to different parts of the world from there. After determining the role of Arians in Margush Culture by V. I. Sarianidi, the evidence of their migration to India from Turkmenistan has been increased. It is possible to deeply study the historical roots of the Indian and Turkmen cultural relations, comparing the contents of literary works as «Rigweda», «Awesta», «Shanama», and «Oguznamalar» and the particular words from them.

Jepbarguly KHATAMOV,
Jumamurat GURBANGELDIYEV
(Turkmenistan)

THE OASIS ENVIRONMENT OF BRONZE AGE GONUR DEPE

Archaeobotanical and archaeozoological studies conducted at the citadel of Gonur North provide insight into the nature of the oasis environment of Margiana during the initial settlement of this region.

In 1989 a six-by-six meter sounding for archaeological and archaeobiological materials was excavated on the southern slope of Gonur North. Today, the context of this sounding has been clarified by the recent excavations conducted by Viktor Sarianidi: the location of the sounding is within the area of excavation 9, the northern Water Temple. The sounding is located within the courtyard area near rooms 33, 34 and 35.

Seven stratigraphic layers were identified in the 1989 sounding. Three and one-half meters of finely stratified deposits lay on sterile sand, spanning from the earliest occupation at Gonur through the end of occupation on the north mound (both Namazga V and Namazga VI time periods). It is likely that the building complex 33-43 of Excavation 9 relate to the upper layers of the sounding (layers 4-5), as the walls of building complex 33-43 were built upon accumulated debris. In the lower levels of the sounding, the deposits were particularly rich in organic materials — carbonized seeds, charcoal and dense quantities of animal bones from food remains. It may be that such dense midden originated inside the main fortified building complex to the north during the earliest period of occupation of the citadel.

The analysis of the lowest sandy layer suggests that the settlement of Gonur was founded on a sandy arid plain — one lacking cultigens or field weeds. Likely, the vegetation of Margiana prior to the citadel occupation was similar to an unmodified desert and deltaic flora of the saxaul desert with thick tugai near the natural channels of the Murgab.

Archaeobotanical and archaeozoological data from the sounding indicates that with the initial settlement at Gonur, the entire environment was transformed into an irrigated, cultivated plain. This is indicated by the abundant cereal crops and field weeds from the sounding identified by Naomi Miller. These plants recovered in the lowest cultural layers of the sounding, are typical of traditional irrigated oases of Central Asia. Faunal remains from the sounding, identified by Katherine Moore, correlate with this impression, with examples of both domestic and wild desert animals being consumed throughout the cultural sequence.

Satellite imagery suggests that the Margiana environment was transformed in the past by removing the tugai and channeling waters to support agricultural fields. Data from the Gonur North sounding suggests that from the very earliest period of widespread occupation (ca. 2400 BC), settlers created an agricultural oasis which would have been particularly rich and productive for both agriculture and herding.

Fredrik T. Hiebert (USA)

INDUS AND INDUS RELATED SEALS FROM OUTSIDE THE INDUS TERRITORY

Some of square seals of Indus-type found in Mesopotamia, Oman and Turkmenistan etc. Are an evidence of direct trade contact of Indus civilization with these lands. Along with Indus seals, cylinder, circular and triangular-prism seals that are indigenous to respective civilization or region are also found. Though their shapes are indigenous, depiction of animals in Indus style and Indus signs indicate close connection between the two.

These seals are compiled and compared in order to have more accurate understanding of Indus trade activity. Each respective style of seals can be attributed to respective group of merchants having different social backgrounds and origins. Trade activity during Indus period must have been very complex phenomenon of its own.

Manabu Koiso (Japan)

OBJECTIVES OF RESEARCHING THE ART CULTURE OF ANCIENT MARGIANA

Archaeological researches, conducted under the guidance of Professor V.I. Sarianidi in the old delta of the Murgab river, have presented the world sufficiently enough material and art evidences of existence of an ancient state known from the different historical sources as Mouro, Margush, Margiana with the capital centre of Gonurdepe. The culture of this state, which is not inferior to the civilizations of Mesopotamia, Egypt, India and China in its significance, is a phenomenon that now is rightfully acknowledged to be the fifth centre of the ancient oriental civilization

from the point of view of science. Here, on the Turkmen lan, traditions that have been consequently formed into the first world religion — Zoroastrism, were arisen among local tribes in the Bronze Age.

Monumental palace and temple buildings of Gonur, numerous works of art made of gold, silver, bronze, stone, mosaic panels with different plots and ornaments, collections of household goods and cult articles of the ancient Margushians confirm the high level of development of this culture. The most of these objects are the real masterpieces of ornamental and, first of all, plot compositions with diverse variations of anthropomorphic and zoomorphic motives. Art critics have to implement a stupendous work on classification and systematization of the ancient Margianian craftsmen' works of art that have been discovered by archaeologists. A professional iconographic analysis is required also. It will allow to understand better the content of the ancient Marginian art, to bring to light the style trends existed in the art culture of this region in the II millennium B.C., and to determine the place which it took within the context of the whole Bactria-Margiana Archaeological Complex, in particular, and in the art of entire ancient East, as a whole, taking into account the parallels with the Mediterranean world.

The heritage of Margiana of the Bronze Age, in that form we know today, appears in different planes, emotional aspects, attracting attention by its originality and the depth of the spiritual content. Today, at the beginning of the third millennium, the study of archaeological finds and the necessity to show the significance of the ancient Margiana cultural traditions from the new viewpoints, to ground the ethic and aesthetic values common to all mankind in the works of ancient Margushian craftsmen are one of the most important objectives in the history of art of Turkmenistan.

Gurbanjema Kuraeva (Turkmenistan)

THE BURIAL GROUND OF GONUR TEMENOS

The migration of ancient agricultural tribes contributing to springing up a Margian archaeological complex in the ancient delta of Murgab River at the end of III — II mill. B.C. became an epoch-making event.

The results of the thirty-year large-scale complex archaeological studies in Margian carried out by V.I. Sarianidi serve as that evidence. The discoveries of last years at the Gonurdepe capital settlement confirm the existence of civilization of ancient oriental type and magnificent and rarest finds from the elitist burial ground represent pure masterpieces of the world art.

In October 2002, V.I. Sarianidi and N.A. Dubova discovered a burial ground located 150 m south of Gonur temenos referred to the Bronze Age.

In spring 2003, the area of the burial ground was investigated comprising 240 square meters where 11 burials and 4 "funeral" holes were found and cleared. The graves are dug in sandy soil and located at a depth of 0,25 m; 0,5 m and 0,6 m from

the ground level. Four of them were plundered in antiquity. In two undercut graves upon availability of a funeral offerings (5 and 3 ceramic vessels, cornelian bead), there were no bones of human skeletons. The funeral structures are divided in two types according to their design, namely: pit one and shaft (undercut) one. The burial orientation is north and north-west.

The funeral structures were used for individual burials. The buriers were placed in a squirmed position (with their hands in front of a chest and with bent legs), on right side, head directed to the north, north-west. At the head or in front of the chest there was a funeral set.

A set of finds from the burial ground is represented by clay vessels, bronze and stone wares.

Ceramic vessels comprising 51 units, 14 of which not damaged, are divided in some types: bowls, vase-shaped vessels on a hollow stem, goblet-shaped and jar-shaped vessels, jugs, cylindrical vessels with sub-triangular rim in its section, pot-shaped vessel with sloped low part.

Two burials (n.1 and n.2) were differed by the availability of individual decorations (gold and silver ear-rings, bronze clasp-pin with golden conical top; bronze pin with conical head, fragments of bronze bracelet; bronze, small silver, cornelian, faience, disk-shaped steatite and lapis lazuli beads) and metal ware (bronze small knife, pieces of two bronze mirrors, bronze cosmetic small spade, bronze thin-walled lid with through hole). In one of the graves, a faience seal with geometrical ornament was found. The stone, steatite bi-conical spindle whorls-beads are decorated with two or three solar signs.

The whole complex of finds from the burial ground of Gonur temenos finds a correspondence in archeological materials relating to the period of the developed Bronze (Namazga V).

Ejegu Muradova (Turkmenistan)

TERRACOTTA ANTHROPOMORPHIC FIGURINES OF NAMAZGA V PERIOD: A TYPO-TECHNOLOGICAL APPROACH

Terracotta anthropomorphic figurines of the Namazga V period have been largely found in the middle Bronze Age at various archaeological sites in central Asia. They have been considered as religious elements related to a fertility cult common to ancient Near East as well as central Asia. From a typological point of view, the human figurines of Margiana in the Namazga V period are very similar to each others and represent a strong analogy. They have been made in a standardized way and clearly we can distinguish an operation chain for the different parts of body.

Generally speaking, two main types can be distinguished: standing and seated figurines. Among the seated ones, female figurines are very common meanwhile the masculine representations are standing. As we can observe from these figurines, the mother goddess cult was the most important belief of Central Asian farmers at the Namazga V period, which roots go back to the previous periods of Namazga I-IV.

Rouhollah Shirazi (Iran)

MODERN LANGUAGE AS A RELIABLE SOURCE TO STUDY THE ANCIENT OUTLOOK

For the space of centuries the Turkmen language has been imbibing and has maintained till nowadays separate sides of outlook of the former generations, religious notions of distant forefathers, echoes of the past historical events, great social phenomena of the past etc. Unique, indeed, information can be found in the deep strata of lingual philosophy and logic as a whole, and in the semantics of several words and word-combinations, in particular.

In the Turkmen language the sunrise (moonrise, stars' uprise) and the chaldbirth is denoted by one general verb dogmak testifying the significance which the distant Turkmen ancestors attached to the appearance of every new human on the earth. Thus, in the consciousness and language the childbirth formed a single semantic line jointly with the appearance of the heavenly bodies. Apparently, even earlier the delivery of the animals' young was denoted by other corresponding words: goyun guzlady, baytal gulanlady, inen botlaty etc. And it is no accident that in the Turkmen language the question kim? (who?) is asked with respect to the nouns, denoting only a human, and all other animate articles (i.e. all fauna representatives), along with the inanimate articles, are meant under the question name? (what?).

The word olmek (to die) and ochmek (to fade away) are closely connected etymologically with each other. This allow to speak about the identification of the human and in the remote past.

Results of archaeological excavations carried out by professor V.I. Sarianidi in Margiana demonstrate that the water and fire were the main objects of worship of the ancient Margushians. The echoes of those ancient beliefs preserved in the Turkmen language in the shape of a firm combination "Ot belasyndan, suw belasyndan [Tangrynyn] ozi saklasyn!" ("Let [Tangry himself] keep us against the horrors of fire and water!"). As a rule, these words are included into a long prayer (towir) which is said by an elder after a hearty meal. Till recently, the elders (yashuly) have taught the youngsters (yashkichi) the obligatory greeting when the latter go to the large flowing water reservoirs to bring water (chay, yap, aryk). This greeting is "Essa l amaleykum, Suw aga!" ("How do you do, uncle Water?").

Based on the analysis of specific lingual factors, the paper consider some other problems of this perspective and very promising trend, which separate aspects were reflected in the author's works published before.

Muradgeldy Soyegov (Turkmenistan)

**Министерство культуры
и телерадиовещания Туркменистана**

**Национальный центр культурного
наследия Туркменистана "Мирас"**

**Институт истории при Кабинете
Министров Туркменистана**

Хякимлик Марыйского велята

ДРЕВНЯЯ МАРГИАНА — НОВЫЙ ЦЕНТР МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**Материалы Международной
научной конференции**

Мары

14-16 Санджар (ноября) 2006 г.

Издается на основании Постановления
Президента Туркменистана
Сапармурата Туркменбаши Великого
от 21 Туркменбаши (январь) 2006 г. № 7717
о проведении Международной научной конференции
**"Древняя Маргиана —
новый центр мировой цивилизации"**.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

по подготовке и проведению
Международной научной конференции
**"Древняя Маргиана —
новый центр мировой цивилизации"**.

Сапармурат Туркменбаши Великий — Председатель

Г.Бердимухаммедов — заместитель Председателя

Э.Атаева

А.Маметгельдиев

В.Сарианиди

Р.Мередов

Г.Мелекеев

Б.Келов

М.Исламов

Б.Байриев

А.Бердыев

А.Гараев

А.Аширов

М.Мамедов

Участникам Международной научной конференции "Маргиана — новый центр мировой цивилизации"

Уважаемые ученые!

**Дорогие гости и соотечественники — участники между-
народной конференции!**

Я с нескрываемой радостью приветствую вас в Туркменистане, только что отметившем 15-летие своей священной независимости, в прекрасной столице нашего государства, которая за последние годы стала традиционным местом проведения крупных международных научных форумов по самым разным темам гуманитарных исследований. Для этого мы создали все необходимые условия: у нас ничто не угрожает стабильности и благополучию, единству и сплоченности народа, а в международных отношениях мы придерживаемся принципов открытости, доброжелательности, гуманизма и взаимоуважения.

Наиболее авторитетные специалисты в своих областях знаний сегодня вновь приехали в страну древнейших цивилиза-

ций, внесших большой вклад в развитие мировой культуры. Начиная с третьего тысячелетия до новой эры древние государственные образования Алтын-депе, Маргиана, Парфия и другие в значительной степени определяли характер политической, экономической и культурной жизни огромного региона в центре Азии, уровень взаимоотношений Востока и Запада, Севера и Юга.

С незапамятных времен нашу исконную землю называли "перекрестком семи дорог света". В этом суть родословной туркмен, чье отечество географически оказалось на стыке цивилизаций, различных культур и религий. И, как это часто бывает, география предопределила историческую судьбу народа, его генетический код и духовный облик. Сколько поколений сменилось на нашей земле за десятки веков, но мы с удивлением видим поразительную устойчивость многих древних обычаев и традиций в обрядах и верованиях, в искусстве создавать ювелирные шедевры и в искусстве строить. Это говорит о том, что между нами — народом, ныне живущим на этой благословенной земле, и нашими далекими предками существует живая, нерасторжимая связь.

Уважаемые гости!

Вам предоставлена возможность более полного ознакомления с результатами всемирно значимых открытий, сделанных во время проведенных за годы независимости полномасштабных археологических раскопок и исследований исторического памятника Гонур-депе в Марыйском велаяте. Мы ждем от вас объективной оценки роли и места древнего Туркменистана в мировой истории на основании вновь открывшихся фактов. При всей дискуссионности многих научных проблем, на вас — представителей гуманитарных наук, возлагается особая ответственность, ведь ваши идеи, высказывания непосредственно воспринимаются обществом. А современное туркменское общество не мыслит себя без своих исторических корней. Наша историческая память — это тот фундамент, на котором основана наша государственность, поэтому мы

воспитываем молодое поколение в духе уважения и гордости за бесценное духовно-культурное наследие мужественных предков.

Археологи доказали, что на рубеже третьего и второго тысячелетий до нашей эры в Маргиане существовали все предпосылки для возникновения первой мировой религии — зороастризма. И пусть в законченном виде это учение оформилось значительно позже, но именно храмы страны Маргуш дают основания говорить о том, что пророк Заратуштра был родом из этих мест. Вам еще предстоит раскрыть немало неизвестных страниц нашей древней истории, пролить больше света на высокоразвитую цивилизацию первых земледельцев, населявших плодородную дельту реки Мургаб и создавших одно из самых ранних государственных образований со столицей в Гонур-депе.

Мы высоко ценим кропотливый труд археологов, историков, реставраторов — всех, кто в полевых условиях, в лабораториях и за рабочим столом способствует прогрессу науки. Реальным результатом многолетнего сотрудничества ученых разных стран в Туркменистане и, в частности, на территории Марыйского велаята, особенно богатой следами исчезнувших цивилизаций, стало включение уникальных памятников древнего Мерва в Список ЮНЕСКО "Всемирное наследие". В нашей стране изучением, сохранением и популяризацией историко-культурных ценностей туркменского народа занимаются специальные учреждения системы Министерства культуры и телерадиовещания Туркменистана, Национальный культурный центр "Мирас", высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты. Мы построили великолепные современные здания для Национального музея и музея изобразительных искусств — в них бережно хранятся бесценные произведения древних мастеров, найденные археологами за многие годы раскопок в Туркменистане. Учитывая высокую результативность проводимых у нас в стране археологических исследований, в ближайшем будущем мы возведем отдельное музейное здание, в ко-

тором свободно разместятся все самые лучшие находки, все собранные коллекции из Маргианы и Нисы, Дехистана и Куняургенча, Серахса и многих других исторических городов и памятников старины. Все это говорит о том значении, которое мы придаем нашему наследию и его важной роли в современной духовной жизни общества.

Дорогие друзья!

Уверен, что ваши выступления на нынешнем научном форуме вызовут не только профессиональный интерес ваших коллег в Туркменистане и других странах, но и будут иметь широкий общественный резонанс. Вы увидите, что наши международные конференции проходят не за закрытыми дверями: к ним приковано внимание всех средств массовой информации, они становятся настоящими событиями культурной жизни страны. Каждое ваше слово, ваша мысль будут услышаны гораздо большей аудиторией, чем та, которую может вместить зал. Они станут пищей для размышлений, для новых идей и научных концепций.

Желаю участникам Международной научной конференции "Маргиана — новый центр мировой цивилизации" эффективной, плодотворной работы, желаю каждому из вас доброго здоровья, благополучия вашим семьям и новых творческих успехов. Добро пожаловать в беломраморный Ашхабад — город XXI века, который мы называем золотым веком туркменского народа! Добро пожаловать в древнюю Маргиану — неисчерпаемый клад новых сенсационных открытий! Я верю, что воспоминания о туркменской земле навсегда сохранятся в вашей душе. Я надеюсь, что гуманизм и величие духа народа, обладающего священной Рухнама, вдохновят вас на многие замечательные дела.

Счастья и удачи вам!

Пусть дух ваш высоким будет!

**Президент Туркменистана
Сапармурат ТУРКМЕНБАШИ**

ТУРКМЕНИСТАН — ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ОЧАГ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. И. САРИАНИДИ

Проведение в независимом нейтральном Туркменистане международной конференции "Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации" глубоко закономерно. Во-первых, за последние годы здесь созданы все необходимые условия для столь представительных встреч светил мировой науки: построены первоклассные отели, конференц-залы, оборудованные самой современной мультимедийной техникой, а главное, бесценные археологические находки — едва ли не основной предмет интереса иностранных гостей — теперь доступны для обозрения под сводами прекрасных дворцов, построенных для Национального музея Туркменистана и Музея изобразительных искусств имени Великого Сапармурата Туркменбаши. Во-вторых, именно туркменский лидер стал инициатором традиции проведения ежегодных конференций по гуманитарным наукам. Три из них непосредственно касались археологии и историко-культурных памятников Туркменистана: одна была посвящена сенсационным находкам в Анау древнейших в мире зерен белой пшеницы, другая — эпохе султана Санджара, третья — наследию Куняургенча.

И вот пришел черед ознакомить международную общественность с результатами наших исследований Гонур-депе в Марыйском велаяте, а через призму вновь открывшихся археологических фактов определить место древнего Туркменистана в мировой истории.

Мне посчастливилось быть непосредственно причастным к открытию и исследованиям легендарной страны Маргуш и я прежде всего хочу выразить самую искреннюю благодарность глубокоуважаемому Президенту Сапармурату Туркменбаши за его чуткое внимание к нашей работе, за его неоценимый вклад в открытие для всего мира неисчерпаемой глубины туркменской духовности, которая живет на этой благословенной земле целых пять тысячелетий. Все это с удивительным мастерством изложено им в Рухнама, которая продолжает завоевывать сердца людей, и по числу переводов на иностранные языки скоро может быть занесена в Книгу рекордов Гиннеса.

За долгие годы работы на туркменской земле, я пришел к глубокому убеждению в том, что современный Туркменистан является единственным центральноеазиатским очагом древневосточной цивилизации, где формировалась идеология Заратуштры, о чем сказаны точные и яркие слова в священной Рухнама: "Две с половиной тысячи лет назад Заратуштра, вышедший из страны Маргуш, проник в этот мир. Ведя на поводу своего рыжего верблюда, он восклицал: "Люди, поколнуйте огню, его светильники поведут вас правильной дорогой, осветят закоулки вашей души!"

Первые попытки освоения древней дельты Мургаба, ныне потерявшейся в песках Каракумов, местными южнотуркменистанскими племенами относятся к энеолитическому времени (IV тыс. до н.э.). Вплоть до последних веков III тыс. до н.э. таковых больше не было, либо мы еще не знаем об этом. Но установлено, что следующая, более успешная попытка относится уже к позднему, аккадскому периоду (2250-2000 до н.э.). Население ушло из этих мест около середины II тыс. до н.э. в связи с естественной миграцией самой реки Мургаб далее в западном направлении. За прошедшую почти тысячу лет здесь, в бассейне Мургаба, сложилась и расцвела древняя страна Моуру, или Маргуш, Маргиана, которая, занимая промежуточное положение между Месопотамией и долиной реки Инд, как теперь становится ясно, сыграла ключевую роль в палеоэкономике и культуре всего Ближнего и Среднего Востока.

Многочисленные монументальные дворцы и храмы, богатейший царский некрополь, древние произведения искусства со всей убедительностью свидетельствуют о существовании здесь еще одного, ранее совершенно неизвестного науке древнего центра мировой культуры, который может по праву быть назван центральноеазиатским.

Имея такие данные, мы вплотную подходим к вопросу: можно ли назвать Маргиану III-II тысячелетий до н.э. "цивилизацией", если в ней отсутствовала письменность? По мнению К.Ренфрю, цивилизация предполагает: 1) социальную стратификацию; 2) профессиональное ремесло; 3) постоянную централизованную власть, которая основывается на дворцах и храмах или городской общине (Renfrew 1973). Иначе говоря, столь авторитетный специалист полагает, что письменность не является обязательным условием для определения "цивилизации".

Отметим также, что строительство таких монументальных сооружений как маргианские дворцы и храмы, требовало сотни тысяч, если не миллионы кирпичей, которые надо было изготовить, высушить на солнце и доставить на место стройки. Это невозможно было бы осуществить без использования хотя бы элементарной "счетной письменности", столь необходимой для строительного контроля и отчета. Доказательством тому служат токины, найденные у главных ворот дворца Северного Гонура — скорее всего, они и служили для подобных целей (Илл.1).

Находки цилиндрической печати с клинописной шумерийской надписью (Илл.2), точно также как и харалпской с древнеиндийской (Илл.3), не оставляют никаких сомнений в том, что страна Маргуш в конце III-первой половине II тыс. до н.э. вовсе не была изолированным оазисом, а находилась в орбите

международных связей, представляя собой, судя по всему, северную границу древневосточного мира.

Совокупность исторических, литературных и лингвистических данных последних десятилетий достаточно убедительно свидетельствует в пользу восточно-иранского или, иначе говоря, центрально-азиатского происхождения Авесты. В свою очередь, многолетние систематические, а главное — крупномасштабные археологические исследования последних 35 лет на востоке современного Туркменистана, в зоне бывшей дельты реки Мургаб, благодаря которым в Каракумах была открыта целая сеть поселений эпохи бронзы, позволяют выдвинуть и обосновать новую теорию о том, что родиной и самой зороастрийской религии может являться Центральная Азия и, в частности, древняя Маргиана — наряду с другими центральноеазиатскими областями, еще слабо изученными в археологическом отношении).

Как теперь становится ясным, страна Маргуш представляет собой древнюю историческую область с ярко выраженными языческими верованиями, которые находят свое логическое продолжение в возникшей позднее первой мировой религии — зороастризме.

При всей дискуссионности этой проблемы ряд специалистов считают, что Заратуштра является продуктом арийской среды, то есть тех индоариев, которые веками кочевали на необъятных просторах степей Центральной Азии. А между тем, в Авесте говорится, что основная добродетель зороастрийцев — это прилежное занятие земледелием и усердная обработка земли. Отчетливо представляя, в какой высокой аудитории приходится мне делать это сообщение, я умышленно опускаю лингвистический и религиозно-философский аспекты зороастрийской проблемы. Как археолог, я постараюсь сделать упор на археологических доказательствах. Цель настоящего сообщения заключается не столько в том, чтобы опровергать старые теории происхождения зороастризма, сколько привести новые доказательства, основанные на совершенно неизвестных ранее в мировой науке фактических данных, происходящих в основном из археологических раскопок Маргианы.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ И ДОМАШНЯЯ ЛОШАДЬ

По мнению целого ряда специалистов, главным маркером в определении индоариев является домашняя лошадь. Эта тема породила море научной литературы, что, впрочем, не продвинуло решение индоевропейской проблемы вперед. Достаточно вспомнить, какой бум произвела датировка IV тысячелетием до н.э. домашней лошади в Дереевке, которая при проверке оказалась относящейся к скифскому времени!

Останки шести особей лошади обнаружены на Северном Гонуре в Маргиане. Одна (с отчлененной головой и хвостом) была похоронена на гонурском некрополе, останки другой оказались внутри кирпичного мавзолея в окружении погребальной керамики, украшенной двумя бусинками. Рядом с мавзолеем выстроена бесспорно культовая печь, предназначенная для совершения жертвоприношений (Илл.4). В высшей степени показательно, что в Авесте лошадь регулярно упоминается среди животных, которых приносят в жертву цари

и герои (Воусе 1989, Р. 151). Как не сопоставить этот факт с захоронением жеребенка на территории царского некрополя Гонура?

Упомянутая молодая лошадь без головы и хвоста, найденная на некрополе, невольно вызывает в памяти древнеиндийский ритуал *asvamedha* — "...возможно, наиболее эффектный" среди прочих (Mallory 1991, Р. 135). Три остальные домашние лошади были встречены в элитарных погребениях, из них одна молодая лошадь — в одной бесспорно царской гробнице (погр. № 3200), вторая. Также молодая, оказалась прихороненной снаружи к погребальной цисте № 3310, вместе с другими жертвенными животными, а нижняя челюсть третьей находилась среди останков других жертв возле цисты 2900. Кроме того, в царских могилах найдены полуистлевшие деревянные колеса от четырехколесных повозок, или колесниц. Эти колеса были без спиц и состояли из трех сплошных плах, скрепленных двумя поперечными рейками. Сами колеса могли иметь односторонние втулки, хотя на Гонуре были известны и двусторонние, о чем свидетельствуют их керамические модели. Все колеса повозок (или колесниц) из царского некрополя были оббиты снаружи шестью бронзовыми ободьями (шинами), которые крепились к деревянной основе специальными массивными заклепками (Илл.5).

Судя по полученным данным, лошади, обнаруженные в царском некрополе, относятся к последним векам III тысячелетия до н.э., в то время как вышеупомянутый жеребенок из мавзолея мог быть погребен несколько позднее — на рубеже III-II тыс. до н.э. В высшей степени показательно близкое сходство, если не сказать идентичность составных бронзовых ободьев из Бактрии, Маргианы и Элама. Изделия из трех этих областей настолько похожи, что создается впечатление, будто они вышли из рук одного мастера. Все эти факты не оставляют сомнений в том, что древнейшая лошадь появилась именно в указанных регионах древневосточного мира. Южный Туркменистан также был родиной одомашненной лошади. Путем селекции через тысячелетия туркменский народ смог вывести прекрасную ахалтекинскую породу.

ХРАМЫ

До самого последнего времени в Маргиане раскопано четыре храма (храм огня Северного Гонура, теменос Гонура, Тоголок-1 и Тоголок-21), представляющие собой обособленные монументальные здания, посвященные огню и соме-хаоме. В самые последние годы крупномасштабные раскопки на Северном Гонуре выявили уникальный для всей Центральной Азии дворцово-культурный ансамбль с несколькими храмовыми комплексами внутри (Илл.6-7). Эти комплексы не имеют своих собственных оборонительных стен, а напротив, все соединены между собой общими проходами и, когда это можно установить, посвящены разным богам.

Уже давно было обращено внимание, что в Авесте храмы не упоминаются, из чего М. Бойс сделала однозначный вывод: до парфяно-сасанидского времени зороастрийцы вовсе не знали храмов, а свои богослужения они совершали на пустом, открытом месте. Однако, уже М. Дандамаев и В. Луконин обратили внимание, что бесспорный храм огня Тепе Нуш-и-Джан в древней Ми-

дии, относящийся к началу I тысячелетия до н.э. и находившийся на пути известных ассирийских походов на Восток, также не упоминается в ассирийских анналах. Эти исследователи прямо указали, что "это самое раннее из пока известных храмовых сооружений, существовавшее, по-видимому, еще до реформы Зороастра" (Дандамаев, Луконин 1980, с. 90), с чем следует полностью согласиться. Особенно большое внимание этой сложной и чрезвычайно принципиальной проблеме уделили Б.А.Литвинский и И.Р.Пичикян, вполне убедительно доказавшие, что, по крайней мере, уже в середине II тыс. до н.э. монументальное сооружение Джаркутан представляло собой типичный храм (Литвинский, Пичикян 2000, с. 242-247).

Точно также нигде в Авесте не упоминаются дворцы, хотя один такой бесспорный дворец раскопан совсем недавно в центре ансамбля Северного Гонура. Существовали в Маргиане и небольшие, провинциальные дворцы (как, например, Аджикуи). Все эти данные не оставляют никаких сомнений в существовании монументальных светских сооружений.

Однако, все раскопанные древности страны Маргуш относятся к до-зороастрийскому, языческому времени, и Заратуштра вполне мог упразднить эти сооружения (как это предполагается, например, для культа напитка сома-хаома). Однако для этого нет пока прямых археологических данных. Напротив, приходится удивляться, как много языческих культов и традиций, ставших нам известными благодаря раскопкам памятников страны Маргуш, продолжают существование в зороастрийской религии. Видимо, правильнее видеть в этом многовековое существование дозороастрийских традиций, которые реформировал и включил в свое учение Заратуштра.

ХРАМЫ СОМЫ-ХАОМЫ

В настоящее время известны три храма, посвященных стимулирующему напитку наподобие сомы-хаомы. Самый ранний в системе всей Маргианы (рубеж III и II тыс. до н.э.) раскопан весной 2006 г. рядом с царским некрополем на юго-восточной окраине Северного Гонура. Возможно, не случайно он располагается за пределами внешней обводной стены комплекса. Иначе говоря, когда возводилась обводная стена дворцово-культурного ансамбля, храм этот не был включен внутрь нее и остался снаружи.

Это небольшое сооружение, планировочный принцип которого представляет собой "двор в обводе коридоров" (Илл.8). В одном из его помещений встречено несколько крупных пифосов, обмазанных толстым слоем гипса, переходящего на пол самого помещения и препятствуя просачиванию наружу находившейся внутри них жидкости (предположительно — хаомы). Все остальные помещения также имеют обмазанные гипсом полы. Здесь найдены фрагменты культовых сосудов с налепными фигурками людей (с расставленными в стороны руками), животных, лягушек и рыб. Глядя на план постройки и судя по набору находок можно заключить, что это здание представляет собой небольшой храм, связанный с процессом приготовления сомы-хаомы.

Следующий по времени небольшой храм выявлен на территории теменоса Гонура. Центральную часть это сооружения составляет также "двор в обводе

коридоров". Здесь проходили культовые церемонии, главное место среди которых занимали культовые возлияния. Доказательством тому служит много позже встроенная т.н. "белая комната" (пом. 137), где и проходил процесс приготовления сомы-хаомы (Илл.9). Среди сделанных здесь находок выделяются практически целые "керамические подставки", прямо связанные с приготовлением сомы-хаомы (преимущественно из конопли — по определению профессора МГУ Н.Мейер-Меликян), а так же фрагменты бесспорно культовых сосудов со скульптурными фризами по венчику. Выделяется находка плоского камня с полукруглой выпуклостью в центре, при помощи которого выжимались (а не перетирались!) алкалоидные растения.

Вся остальная внутренняя территория теменоса занята обычной застройкой (жилые дома и хозяйственные сооружения) и служила местом обитания людей, вся жизнь которых была связана с обслуживанием теменоса. В таких помещениях встречено свыше 30 пифосов и так называемые ванночки, обмазанные изнутри толстым слоем гипса. Среди ремонтной обмазки и были обнаружены в большом количестве остатки конопли. Как известно, алкалоидные растения обладали дурным запахом, для устранения которого необходимо их отмачивать в специальных емкостях — таких как пифосы и "ванночки". Лишь потом они пригодны для приготовления стимулирующего сока, который в Авесте называется хаома, а в Ригведе — сома.

Сельский храм Тоголок-1 и, особенно, "классический" храм Тоголок-21 также представляют собой храмы, связанные с сомой-хаомой и с ритуалами культовых возлияний. Оба они давно опубликованы и не нуждаются в подробном изложении. Отметим лишь, что подобно теменосу Гонура, центральную часть их составляет планировочный принцип "двор в обводе коридоров". Рядом с центральными помещениями располагаются "белые комнаты", в которых протекали процессы приготовления стимулирующего напитка, в гипсовой обмазке которых также обнаружены следы алкалоидных растений (эфедра и конопля) и пыльца мака (Мейер-Меликян 1990, с.203-205, Fig. CV-CVIII).

При раскопках "кафедрального" храма Тоголок-21 встречены практически все необходимые для приготовления сомы-хаомы артефакты. Помимо эфедры и конопли, а так же большого количества крупных пифосов и "ванночек", в которых они размокали и теряли дурной запах, обнаружено много каменных ступок и "зернотерок". Керамические подставки, ситечки для процеживания полученного сока от обломков стеблей растений, а так же культовые сосуды со скульптурными фризами по венчику и многое другое дополняют специфический набор предметов храмов Маргианы.

Совершенно очевидно, что скульптурные наклепные фризы на венчиках (Илл.10) и фигурки на внутренней поверхности донцев культовых сосудов не являются бездумной фантазией древних мастеров, а представляют собой "цитаты" или "конспекты" тех мифов, что были широко распространены среди древних маргушцев и были связаны с культом сомы-хаомы.

В авестийских текстах хаома выступает как "Древо бессмертия", которое растет на острове в океане Ворукаша и охраняется от лягушек и ящериц (змеи) священной рыбой Кара, что может быть сопоставлено с вышеперечисленными терракотовыми фигурками от культовых сосудов (лягушки, змеи-ящерицы,

рыбы), встреченных при раскопках маргианских храмов. Если вспомнить, что такие сосуды с налитой в них хаомой до определенной степени напоминали собой водную гладь (модель моря), в которой плавают лягушки и ящерицы-змеи, то рыбы могут изображать тех рыб-охранительниц, о которых говорится в Авесте, и которые отгоняют змеиных драконов и лягушек от корней этого мирового дерева. Только на таких культовых сосудах изображались нацарапанные изображения в виде дерева (Древо жизни?), по сторонам которого стоят козлы. Можно предположить, что такие сосуды, наполненные жидкостью, символизировали море Ворукаша.

Как известно, приготовление и употребление сомы-хаомы составляет основную часть зороастрийского богослужения, что находится в полном согласии с вышеприведенной археологической ситуацией, выявленной в Маргиане.

ДВОР В ОБВОДЕ КОРИДОРОВ

В храмах Маргианы уже упоминавшийся архитектурный блок "двор в обводе коридоров" составляет основной планировочный принцип, который всегда располагается в центре храма (теменос Гонура, Тоголок 1 и 21). Считается, что этот планировочный принцип имеет сирийское происхождение (Хабиба Кабира, IV тысячелетие до н.э.), откуда он проникает в Центральную Азию и, в том числе, в Маргиану вместе с пришлыми племенами.

СЛЕПЫЕ ОКНА

Слепые окна — это глухие стенные ниши, оформленные с обеих боковых сторон зубчатыми выступами (Илл.11). Как правило, они начинаются на высоте 35-40 см от пола помещений и предположительно могут доходить до потолка. "Слепые окна" располагаются в особых, знаковых, преимущественно культовых помещениях, но не являются алтарями.

"Слепые окна" всегда располагаются в интерьерах храмовых помещений и бесспорно являются знаковыми архитектурными блоками внутреннего декора. Самые ранние слепые окна известны в Месопотамии в Тепе Гавра (IV тысячелетие до н.э.) а самые поздние — в Тепе Нуши-Джан (Мидия), где они относятся к началу I тысячелетия до н.э. В высшей степени показательно, что в месопотамском храме Телль Брак алтарь имеет форму "слепого окна", фланкированного с обеих сторон небольшими полуколоннами и ступеньками перед ним.

Известны святилища с пятью такими "слепыми окнами", два из которых фланкируют с обеих сторон находящуюся между ними культовую печь как, например, в храме огня Северного Гонура (где они располагаются в отдельном стоящем святилище). Близкие по планировке и внутреннему декору святилища раскопаны в Годин Тепе (Мидия), где они датируются рубежом IV-III тысячелетиями до н.э., а так же в Тилля (Анатолия, ассирийское время), включая этот район в область, откуда они распространяются вплоть до Мари и Центральной Азии и, в том числе, до Маргианы. Судя по всему, все такие "новшества" попали в Маргиану вместе с пришлыми племенами, которые принесли их вместе с собой в виде "архитектурной памяти".

ВАРА

В археологической литературе уже давно используется термин вара, обозначающий "крепость", "усадьба". Традиционно считалось, что это укрепленный четырехугольный в плане памятник, который упоминается в Авесте. Однако, когда в Южной Бактрии был раскопан "круглый храм" Дашлы 3, проф. Б.Брентъес и проф. К.Йеттмар независимым путем пришли к выводу, что это могло быть круглое (а не квадратное) сооружение с тремя концентрическими обводными стенами. Они сопоставили его с авестийской Варой. Эту идею поддержал известный индолог А.Парпола, прямо отметивший, что это соответствие очень близкое. Не ограничившись этим, он дополнил это сходство с данными Ригведы, где упоминается форт, также состоящий из трех круглых обводных стен.

Еще раньше проф. Дж.Туччи нашел возможным сопоставить второе монументальное здание, расположенное в том же пункте Дашлы 3 с мандалой, где проходили коронации индоиранских божеств. Доказательством тому, по мнению Дж.Туччи, является тот факт, что помещения, расположенные по середине каждой из четырех фасовых сторон этого монументального сооружения, образуют в плане огромную букву "Т", которые не только присутствуют в зданиях типа мандала, но и могли иметь тоже назначение. К сказанному добавим, что аналогичная планировка в виде буквы "Т" имеется в северной Бактрии на поселении Сапалли-тепе. Налицо их планировочное и типологическое сходство, за которым скрывается культовая, религиозная общность.

Сравнительно недавно этот вопрос специально рассмотрел И.М.Стеблин-Каменский. Он убедительно показал, что вара обозначает на самом деле не квадратное, а круглое здание с тремя кольцевыми стенами, в первой из которых сделано 9 проходов, в средней — шесть, а в последней — три, что, по его мнению, достаточно близко соответствует археологическому плану храма Дашлы 3. Здесь так же центральная часть отграничена от прилегающей периферийной тремя концентрическими стенами, причем внешняя стена точно также имеет девять миниатюрных "башенок" со сквозными проходами, ведущими в прилегающую обводную галерею. Две другие круглые стены также имеют несколько плохо сохранившиеся проходы, но точное их количество не устанавливается.

Итак, центральная часть храма Дашлы-3 состояла из трех концентрических стен с проходами и "башенками", заключающими внутри себя два святилища с подиумами, культовые камерные алтари, вознесенные на невысокие платформы, а так же культовые "кельи", составлявшие все вместе сакральную часть всего этого храмового комплекса.

Центральное круглое здание Дашлы-3 окружено со всех сторон рядовой, бесспорно бытовой застройкой, состоящей из плохо и небрежно выстроенных жилых домов и еще больше хозяйственных построек, обитатели которых подобно жителям теменоса Гонура, видимо, обслуживали центральный храм. Вся раскопанная планировка до определенной степени напоминает авестийскую вару, в которой первочеловек Йима построил "дома для людей и загоны для скота". Раскапывая тридцать лет назад эту периферийную часть памятника

Дашлы 3, я невольно обратил внимание, что постройки здесь резко отличаются не только от ее сакральной части, но и от обычных рядовых памятников большой небрежностью в строительстве тонких стен и т.д.

Как заметил академик Б.А.Рыбаков, девять "башенок" могут обозначать девять месяцев беременности, что находит свое подтверждение в том же отрывке, касающемся вары, где говорится: "И туда, за ограду, в безопасную обитель отнеси семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. ...И всех сделай по паре, пока люди пребывают в варе". Все эти наблюдения могут намекать на связь вары с идеей всеобщей плодovitости и всяческого плодородия.

Как бы то ни было, назначение обоих монументальных сооружений в пункте Дашлы 3 в качестве подлинных храмов в настоящее время не вызывает никаких сомнений, выделяя это место как культовый центр в системе всей Южной Бактрии и до определенной степени напоминая дворцово-культовый ансамбль Гонур-депе.

АЛТАРИ ОГНЯ

Алтари огня храмов Маргианы, в полном согласии с Авестой, всегда невысокие и "располагаются на уровне глаз сидящего человека" (высотой не более 0,5 м). Все обнаруженные алтари делятся на два основных типа — прямоугольные и круглые. Первые из них вырыты в материке в виде прямоугольных камер, облицованы изнутри сырцовыми кирпичами и всегда вытянуты в одну цепочку от трех (теменос Гонура) до четырех (храм огня Северного Гонура) и даже пяти камер (Тоголок-21). Судя по всему, в таких прямоугольных алтарях горел неугасимый или, иначе говоря, "вечный" огонь, которому молились, ибо он являлся священной субстанцией. М.Бойс вполне справедливо замечала, что "огонь, обладая ярким и живым обликом, вызывал поклонение гораздо легче, чем идолы из дерева или камня" (Бойс 2003, с.103).

Кроме того, если обратиться к раскопанным храмам огня Маргианы, то можно установить, что алтари огня, хотя и располагаются внутри храмов, но всегда во внутренних дворах (теменос Гонура) или "световых колодцах" (Тоголок-21), т.е. под открытым небом. Общеизвестна планировочная схема: алтари огня стояли в храмах, но в местах, недоступных для непосвященных (в укромных помещениях, за высокими, глухими стенами), и непременно под открытым небом. Вообще же зороастрийцам не рекомендовалось прямо смотреть на огонь и следовало прикрывать глаза. Хотя М.Бойс была глубоко убеждена, что "...нигде в древней части Авесты нет какой-либо ссылки на огонь, помещенный в специальное место", это еще не свидетельствует, что у индоиранцев не существовали алтари огня.

Второй тип демонстрируют круглые, но разномасштабные алтари ("большой" и "малый") предназначенные для жертвоприношений (Тоголок-21). Большой алтарь, вырытый в материке (глубиной 3 м), имеет полусферическую внутреннюю поверхность с небольшим очажком в центре. Жирные кусочки мяса, положенные на край алтаря, растапливаясь от жара, естественным путем стекали по сферической плоскости алтаря вниз к центральному очажку, где со-

прикасались с тлеющими угольками. Огонь вспыхивать еще ярче и вместе с дымом поднимался вверх на небо. Удивительно, но практически такое же описание совершения жертвоприношений иранцев сохранили нам античные авторы (Онесикрит, Страбон), а также путешественники XVII в.

Жировое "пятно", найденное на полусферической поверхности алтаря Тоголок-21, было передано для анализа в лабораторию МГУ, где подтвердили, что оно имело жировую консистенцию. Жир был смешан с угольками и косточками мелкого рогатого скота. Здесь же у входа в алтарь найдена костяная трубочка (с лицевым изображением и преувеличенно большими глазами) для культового возлияния. Эти факты дают веские основания предполагать, что в "большом" алтаре происходили жертвоприношения и культовые возлияния многочисленным божествам языческой страны Маргуш. Если напомнить, что на Северном Гонуре имелось большое количество культовых двухкамерных печей (см. далее), предназначенных для приготовления жертвоприношений, а в самый поздний период в храме Тоголок-21 найдена только одна подобная печь, то можно допустить намечающуюся тенденцию к объединению культов и их совершению на одном алтаре.

Второй, или "малый" алтарь (с плоским, а не полусферическим дном) на Тоголок-21 оказался заполненным сплошной золой и сгоревшими ветками с "прилипшими" к ним карбонизированными костями животных (овец и коз). Пережженные кости затем использовались в культовых целях, особенно в погребальных обрядах.

ПАВИ

Рядом с прямоугольными алтарями располагаются парами так называемые "платформы" или, иначе, пави, которые упоминаются в Ригведе. Они представляют собой прямоугольные площадки-выстилки, стены которых изначально не превышают высоты полуметра. Таким образом, эти сооружения никогда не имели кровли, оставаясь под открытым небом. По поверьям древних, на таких огороженных площадках восседали боги, в честь которых возжигался огонь в алтарях (теменос Гонура, Тоголок-21).

ХРАНИЛИЩА СВЯЩЕННОЙ ЗОЛЫ

Едва ли случайно рядом с самыми ранними алтарями храма огня Северного Гонура, точно так же как и с алтарной площадкой гонурского теменоса располагаются вырытые в материке (или, напротив, выстроенные на дневной поверхности) круглые или прямоугольные контейнеры, облицованные изнутри сырцовыми кирпичами. Все они были заполнены чистой белой золой. (Подробное описание подобных контейнеров см: Литвинский, Пичикян 2000, с.337-340). Условно названные "хранилищами священной золы", они содержали ритуально очищенные продукты горения, скорее всего, предварительно просеянные через особую ткань. Такую золу затем раздавали в храмы более низкой категории. Как известно, культ золы занимает большое место в практике зороастризма, так, что даже бытовало выражение "зола — одеяние огня". Особое

отношение к золе составляет важнейший элемент зороастрийского культа огня. Даже храмы огня воспринимаются как места скопления золы.

Покидая такие культовые сооружения, в последний момент маргушцы наглухо закладывали сверху эти хранилища сырцовыми кирпичами во избежание возможного осквернения их в будущем людьми или животными.

КУЛЬТОВЫЕ ДВУХКАМЕРНЫЕ ПЕЧИ

Двухкамерные (в единичных случаях трехкамерные) печи для приготовления жертвенной пищи представляют собой характерное отличие архитектуры дворцово-культового ансамбля северного Гонура (Илл.12). Все они однотипны и разделены внутри поперечной перегородкой на две камеры, из которых меньшая по размерам всегда сильно обожжена внутри и представляла собой топку. Вторая, гораздо большая, слабо обожжена и являлась "духовкой". Между топкой и духовкой располагается невысокая (не доходящая до потолка) перегородка, которая разделяет их между собой. Такой конструктивный прием препятствовал проникновению языков пламени из топки в духовку и соответственно прямому соприкосновению огня с приготавливаемым жертвоприношением (преимущественно с сырым мясом). Иначе говоря, печи такой конструкции позволяли приготовить жертвенное мясо без осквернения "чистой" стихии — огня "нечистым" окровавленным мясом.

Все такие печи, в сущности, представляют собой алтари для приготовления жертвенной пищи. Как правило, они покоятся на полах помещений и только в единичных зданиях общественного назначения вознесены на небольшие платформы.

ПОГРЕБЕНИЯ

Общеизвестно, что погребальная обрядность — самая консервативная в человеческом сознании у всех народов. Зороастрийцы также не являются исключением в этом смысле. В основе их погребальных ритуалов "лежит стремление оградить священные стихии [и в первую очередь землю, воздух, воду и огонь] от осквернения" (Крюкова, Хисматуллин 1997; Мейтарчян 1999). Раскопки некрополя Гонура выявили около трех тысяч могил, относящихся к концу III — первой половине II тысячелетия до н.э. которые в самое ближайшее время будут опубликованы антропологом Н.А.Дубовой.

В процессе раскопок был сделан ряд важных наблюдений, которые могут быть объяснены с точки зрения зороастрийской погребальной обрядности.

Решительное большинство умерших Гонура погребены в шахтных могилах (около 85%) и только незначительная часть (около 11%) — на окраине некрополя в простых ямных могилах вместе с бедными погребальными приношениями. Характерной особенностью части ямных могил является сплошное (до яркого красного цвета) обожжение их изнутри еще до погребения покойника и тот документально установленный факт, что многие могилы вообще не содержат остеологического материала, или имеются лишь разрозненные кости человеческих скелетов (всего таких сооружений — 196, из них костные останки

найлены в 47). Меньше всего встречено таких обожженных могил с целыми скелетами, но в этом случае практически все они несут следы патологических процессов. Так, в трех таких могилах найдены три карлика (останки еще одного были обнаружены в царской гробнице 3230) и один ребенок, страдавший батрокефалией (подробнее см.: Дубова 2004). О том, что горбуны считались "нечистыми", свидетельствует Авеста, где неоднократно говорится: "Пусть там не будет ни горбатых спереди, ни горбатых сзади...".

Иначе говоря, в обожженных могилах хоронились преимущественно умершие, отличавшиеся при жизни явными физическими недостатками, которых могли хоронить только на окраине могильников. Чтобы не осквернить такими покойниками "чистую стихию" — землю — могилы предварительно обжигали изнутри огнем и лишь потом хоронили в них увечных (иначе говоря, "нечистых") умерших (более подробно см.: Сарияниди 2001). Налицо аналогичная отмеченной выше ситуации, когда при приготовлении жертвоприношений использовались двухкамерные культовые алтари. Сомнения, высказанные М.Бойс, что для очищения от скверны не могли использовать "чистую стихию" огонь, опровергаются всем комплексом данных, полученных в ходе раскопок ансамбля Северного Гонура.

В нескольких обожженных могилах Гонура были встречены кости собак и даже целый скелет собаки, что может указывать на двойственное отношение к этому животному.

Есть все основания предполагать существование у древних маргушцев сложных заупокойных ритуалов, доказательством чего служит "комплекс погребальных ритуалов" во дворце Северного Гонура. В этом комплексе рядом с фасадным входом, через который вносили покойника, располагается грубо пробитая "брешь" или "пролом", через который тело усопшего выносили по завершении части похоронных обрядов. В Вендидате прямо говорится: "И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяснийцы в этом доме брешь прорежут".

Главное место в заупокойных церемониях гонурцев занимали ритуальные обмывания покойника, которые проводились в специальной комнате комплекса. Использованная "оскверненная" вода выводилась при помощи специально устроенного дренажа, состоящего из трех составленных вместе гончарных труб, которая и была раскопана в "комплексе погребальных ритуалов" дворца Гонура.

В том же дворце, во дворе царской резиденции располагается небольшой микрокомплекс, одно из помещений которого предположительно может представлять собой раннюю дахму, которая, по справедливому мнению Б.А.Литвинского, представляла собой дахму-мавзолей. В "дахме" гонурского дворца обнаружены хаотически перемешанные кости не менее чем десяти человек. Последний умерший был положен на пол помещения в скорченной позе (но без головы!), а вход был заложен кирпичами "в сухую", чтобы его было легко разобрать при захоронении очередного умершего. Внутри помещения, на полу около стен сохранились четкие следы глинистых дождевых натеков, указывая предположительно на особую конструкцию перекрытия этого помещения, дающего возможность хищным птицам проникать внутрь.

Вообще же о практике выставления трупов на дахму с бесспорностью свидетельствует типичная перегородчатая печать, происходящая из Бактрии и переданная мне для публикации американским коллекционером Р.Гарнером. Печать сохранила явно сюжетную композицию с изображением двух покойников, лежащих в скорченном положении (поза маргианских покойников!), головы которых расклеивают хищные грифы, а к ногам подбирается собака. Вся композиция передает идею очищения скелетов от мягких тканей (Илл.13).

В храме Тоголок-21 встречен амулет с изображением покойника в скорченной позе с согнутыми ногами, которого сверху терзает рогатое чудовище, абсолютно точно повторяющее аналогичного рогатого монстра, изображенного на одном сиро-хеттском цилиндре. Не доказано, но в высшей степени вероятно, что эта композиция изображает известный зороастрийский эпизод, когда трупная муха Насу набрасывается на только что умершего человека (Илл.14). Из района города Кандагара (Афганистан) происходит амулет с гравированной композицией, изображающей лежащего на возвышении со скорченными ногами человека, которого сверху терзает орел. Возможно, не случайно, что такие птицы (предположительно грифы) всегда расклеивают головы людей, с чем можно сопоставить погребения с отчлененными головами в некоторых могилах Гонура.

Разумеется, приведенных данных еще не достаточно для утверждения существования погребальных дахм в Маргиане, но вышеприведенные композиции на печатях и амулетах делают такое предположение весьма вероятным. Бесспорные дахмы существовали в Бактрии, что документально засвидетельствовали греческие античные историки, так что такой обряд, вполне возможно, существовал и в Маргиане.

Наконец, камерные гробницы, обнаруженные в некрополе Гонура, представляют собой модели обычных домов (а точнее, спален), что, по мнению М.Гимбутас, а затем и Джонс-Блей было характерно исключительно для индоевропейских и, в частности, индоиранских погребальных сооружений. Как правило, они двухкамерные (одна камера служила собственно усыпальницей, во второй помещались погребальные приношения), а их интерьеры изображают внутреннюю обстановку обычных жилых домов. Всего в некрополе Гонура обнаружено 47 таких гробниц, которые, безусловно, ведут свое происхождение от царских гробниц Северного Гонура (особенно гробница № 3235). Эти гонурские погребальные сооружения восходят к гробницам бассейна Среднего Евфрата, которые так же изображают модели домов (Халава, Лидар, Хадиди и др). Все гробницы такого рода и в Сирии, и в Маргиане принадлежат местной элите и представляют собой фамильные склепы с коллективным, последовательным способом захоронений. Особенно показательны такие гробницы в Барсипе, относящиеся к середине — второй половине III тысячелетия до н.э. и, таким образом, предшествующие по времени гонурским мавзолеям. Показательны также погребения и в могильнике Талл Туттул в Сирии (относящиеся к 2600-2100 гг. до н.э.), где, подобно Гонуру, параллельно с такими практиковались и шахтные захоронения (Strommenger, Kohlmeyer 1998, p.51).

Камерные гробницы Гонура в виде моделей домов достаточно близко напоминают сирийские *hurogaeum* и, скорее всего, попали в Маргиану вместе с

пришлыми с далекого запада племенами. В районе озера Урмия такие камерные гробницы устраивались до ахеменидского времени, выделяя этот район вместе с Северной Сирией в ту историческую область, где раньше всего зародились и дольше всего сохранялись подобные погребальные традиции.

ВТОРИЧНЫЕ МОГИЛЫ

При раскопках практически всех камерных гробниц и (единичных шахтных) было установлено, что они не имеют скелетов, а содержат лишь "костяное крошево", состоящее из мельчайших костяных осколков и костяной "пыли". Создается впечатление, что такое положение создалось в результате изъятия со своего места уже разложившихся останков и переноса их в другое место. Такие "вторичные" могилы еще раньше обнаружил Дж.Туччи в Северном Пакистане (долина реки Сват). В частности, он пишет: "...они пустые, исключая несколько очень мелких осколков, что по-видимому указывает, что покойник лежал в могиле определенное время, после чего изымался оттуда" (Tucci 1977, p.26). Кроме того, "вторичные" захоронения отмечены в Бактрии и Белуджистане, то есть в зоне существования БМАК.

Авеста рассматривает выкапывание трупов как "достойное занятие". Так, на вопрос "Кто первым эту землю наибольшим убогствованием убогстворяет? Ахурамазда отвечает: "Когда больше выкапывает останков ...мертвых людей" (Видевдат, 3, 12). Я далек от мысли прямого сопоставления вышеприведенных археологических фактов и наблюдений с данными Видевдата, но и вряд ли стоит игнорировать столь редкие погребальные обряды "вторичных" захоронений и не сопоставить их с погребальными обрядами маргушцев.

ХРАМ ВОДЫ

Как известно, зороастрийцев называют огнепоклонниками и в такой же степени водопоклонниками. Только огню и воде они совершают ежедневные жертвоприношения и моления.

Храм воды расположен в южной части дворцово-культового ансамбля Северного Гонура, где имеется огромный, предположительно естественный водоем (длиною 180 м, шириною 85 м при глубине 1,5 м), который наполнялся водой из реки Мургаб при помощи дренажной системы, состоящей из составленных вместе гончарных труб. Вдоль южной береговой линии в цепочку вытянуты многочисленные, соединенные общими проходами помещения, часть которых имеет культовые двухкамерные печи и, в том числе, вознесенные на невысокие платформы. Думается, выявленный строительный комплекс представляет собой подлинный храм воды, располагавшийся у огромного водоема.

На прямую функциональную связь воды бассейна и берегового строительного комплекса указывает тот факт, что по мере постепенного обмеления водоема, ниже по берегу (и, соответственно, ближе к воде) были вырыты широкие террасы, на которых возводились новые помещения с культовыми печами внутри. Иначе говоря, вслед за "убегающей" водой строились культовые поме-

щения, что позволяло жрецам находиться в постоянной близости от воды бассейна и без затруднения совершать культовые церемонии.

Рядом с "большим" бассейном располагается "малый" водоем, внутри которого устроен кирпичный пустотелый внутри "отстойник", заполненный большим количеством камыша, куда вода поступала через специальный желоб из "большого" водоема. Мутная вода из Мургаба через желоб заполняла "отстойник" водой, там она отстаивалась, а затем вытекала через специальное отверстие уже очищенной и прозрачной. В таком виде она могла использоваться для культовых церемоний, в том числе для приготовления культовой пищи. Во всяком случае, вода должна быть очищена перед тем, как ее выпьет Бог дождей (Рак 1998, с. 108). По крайней мере, в позднезороастрийских храмах непременно устраивались водоемы, предназначенные для жертвоприношений воде.

Существование достаточно сложных водоподъемных сооружений можно предполагать по остаткам керамических труб и обожженных кирпичей, сохранившихся к моменту раскопок между перемышкой обоих водоемов, что позволяло перекачивать воду из большого в малый бассейн.

Воды в Авесте прямо называются "женами Ахурамазды", а богине рек и вод Ардвисуре посвящен едва ли не самый древнейший из яштов. Одним словом, имеются все основания предполагать, как глубоко у индоиранцев было распространено почитание воды и водных потоков (более подробно см.: Литвинский, Пичикян 2000, с. 312-324). Соединение в одном комплексе естественного озера и храма известно в Тахт-и Сулеймане, что достаточно близко напоминает ситуацию, обнаруженную в ансамбле Северного Гонура. В обоих случаях храм и озеро обведены общей стеной, составляя единый архитектурный комплекс. Близкая картина прослеживается и в Кухи-Хваджа, где храм располагается на берегу озера, а так же в Джаркутане (Северная Бактрия).

ПЛОЩАДИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАПЕЗ

Внутри дворцово-культового ансамбля северного Гонура раскопаны три обширные последовательно существовавшие площади под открытым небом (самая крупная свыше 500 кв.м). Все они ровные и без каких-либо сооружений наподобие алтарей или жертвенных мест. Сверху сплошь перекрыты черным, пережженным культурным слоем вперемежку с большим количеством костей животных и битой керамики толщиной свыше 0,5 м. Рядом с каждой такой площадью имеется по одному водоему, куда дождевая вода поступала с прилегающей равнины по специально вырытым для этого канавам. Эти бассейны, скорее всего, предназначались для культовых омовений. Здесь же рядом с площадями располагается анфилада небольших помещений с большим числом культовых двухкамерных печей внутри, о которых речь шла выше.

Все вышеприведенные археологические факты указывают, что на этих площадях проходили так называемые "общественные трапезы", которые у иранских зороастрийцев в Авесте называются Иза, а у индийских арийцев в Ригведе — Ида. Специальным образом приготовленное в культовых печах мясо подавалось всем участникам, сидевшим на площади, и поедалось ими "с особой концентрацией ума и духа" (М. Бойс). По мнению большинства лингвистов,

Ида-Иза представляла собой божественную силу, присутствующую в пище, к которой приобщались все, кто принимал участие в таких общественных трапезах.

ДУАЛИЗМ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОЙ ГЛИПТИКИ И СФРАГИТИКИ

Глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы представляют собой особое явление в системе всего Древнего Востока. Хотя большинство таких изделий украшены простыми геометрическими орнаментами, имеются крупные амулеты со сложными, явно сюжетными композициями, представляющими собой своего рода "цитаты" или "тезисы" тех мифов, что были распространены в маргушском обществе в III-II тысячелетиях до н.э. и были понятны каждому жителю.

Генеральной темой таких повествовательных композиций бактрийско-марганской глиптики является, по выражению П.Амье, "фаллический символизм", что находит свое выражение в композициях, на которых изображены реальные змеи и фантастические змеиные драконы, всегда в противоборствующей позиции. Как правило, они преследуют парнокопытных (реже птиц) и обычно тянутся к их задним ногам с целью похитить у них "живительное семя", олицетворяющее собой идею всеобщего плодородия, продолжения жизни на земле.

Между ними идет постоянная бескомпромиссная борьба за право обладания "живительным семенем". Есть веские основания считать, что змеи олицетворяют собой положительные по отношению к человеку силы, в то время змеиные драконы символизируют собой силы зла. Так, на каменных амулетах (реже на медно-бронзовых печатях) изображены пожирающие друг друга змеиные драконы. И это неспроста: ведь существа, поедающие себе подобных, в человеческом восприятии вызывают невольное отвращение. Как правило, змеиные драконы изображены с широко раскрытыми пастьми, вытаращенными глазами, нередко с крыльями и рогом на носу. Как можно судить по тем же композициям, змеи олицетворяют собой положительные по отношению к людям силы (Sarianidi 1998a), так что такие композиции со сценами борьбы змей и змеиных драконов, в конечном счете, передают борьбу добрых и злых сил.

Эта генеральная тема бактрийско-маргианской глиптики прослеживается на многих сотнях, если не тысячах печатях и амулетах. Так иллюстрируется универсальная идея борьбы Добра и Зла. На некоторых амулетах победителем из этой борьбы выходят змеи, в другом — змеиные драконы, из чего можно заключить, что победа не была predetermined заранее, а зависела от многих факторов. Думается, что композиции со сценами борьбы змей и фантастических змеиных драконов выражают собой характернейшую черту последующего зороастризма: резко выраженный дуализм этого учения.

Наряду с такими персонажами известны изображения фантастических крылатых животных, всегда показанных убегающими в паническом ужасе (с широко раскрытыми пастьми) от змеиных драконов, расположенных под их животами и тянущихся к их задним ногам.

Среди поистине безбрежного моря сюжетов бактрийско-маргианской глиптики и сфрагистики обращает на себя внимание небольшая, но исключительно важная группа печатей и амулетов с однотипными изображениями, передающими образ героического персонажа древнеиранского эпоса (Илл.15).. В Авесте он характеризуется так: "у него торчащие, изогнутые (курсив мой — В.С.) волосы, свирепый, звериный вид". Почти не остается сомнений, что это словесное описание Керсаспы на всех вышерассмотренных амулетах. По мнению М.Бойс, легенды о нем зародились в восточноиранском мире, предположительно в Сеистане (Boys 1989, p. 102).

Независимо откуда происходят такие изображения (из Бактрии или Маргианы), они всегда передают мужской образ героя с жесткими, слегка изогнутыми волосами на голове, всегда разделенными на две пряди, с бешено вытаращенными, круглыми от злости глазами, с пышными усами и длинными бакенбардами, расчесанными на две стороны. Нередко руки заканчиваются не ладонями, а головами змей, а в одном случае такой персонаж имеет пояс в виде змеи. В настоящее время известно свыше десяти таких амулетов со сходными изображениями, происходящие как из Бактрии, так и Маргианы (Sarianidi 1998a, №№ 51-53, 905-907, 912, 927, 1235), которые передают общий образ Керсаспы, этого "величайшего авестийского героя" (М.Бойс), который совершил много героических подвигов.

В Авесте Керсаспа — доблестный воитель, который всегда рвется в бой с исчадиями зла. "то он убил рогатого змея Сэрвара, который пожирал людей. В этом отношении важно отметить, что изображения рогатых змеиных драконов с широко разинутыми пастьми, были популярны как в Бактрии, так и Маргиане, причем они часто показаны с повернутой назад головой и злобно оскаленной пастью, как бы в "оборонительной", отбивающиеся позе от наступающей их смертельной опасности. М.Потье первая предложила видеть в этом фантастическом персонаже рогатого змеиноного дракона Сэрвара (Pottier, 1984, Fig. 42, N. 312), который удерживал подземные воды, и лишь после его гибели вода устремилась к людям.

Вышеприведенные археологические факты с бесспорностью свидетельствуют, что в глиптике и сфрагистике Бактрии и Маргианы были распространены одинаковые (если не сказать идентичные) сюжетные композиции, темы и образы которых отражают общие мифологические представления, которые были широко популярны в бактрийско-маргианской среде и которые позднее в реформированном виде вошли в Авесту.

БУЛАВА С БЫЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ

Среди находок, сделанных в храмах Маргианы, исключительный интерес представляет мраморная головка быка, выточенная с величайшим искусством (Илл.16). В высшей степени показательно, что тыльная сторона этой головки не грубо обломана, а тщательно заполирована и имеет по краю три отверстия. Эта головка представляет собой навершие жезла, которое крепилось на пал-

ку-основу. Такие жезлы используются и современными жрецами во время посвящения молодежи в зороастрийскую религию; их изображения публикуются едва ли не в каждой работе, посвященной зороастризму (Бойс 2003, Рис.6).

Я отчетливо представляю, какую критику вызовут у многих исследователей основные положения этого сообщения. Но хочу задать моим потенциальным оппонентам только один вопрос: где еще в системе всего Ближнего и Среднего Востока имеется столько археологических доказательств в пользу высказанной здесь новой теории, кроме как в Туркменистане?

Я надеюсь, что полученный нами археологический материал способен убедить тех, кто еще сомневается в подлинном значении для науки археологических открытий последних лет в Гонур-депе. Новые факты и неопровержимые доказательства, которые предоставляют продолжающиеся раскопки в Маргиане, заставят, я уверен, пересмотреть иные устоявшиеся взгляды на далекое прошлое человечества. Вот почему число людей и, прежде всего, иностранных ученых, которых по достоинству оценят место древнего Туркменистана в системе первых цивилизаций нашей планеты и проникнутся духом священной Рухнама, станет значительно больше.

Следующими шагами в плане широкой пропаганды и популяризации во всем мире великого наследия туркмен, едва ли не древнейшей частью которого являются находки из Маргианы, будет, я надеюсь, их выставка в парижском Лувре, греческом музее Бинаки, московском Государственном музее Востока и других крупнейших музеях мира. Миллионы людей увидят эти сокровища и узнают о том, какой ценный вклад вносит независимый нейтральный Туркменистан в мировую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Бойс 2003 — *Бойс М.* Зороастрийцы. Вера и обычаи. СПб., 2003.
 Дандамаев, Луконин 1980 — *Дандамаев М., Луконин В.* Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
 Дубова 2004 — *Дубова Н.А.* Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М., 2004.
 Крюкова, Хисматуллин 1997 — *Крюкова В.Ю., Хисматуллин А.А.* Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. М., 1997.
 Литвинский. Пичикян 2000 — *Литвинский Б.Л., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса. Т.1. М., 2000.
 Мейтерчиан 1999 — *Мейтерчиан М.* Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
 Сариниди 1991 — *Сариниди В.И.* И здесь говорил Заратустра. М., 1991.
 Boyce 1975 — *Boyce M.* On the Zoroastrian Temple Cult of Fair // JAOS. Vol. 95
 Boyce 1989 — *Boyce M.* A History of Zoroastrianism. Vol. 1-11. Leiden, 1989.
 Mallory 1991 — *Mallory J.* In Search of the Indo-Europeans. London, 1991.
 Renfrew 1973 — *Renfrew C.* Before Civilization. London, 1973.
 Sarianidi 1998 — *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998.
 Sarianidi 1998a — *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. М., 1998.
 Sarianidi 2001 — *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. М., 2001.
 Strommenger, Kohlmeier 1998 — *Strommenger E., Kohlmeier K.* Tall Bi'A Tutul. Die Altorientalischen Bestattungen. Saarbrücken, 1998.
 Tucci 1977 — *Tucci G.* On Swat. The Dards and Connected Problems // East and West. Vol. 27. Roma, 1997.

НАСЕЛЕНИЕ ГОНУРА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Н.А.ДУБОВА

(Россия)

Данные антропологии, характеризующие физический облик людей — уникальный индикатор миграций во все эпохи существования человечества. Во многие периоды истории народы перемещались на обширные пространства. Археологические эпохи неолита-бронзы занимают особое место в процессах сложения населения. Важнейшую информацию об этом времени, в том числе и антропологическую, мы получаем с территории Ближнего Востока, Средней и Южной Азии. Этот регион достаточно хорошо представлен антропологическими находками IV-II тыс. до н.э. (Трофимова, Гинзбург 1972; Ходжайов 1980; Кияткина 1987 и др.).

В тоже время, раскапываемое в течение последних 35 лет Маргианской археологической экспедицией под руководством В.И. Сариниди столичное поселение Маргианы Гонур-депе существенно дополняет эти данные, т.к. представляет население, обитавшее в последние столетия III — середине II тыс. до н.э. в древней дельте р. Мургаб — ныне пустынных районах Каракумов (Сариниди, 1990, 2002, 2004, 2005 и др.). Стратиграфические наблюдения и полученные радиоуглеродные даты показывают наличие трех периодов внутри единого культурного горизонта. Первый период длился со времени основания комплекса (2300-2250 гг. до н.э.) до большого пожара, разрушившего всю центральную часть кремля (1800-1700 гг. до н.э.). Второй период продолжался около 200 лет после большого пожара. Третий период (около 1600 гг. до н.э.) связан с уходом правящей верхушки Гонура вслед задвигающейся на запад водой Мургаба, утратой городом своего столичного значения и полным запустением поселения.

Данные по Гонуру крайне интересны. Благодаря тому, что полностью распан некрополь Гонура (2853 погребальных сооружений), где захоронения совершались в течение всего времени функционирования дворцово-храмового комплекса, но преимущественно в первый и второй периоды, мы можем судить о первых насельниках этого памятника. В последний период обитания на

Гонуре, на его руинах также совершались погребения. Так, к весне 2006 г. здесь было раскопано 740 могил. Это позволяет проанализировать изменение антропологических особенностей жителей Гонура за все время его существования, т.е. за 700-800 лет. Самое главное — это то, что, мы имеем возможность сопоставить антропологический облик энеолитического населения Южного Туркменистана с новыми несельниками древней дельты Мургаба.

Таблица 1. Встречаемость разных типов погребальных сооружений и особых обрядов захоронения на некрополе и в руинах дворцово-храмового комплекса Гонура.

Типы погребальных сооружений и обрядов (Types of funeral constructions and customs)	Некрополь (Necropolis), %	Руины дворцово-храмового комплекса (Ruins of the Palace-Temples complex), %
Шахтные могилы (Shafts)	85,12	4,3
Ямные могилы (Pits)	10,83	73,7
В их числе		0
Обычные ямы (Ordinary pits)	8,91	73,7
Обожженные ямы (Burnt pits)	1,92	0
Цисты (Cists)	2,13	8,7
Камерные гробницы (Chamber tombs)	1,92	0,3
Печи, очаги (Ovens)		2,9
Хумы (Hums)		10,1
	N = 2447*	N=623**
?	n=211	n=41
Фракционные (Fractional)	n=3	n=1
«Дахма» («Dakhma»)		n=1
Гробницы-модели домов с большим числом человеческих жертвоприношений (Sepultures-houses models with multiply human sacrifices)		n=5

* В это число не включены погребальные лунки и обожженные ямные сооружения, в которых не обнаружены костные останки

** В это число не включены погребения, раскопанные весной 2006 г.

На Гонуре выявлено несколько типов погребальных сооружений (табл. 1, Илл.17). Большая часть погребений была ограблена еще в древности. Из 2853 объектов, обнаруженных на некрополе, только в 174 случаях нельзя было определить, посещали ли их древние грабители. Из числа собственно погребений (исключая поминальные лунки и обожженные ямы) неограбленными оказались всего лишь 428 (16,5%). Была обнаружена лишь одна неограбленная камера (№ 194) и три цисты. Тем не менее, именно в последних из упомянутых погребениях были найдены самые богатые приношения. Это позволило В.И. Сарияниди утверждать, что тип сооружений связан с социальной структурой гонурского общества, которая в пору его расцвета была весьма благополучна: 85% — средний класс, 11% — бедняки и 4% элита. Полученные данные, безусловно, свидетельствуют о постепенном обнищании населения в последний период обитания Гонура, когда погребения в подавляющем большинстве слу-

чаев совершались в простых ямных могилах. Характерно обнаружение 195 ямных сооружений, стенки которых обожжены докрасна (обожженные ямы). Среди них только 47 (24,1%) имели костные останки, большинство из которых (в 43-х случаях) были определены как принадлежащие человеку. В пяти таких ямах были найдены кости собаки.

В обожженных ямах хоронились тяжело больные люди, люди с физическими и, возможно другими недостатками, часть из них находилась в нестандартных позах. Среди захоронений в руинах дворцово-храмового комплекса увечные люди хоронились не в специально устроенных обожженных ямах, а в заброшенных очагах. Это, с одной стороны, также показывает общий упадок общества, а с другой, свидетельствует о сохранении традиции защищать чистую стихию земли от "нечистого" (большого при жизни человека) на протяжении всего времени обитания на памятнике. Важную роль протектора играла зола: именно ее (нередко смешанной с песком) толстый слой (до 12-15 см) насыпался на дно обожженных ям; все тела умерших, помещенных в разные типы могил (в том числе детей, захороненных в хумах), посыпались золой. В редких случаях использовалась и гипсовая обмазка песчаной насыпи, на которой помещались останки умершего в подобной захоронениях и цистах.

Камерные гробницы (двух- и трехкамерные; всего 49, из них на некрополе 47, а на территории царского некрополя 2) являются упрощенным вариантом гробниц — моделей домов маргианской аристократии. В помещении № 92 дворца Гонура находилась своеобразная дахма-мавзолей, в которой хоронили умерших членов царской фамилии (Sarianidi, 1998). Здесь были найдены перемешанные между собой и сдвинутые в восточную сторону костные останки десяти умерших разного возраста. Только скелет последнего погребенного располагался внутри у самого входа в камеру. Сходная, но сильно нарушенная неоднократно ограблениями, картина наблюдалась и в царских гробницах, иллюстрируя коллективный, последовательный обряд захоронения.

Имеются основания (наличие "костяного крошева" в камерных гробницах некрополя и небольшого числа фракционных захоронений) предполагать бытование практики вторичных захоронений.

Большое разнообразие типов погребальных сооружений никак не коррелирует ($r = 0,01$ до $0,10$) ни с возрастом, ни с полом, ни с антропологическими особенностями погребенных, но сохраняется в течение всего времени существования Гонура. Обряд погребения (положение покойника обычно на правый бок, в скорченном положении, головой на север-северо-запад) также, как и набор погребальных приношений остается в целом без изменений. Это свидетельствует об отсутствии инкультурной инвазии. Антропологические особенности населения за все 700-800 лет обитания населения на Гонуре изменяются лишь в пределах нормальной, характерной для стабильной популяции, изменчивости (Dubova, Rykushina, 2004).

Стабильность населения Гонура подтверждается и демографическими показателями, рассчитанными с учетом всех, зафиксированных к концу 2004 г. погребений (3181 случай поло-возрастных определений — уникальный случай полноты информации для синхронных памятников). Данная популяция обладала высоким уровнем жизни и была в демографическом плане весьма благо-

получной. Гонурцы, как и многие другие земледельческие, а особенно протогородские и ранние городские общности, не были свободны от разного вида патологий (остеохондрозы, воспалительные процессы, гипоплазия эмали зубов, мочекаменная болезнь и проч.), но их распространенность не влияла серьезно на продолжительность жизни. Те же данные демонстрируют практически нормальное соотношение полов с очень незначительным превышением числа мужчин над женщинами (1,06), что (на несколько меньшем материале) было отмечено и ранее Г.В. Рыкушиной (Бабаков и др., 2001, с; Dubova, Rykushina 2004). Поскольку полученный показатель не соответствует нормальному биологическому распределению полов (1:1), можно предполагать, что первые гонурцы были мигрантами, одной из характерных черт которых является значительное превышение числа мужчин над женщинами. Часть женщин (около 36%) могла быть включена в состав популяции извне. Население, основавшее Гонур-депе и в нем обитавшее, скорее всего, пришло на данную территорию не одной, а несколькими волнами.

Важнейшими результатами изучения антропологии гонурской краниологической серии (почти 350 черепов взрослых индивидов) необходимо назвать следующие:

1) Впервые отмеченное для эпохи бронзы Средней Азии наличие в серии брахикефалии (2,1%). Это с одной стороны, косвенно подтверждает земледельческий характер хозяйства гонурцев, с другой стороны, свидетельствует о связи данной популяции с одним из древнейших в мире центров брахикефализации — переднеазиатским (Тепе-Сиалк, Тепе-Гиссар), а с третьей — говорит об экологических особенностях среды обитания и как следствие этого о наличии значительного числа отклонений от оптимальной минерализации скелета (Бабаков и др., 2001; Dubova, Rykushina 2004).

2) Обнаружение широкого бытования обычая искусственной деформации головы, причем с использованием повязки, характерной и для современных туркмен (Дубова, 2004, 2006) (Илл.18). Таким образом, разновидность кольцевой деформации, которая известна под названием теменно-затылочной, была очень широко распространена среди населения Гонур Депе, и, не исключено, что и во всей Маргиане уже во II тыс. до н.э. Это, по меньшей мере, на 900-1000 лет раньше, чем она появляется в степных районах Евразии (там она появляется не ранее середины I тыс. до н.э.), и приблизительно на 1500 лет ранее, чем в Сибири и Центральной Азии.

3) Объективное присутствие в гонурской серии значительного полиморфизма населения, что также зафиксировано впервые для данной территории (Илл.19). Кроме наиболее распространенного в предгорьях Копетдага, в Ферганской долине, и в др. районах Средней Азии (Сапаллитепе и Джаркутан в Узбекистане, Пархай II и Сумбар в Юго-Западном, Геоксюр и Алтын-депе в Восточном Туркменистане и Южбок II на Западном Памире, а также Тепе-Гиссар, Шах-Тепе, Тепе-Сиалк и Шахри-Сохта в Иране) восточно-средиземноморского антропологического компонента, в серии присутствуют переднеазиатский и веддоидный. Среди всех изученных ныне синхронных антропологических материалов, только население долины р. Сват (Северо-западный Пакистан) наиболее близко напоминает гонурцев.

4) Переднеазиатский антропологический компонент своим происхождением, безусловно, связан с Ближневосточным регионом, предположительно с той его частью, где в IV тыс. до н.э. жили шумеры. Их облик хорошо известен по антропоморфной пластике. Схожие лица мы видим изображенными в глиптике и сфрагистике Гонура.

5) Присутствие веддоидного пласта в антропологическом составе населения Туркменистана подвергалось сомнению неоднократно. Сильная реставрация, которой были подвергнуты черепа из Кокчи 3 (Южное Приаралье, II тыс. до н.э.), не позволило большинству исследователей согласиться с мнением исследовавшей их Т.А. Трофимовой, отметившей в этом могильнике не только мезогнатные (mesognathic), но и прогнатные (prognathic) формы. Морфологические особенности лица гонурской серии с бесспорностью устанавливают существование таких структур и показывают определенное сходство как с веддоидными черепами, описанными В. Бернхардом в долине р. Сват, так в Мохенджо-Даро (Bernhardt, 1967).

6) Ни на одном из этих памятников, также как и на Гонуре, при анализе морфологического разнообразия не было отмечено присутствия антропологических типов, сходных с палеоевропейским населением евразийских степей. Единственное исключение составляет исследование А.В. Громова (1995), в котором автор показывает наличие некоторого сходства между населением долины р. Сумбар с катакомбниками и срубниками Поволжья. В тоже время, засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья, Южного Приуралья и алакульцев, что, как представляется, может свидетельствовать о движении с юга в более северные районы, чем из степей — в южном направлении. Представляется, что это сходство, вероятно, указывает на участие одинаковых антропологических пластов в сложении как южнотуркменских, так и степных племен.

Таким образом, антропология не может определить, носителями каких языков и религиозных представлений были гонурцы — эти характеристики не зависят от внешнего облика людей. Но данные, которые возможно почерпнуть, анализируя морфологические особенности костных останков, подтверждает уже высказывавшуюся точку зрения, что вся палитра современного разнообразия населения Туркменистана закладывалась именно в эпоху бронзы. Вот почему мы имеем все основания утверждать, что туркмены являются прямыми генетическими наследниками населения Маргианы.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайлов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987.

Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. А., 1990.

Сарияниди В.И. Маргуш: древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. А., 2002.

Сарияниди В.И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарияниди. М., 2004.

- Сарианиди В.И.* Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.
Ходжайлов Т.К. Палеоантропология древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
Bernhardt W. Human Skeletal Remains from Cemetery of Timargarha // Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of Archaeology University of Peshavar. Vol. III. 1967.
Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: Some Anthropological Data // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И.Сарианиди. М., 2004.
Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.

РЕАЛИИ СТРАНЫ МАРГУШ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В.Ю.КРЮКОВА

(Россия)

Традиционная культура на протяжении тысячелетий служила неистощимой основой, питавшей духовную жизнь народов Востока. Черты, нашедшие отражение в таких памятниках, как Ригведа и Авеста прослеживаются и сегодня в этнографически засвидетельствованных обрядах и верованиях. Древнейшие идеи индоевропейского мира стали стержневыми для традиционных культур Центральной Азии, принимая и теряя те или иные элементы в ходе исторического развития, но сохраняя основные модели. Под влиянием крупнейших религий — буддизма, зороастризма, христианства, ислама в недрах традиционной культуры рождались особые явления и появлялись новые формы выражения. С течением времени они исчезали или превращались в малопонятные, приспособлялись для нужд очередной религиозной системы. Хотелось бы надеяться, что открытие одного из древнейших пластов культуры в Туркменистане поможет прояснить как механизм формирования зороастризма, бытовавшего в этих землях после угасания цивилизации страны Маргуш, так и развитие традиционных культур центральноазиатских народов.

Что касается зороастризма, необходимо сделать несколько замечаний. Сложение этой религии происходило в течение нескольких исторических эпох и завершилось, как представляется, только в период активного распространения ислама. Скорее всего, до этого рубежа зороастризм не представлял собой единого сформировавшегося вероучения, — свидетельством тому служат существенные различия как идеологического, так и ритуального плана, обнаруженные при исследовании памятников, которые принято относить к числу зороастрийских. Не вполне разгадано соотношение западно- и восточноиранских элементов в обрядовой системе зороастризма. Возможно, именно в стране Маргуш следует искать истоки тех ритуалов, которые не восходят напрямую к традиции Ригведы и ранних авестийских Яштов, а могут быть связаны с западной традицией и ассоциируются обычно с жреческими культами, описанными авестийским Видевдатом. К их числу можно отнести засвидетельствованные этим памятником варианты похоронного обряда, сложные системы

последовательных омовений осквернившихся в ямах, очищения огней, а также культ собаки. Несмотря на то, что последнее явление прекрасно поддерживается ведийской традицией и общим индоевропейским фоном, собственно "зороастрийское", особенно пристрастное отношение к этому животному в авестийском собрании прослеживается только в Видевдате. Ни в одной другой книге Авесты собака, в отличие от других "благих" животных, не упомянута ни разу, а Геродот называет ее как животное, связанное с зороастрийскими жрецами-магами. В этой связи интересны гонурские захоронения собак, особенно отдельные. Конечно, зороастрийцы позднего по времени сложения Видевдата не приносили собак в жертву, в отличие от жителей Гонура они (по крайней мере, судя по жреческим предписаниям) выставляли трупы собак так же как и трупы людей, но культы, подобные гонурским, могли поддерживать традицию особого отношения к собаке.

Точно также и наиболее значимые черты цивилизации страны Маргуш, такие, как храмовые комплексы, снабженные источником воды, следы культа огня, остатки возбуждающих и галлюциногенных растений, — вследствие своего общего для индоевропейского мира характера могут служить, скорее, не доказательством того, что жители Гонура были "зороастрийцами", а указанием на то, что маргушская древневосточная цивилизация могла послужить благодатной почвой, одним из факторов для сложения зороастрийской религии.

Более конкретными представляются некоторые черты, демонстрирующие связь маргушской цивилизации с традиционными культурами народов Центральной Азии. К ним можно отнести, например, такую архитектурную особенность, как стенные ниши, названные В.И.Сарианиди "слепыми окнами". Такие ниши, являясь обычной чертой равнинного и предгорного жилища центральноазиатского оседлого населения, предназначаются как для хозяйственных, так и для культовых нужд. В частности, одна из ниш может служить михрабом, то есть указывать направление молящихся мусульман на Мекку. Представляется несомненным, что мусульманская окраска культовой ниши является вторичной, не случайно иногда она служит одновременно вместилищем постельных принадлежностей, которые сами по себе имеют сакральное значение. Показательно наличие ниш в имитирующем жилой дом "царском некрополе" на восточном берегу главного водоема северного Гонура.

В описании гонурских помещений обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти каждое из них, включая погребальные камеры, имитирующие жилище, снабжено двухчастной печью. В.И.Сарианиди сделал предположение, что эти печи, конструкция которых не позволяет пламени огня проникать в большой отсек, служили для изоляции приготавливавшегося жертвенного мяса от священного огня, дабы не допустить осквернения последнего (Сарианиди 2005). Действительно, согласно ведийским и более поздним индийским ритуальным текстам, жертвенное мясо не должно было сгорать на огне, а лишь поджариваться, покрываться коркой (Маламуд 2005, с.77), где речь идет об окуривании невесты при совершении свадебного ритуала и кремации трупа, — в обоих случаях в ходе ритуального "приготовления" жертва подвергается воздействию огня). Эта особенность была продиктована представлением о том, что в противном случае вся жертва достанется лишь одной "сжигающей"

разновидности огня ("пожирателю живого"), и боги, лишенные помощи другого огня, переносящего подношения, ничего не получают (Маламуд 2005, с.83). Вместе с тем, вероятным мне кажется предположение, что столь многочисленные печи (запроектированные даже в башнях кремлевских стен) могли служить не исключительно как ритуальные, а и как обычные очаги, в том числе для обогрева помещений. Косвенным подтверждением может служить сохранившаяся до наших дней в Центральной Азии практика сооружения особых устройств для обогрева, получивших название "саңдали". В качестве очага под деревянный табурет или столик ("саңдали") выкапывали двухступенчатое углубление, на приподнятой части которого лежал "жар" — угли, а на нижней — зола, на которой в сосудах грели воду. По периметру углубление оформляли деревянной рамой или битым кирпичом, наподобие того, как для пола гонурских печей использовали осколки керамики. Сам столик застилали одеялом. Саңдали устраивали как в средней части комнаты, так и впритык к одной из стен (Писарчик 1982, с. 94-95). Конструкция этого сооружения отличается от строения двухкамерных печей Гонура, но обогревательный эффект, когда греться можно непосредственно рядом с большой не раскаленной печью, как представляется, является аналогичным.

По словам А.К. Писарчик, особенно в горных районах, в качестве очага под саңдали вмазывали большую глиняную лохань (Писарчик 1982, с.94). Этот интересный прием зафиксирован и в Гонуре. Так, в восточном комплексе были найдены вкопанные в землю сосуды со вмазанными в дно мисками. На одной из фотографий можно увидеть ряд из пяти таких сосудов, помещенных в одну линию на узкой прямоугольной платформе. Сходная композиция из расположенных ровной цепочкой пяти глубоких камер, выложенных кирпичами со следами сильного горения, обнаружена и на другом участке гонурского комплекса (Сарианиди 2005). Обращает на себя внимание само число "5", глубоко символичное в индоевропейской традиции, равно как и в традиционной культуре центральноазиатских народов (четыре направления сторон света и центр, символичное изображение человека и так далее). Сама же система ям или углублений, по прямой линии образующих единый ряд, заставляет вспомнить зороастрийские обряды очищения, предписывавшиеся авестийским Видевдатом для омовения людей и очищения оскверненного огня.

Обнаруженный в "комплексе погребальных ритуалов" лаз, через который, по предположению В.И.Сарианиди могли выносить из помещения покойника, возможно, не только является свидетельством следования обряду выноса мертвого тела не в обычную дверь, а в специальный лаз (в том числе зафиксированный авестийским Видевдатом), но и подтверждает древнее происхождение архитектурной детали современного центральноазиатского жилища. Здесь из двух существующих дверей, ведущих с айвана внутрь дома, пользуются только одной. Вторая дверь, через которую можно было бы непосредственно пройти в жилое помещение, никогда не должна использоваться по назначению. Существенно, что иногда этот дверной проем имеет не нормальный размер, а гораздо меньший, напоминающая, скорее, лаз. Сообщивший мне эти сведения доктор исторических наук Р.Р.Рахимов вместе с тем указал, что покойника через эту дверь также не выносят, а пользуются обычным входом.

Относительно "песчаных комнат" хотелось бы высказать прагматичное соображение. Не могли ли они служить для поддержания пожарной безопасности? В комплексе с таким количеством очагов и печей пожары должны были представлять существенную угрозу, тем более, что территория "площади совместных трапез", носящая следы огня, видимо, засыпалась песком. В пользу этого предположения говорит и наличие напоминающего пожарную каланчу кирпичного "столба" в центре одной из комнат, на который вела лестница, а также то, что песчаные комнаты, если я правильно поняла описание В.И. Сарианиди, находились выше уровня пола других помещений и не имели кровли. К тому же, территориально они располагались с разных сторон дворца, что облегчало бы скорейшую подачу песка. Конечно, на территории Гонура имелись свои водоемы, но, с одной стороны, устройство "песчаных комнат" могло относиться ко времени, когда вода постепенно отступала, а с другой — вполне вероятно, что существовал ритуальный запрет на тушение огня водой.

Жизнь человека, — особенно хорошо это видно на примере древних и традиционных обществ, — полностью находилась во власти священного, причем каждое действие верующего строго регламентировалось религиозным законом. Поэтому не только храм, но и жилище было подобием горного мира, не только праздничная жертва, но и любая пища считалась жертвоприношением. Возможно, поэтому Гонур видится комплексом святилищ, где, кажется, все было подчинено идее совершения бесконечного числа жертвоприношений (изображение головы барана с катящимися из глаз слезами на ритуальном сосуде опять-таки созвучно индоиранскому отношению к жертвенному животному, — у него со всем сочувствием просят прощения перед умерщвлением). Эти жертвы, вместе с возвышенными алтарями, водоемами и огнями, были неперемненными элементами картины мира. Представляется, что по мере сложения и зороастризма, и традиционных культур Туркменистана и Центральной Азии древнейшая гонурская культурно-историческая почва хотя и не являлась единственным первоисточником ритуальных систем, но, по крайней мере, могла послужить одним из оснований последних.

ЛИТЕРАТУРА

- Маламуд Ш.* Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
Сарианиди В.И. Гонур-депе: город царей и богов. А., 2005.

КУЛЬТУРА МАРГИАНЫ И БАКТРИИ ЭПОХИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ (РЖВ) И ЕЕ ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ

Е.Е.КУЗЬМИНА
(Россия)

Виктору Сарияниди принадлежит честь открытия в Туркменистане памятников со слоями, относящимися к культуре эпохи финальной бронзы (по другой классификации — ранний железный век — РЖВ). Соответствующий слой открыт им на поселении Улуг-депе, давшем надежную стратиграфию (Сарияниди 1971; 1972а; Сарияниди, Кошеленко 1985): слой Намазга VI перекрыт слоем финальной бронзы.

Та же стратиграфия установлена в Анау на Елькен-тепе, Теккем-депе, частично Яз-депе (Марущенко 1959; Ганялин 1956; Массон 1959; 1985), причем в Елькен-тепе и в Яз-депе кроющий слой относится уже к Ахеменидской эпохе. Эти памятники получили название культуры Эпохи Варварской Оккупации — ЭВО (Pumpelli, Schmidt 1908), поскольку характеризуются резким кризисом земледельческой культуры: исчезновением древних поселений или резким сокращением их площади и сложением принципиально нового керамического комплекса: на смену ремесленной гончарной керамике без орнамента приходит лепная от руки крайне грубая расписная керамика, характеризующая этот комплекс. На ряде памятников сохраняется небольшой процент традиционной гончарной посуды и повсеместно в достаточно большом количестве присутствует очень грубая лепная посуда, украшенная орнаментом в виде треугольников, вертикальной или горизонтальной елки, а главное — налепным валиком, иногда с насечками и вдавлениями, а часто — с опущенными концами — "усами". Памятники с такой керамикой многочисленны в подгорной полосе Туркменистана (Сарияниди, Кошеленко 1985).

Опорным памятником культуры КВК является поселение Тилля-тепе в Северном Афганистане, раскопанное В.И. Сарияниди (1972; 1989). Ему (Сарияниди 1972, рис. 7; Sarianidi 1998: 162, 163, Fig. 78) принадлежит доказательство родства керамических комплексов Южного Туркменистана, Северной Бактрии (Джаркутан, Кызыл-тепе (Аскарлов, Ширинов 1993), Кангуртут, Ташгузор и Карим-берды (Виноградова 2004)) и Южной Бактрии (поселение Шортугай (Francfort 1989)). Комплекс Яз I есть в Над-и Али, Мундигаке, Пираке. Исследователи подчеркивают, что поселения характеризуют эпоху кризиса; Жарриж говорит о приходе номадов из Чуста и связывает с их нашествием появление в Пираке коня и верблюда-бактриана. (Центром доместикации и сложения культа коня были южнорусские степи (Кузьмина 1977), верблюда — Южный Туркменистан. Культ этих животных в Пираке демонстрирует их образы в пластике и остеология). Характерная керамика с налепным валиком перекрывает также древние поселения Белуджистана Рана-Кхундай, Каудани, Мохул-Кала, обследованные Фаирсервисом в Сеистане и найдена на поселениях Туламба, Озеро Манчар, Дурхан, Патани-Дамб в низовьях Инда. Исследовательница отме-

чает, что эта посуда предшествует изделиям стиля Londo и датирует ее концом II-началом I тыс. до н.э. Другие западные ученые опускают дату комплексов до середины II тыс. до н.э. на основании данных С14.

Большое внимание комплексам Яз I уделили многие исследователи, особенно А.П. Франкфор (Francfort 2001). Он пришел к пессимистическому заключению, что ни одна из гипотез, рассматривавших культуры кандидатов в предки индоевропейцев: Намазга VI, Андроновы или Яз I не выдерживает критики.

Ученые, занимавшиеся комплексами ЭВО, сосредотачивали свое внимание на индикаторе этой культуры — расписной керамике и иногда отмечали, что она возрождает древние местные неолитические традиции.

Вопрос же о том, откуда происходит второй компонент комплекса ЭВО: керамика с налепным валиком — никогда даже не ставился и, — что крайне странно — не поднималась проблема этнокультурного происхождения саков и скифов. Генетическое родство их с земледельческими народами юга Туркменистана, а также Афганистана и Белуджистана является бесспорно установленным лингвистами фактом и многократно отмечено в Авесте.

Валиковая керамика (applied roller) является археологическим индикатором общности культур валиковой керамики (КВК), распространенной на гигантской территории степей Евразии от Дуная до Тувы.

На основании широкого круга европейских аналогий в культурах Ноуа и Кослоджен и находок в Трое VII В 2 (1190-1100 г. до н.э.) и Греции (Афины, Азина М III В, III С — 1300-1200 г. до н.э.), а также синхронизации с Китаем эпохи Чжоу КВК надежно датируется XIII-IX (VIII) веками до н.э.

В VII в. до н.э. персидскими и греческими источниками зафиксировано, что на территории КВК живут кочевые народы саки (скифы). Анализ формирования их материальной культуры привел исследователей как скифской, так и бронзовой культур к неоспоримому выводу о происхождении саков на основе КВК. Удалось установить происхождение в недрах КВК главных индикаторов скифской триады: конского снаряжения, оружия и предметов культа, а также технологии керамики (Кузьмина 2005). Вместе с тем, давно установлено постепенное продвижение создателей КВК из степей Украины, Урала и Казахстана в Бактрию и Маргиану и дальше на юг, где валиковая керамика входит в комплексы финальной бронзы (РЖВ).

Характер взаимодействия пришлых пастухов и аборигенов-земледельцев в разные периоды и в разных регионах был весьма различен и отражает разные варианты миграций: мирное сосуществование и постепенная ассимиляция (Северная Бактрия, вероятно, частично Маргиана (Сарияниди 1975; 1990) или аккультурация (Северная Бактрия), и наконец, воинственная элитарная миграция, особенно отчетливо проявляющаяся в Туркменистане, в предгорной полосе Копетдага (Ганялин 1956, Марущенко 1959, Массон 1959, 1985).

ЛИТЕРАТУРА

Аскарлов, Ширинов 1994 — *Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1994.
Виноградова 2004 — *Виноградов Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

- Ганялин 1956 — *Ганялин А.Ф.* Теккем-тепе // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Вып. II. Ашхабад, 1956.
- Кузьмина 1977 — *Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977.
- Кузьмина 2005 — *Кузьмина Е.Е.* К вопросу о современном состоянии проблемы происхождения индоиранцев // Центральная Азия: источники, культура, история. М., 2005.
- Массон 1959 — *Массон В.М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
- Массон 1985 — *Массон В.М.* Средняя Азия в эпоху раннего железа: культурная и социально-экономическая динамика // Информационный бюллетень МАИКЦА, в.9. М., 1985.
- Сарианиди 1971 — *Сарианиди В.И.* Исследование слоев раннего железного века на Улуг-депе // Археологические открытия 1970 г. М., 1971.
- Сарианиди 1972a — *Сарианиди В.И.* Раскопки 1970 г. на Улуг-депе // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972.
- Сарианиди 1972b — *Сарианиди В.И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.
- Сарианиди 1975 — *Сарианиди В.И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // Советская археология, 1975, №2.
- Сарианиди 1989 — *Сарианиди В.И.* Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989.
- Сарианиди 1990 — *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди, Кошеленко 1985 — *Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Средняя Азия в раннем железном веке // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Francfort 1989 — *Francfort H.-P.* Fouilles de Shortugai // Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I-II. 1989.
- Francfort 2001 — *Francfort H.-P.* The archaeology of protohistoric Central Asia and the problems of identifying Indo-European and Uralic-speaking populations // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. 2001.
- Pumpelli, Schmidt 1908 — *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Vol.2. Washington, 1908.
- Sarianidi 1998 — *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.

НЕКРОПОЛЬ ГОНУРА: СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА

ДЖЕЙМС МЕЛЛОРИ

(Великобритания)

Публикация отчета Виктора Сарианиди о гонурском некрополе предоставляет важные данные относительно социально-бытовой организации в Бактирско-маргианском археологическом комплексе (БМАК).

Раскопки, проведенные в Гонуре, обнаружили останки около 2500 человек, хотя 80% гробниц было разграблено. Оставшиеся 20% могил сохранились на месте и были опубликованы в сводной форме с тем, чтобы, по словам археолога, "предоставить возможность иметь фактическую базу данных и продвинуться на более глубокий уровень интерпретации". Целью данного краткого исследования является ответ на приглашение археолога к переходу на более глубокий уровень понимания вопроса с помощью гораздо большего количественного подхода к имеющимся данным. Это необходимо для:

1) пересмотра определения социальной организации Гонура, представленной археологом в свете более точного статистического анализа могил *in situ*;

2) попытки расширить наши знания о социальной организации в Гонуре с помощью проверки некоторых аспектов, которые детально не рассматривались археологом;

3) рассмотрения реконструкции социальной организации Гонура на общих сравнительных условиях по отношению к другим организациям и проблемам получения социальных данных из погребальной практики.

В своем археологическом отчете археолог приводит ряд интересных наблюдений:

1) 29% находок не имеет различий между мужчинами и женщинами, хотя женщины могут иметь два или три таких различия.

2) Существует ряд различий, ассоциируемых непосредственно с женщинами, т.е. серебряные сосуды, золотые бусы, косметические палочки и т.д.

3) Существует также ряд различий, ассоциируемых непосредственно с мужчинами, т.е. каменные сосуды, оружие, колонны и т.д.

4) Гонурское общество было организовано в три социальные группы (элита — 5%, зажиточные — 75%, бедняки — 20%), причем для каждой группы характерна своя форма погребения (соответственно камерная гробница, шахта с подбоем, ямная могила).

В настоящее время анализ материалов В.И.Сарианиди все еще продолжается и можно предложить только несколько предварительных результатов:

1. Некоторые из взаимосвязей между артефактом и полом, предложенные археологом, не представляется возможным продемонстрировать в связи с небольшим количеством находок образца на площадке.

2. Хотя серия предметов идентифицирована археологом, как не имеющая отличий между мужчинами и женщинами, многие из данных предметов распределены действительно не случайно, но существенно соотносятся с одним полом (обычно женщинами) или другим.

3. Предметы, которые действительно являются "нейтральными" между мужчинами и женщинами, встречаются достаточно редко. Данные по Гонуру выводят одну из наиболее существенных проблем в использовании статистических методов для воссоздания социальной организации на основе погребальных свидетельств.

4. С учетом пола и возраста можно предположить, что гонурское общество выделяло, по крайней мере три, а возможно, четыре возрастные категории, которые совпадали с различными уровнями социальной градации. Это следующие стадии: первая (0-7 лет), вторая (13 лет), третья (19-21 год) и (если она не совпадает с третьей) четвертая (23-33 года).

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ

М.А.МАМЕДОВ

(Туркменистан)

1. Сопоставление остатков архитектурных сооружений эпохи бронзы, выявленные в ходе археологических раскопок в древней дельте реки Мургаб в Маргиане и на территории соседней Бактрии с аналогичной архитектурой других регионов древневосточного мира позволяет выдвинуть и научно обосновать предположение о существовании во втором тысячелетии до н.э. особой бактрийско-маргианской архитектурной школы и проследить дальнейшую линию ее развития.

Рассмотренные в большом количестве центрально-азиатские объекты эпохи бронзы подтверждают вывод о том, что именно в бактрийско-маргианской строительной культуре той эпохи зародились и получили творческое переосмысление те архитектурно-планировочные принципы, которые в дальнейшем оказали значительное влияние на развитие архитектурной мысли в данном регионе в последующие исторические эпохи.

2. Планировочная схема "квадратный зал в обводе коридоров", характерная для зороастрийских храмов, широко встречается в раскопанных архитектурных комплексах Древней Маргианы, определяемых большинством исследователей также храмами, в которых совершались определенные культовые обряды. В частности, данную схему можно видеть в центральной сакральной части храмовых комплексов тоголокской группы памятников Маргианы (Тоголок — 1 и 21) и в культовых отсеках дворцового комплекса Гонур-1. Наличие планировочной схемы "квадратный зал в обводе коридоров" в зороастрийских храмах последующих исторических эпох лишний раз свидетельствует о существовании преемственности строительных традиций в архитектуре, а также дает еще один аргумент в пользу ранее высказанного В.В.Струве на основе лингвистических данных, а теперь подкрепленного В.И.Сарианиди археологическим материалом предположения о возможном зарождении зороастрийской религии на территории Древней Маргианы. Во всяком случае, четко прослеживается факт присутствия многих планировочных компонентов древнемаргианской культовой архитектуры в храмах, связанных с зороастрийской религией. Такая преемственность свидетельствует о функциональной близости тех культовых обрядов, которые совершались в зороастрийских храмах ахеменидского и античного времени и в более ранних культовых постройках Древней Маргианы.

Не до конца изученными остались вопросы происхождения четких геометрических форм в архитектуре Древней Маргианы и Бактрии. Рассматривая круглую планировку древнебактрийского храма Дашлы-3 некоторые исследователи считают, что на появление такой геометрической формы в архитектуре Бактрии оказали строительные традиции Месопотамии, приводя в качестве примера "круглый дом" в Тепе Гавра. Однако, археологические раскопки последних лет на Гонур-депе также выявили остатки стены, которая огромным

кольцом опоясывала дворцовый комплекс, что логично укладывается в традиционную градостроительную планировочную схему, существовавшую в Бактрии и Маргиане. Кроме того, в архитектуре Древней Маргианы были широко распространены башни круглой формы (Тоголокские комплексы, "теменос" Гонур-депе). Такие башни известны только на памятниках Бактрии (Дашлы-1, Тилля-депе).

Возможно, что истоки круглой формы башен Древней Маргианы надо искать на памятниках позднего энеолита на территории Южного Туркменистана. На историко-культурные связи Древней Маргианы с позднеэнеолитическими культурами предкопетдагской равнины Туркменистана уже указывали многие исследователи. Здесь на позднеэнеолитических памятниках Геоксюрского оазиса Ялангач-депе, Муллалы-депе выявлены остатки поселений, характерной чертой которых являлась ограждающая стена сложной конфигурации с круглыми "башнями" на изломах.

ОЧАГИ И ПЕЧИ АДЖИКУИНСКОГО ОАЗИСА

АННАМУРАД ОРАЗОВ

(Туркменистан)

На основании соглашения между Министерством культуры и телерадиовещания Туркменистана и Научно-исследовательским центром Лигабуе (Италия) на археологических памятниках эпохи бронзы Аджикуи 1 и Аджикуи 9, которые находятся в пустыне Каракум севернее города Мары, на территории дайханского хозяйства "Горелде" Байрамалийского этрапа, с 2001 года систематически ведутся изыскательские, научно-исследовательские раскопочные работы.

До настоящего времени на Аджикуи 1 и 9 проведены масштабные раскопки, в ходе которых выявлены остатки целого ряда древних жилых построек с бытовыми очагами. Автор участвовал в этой работе и в докладе дает анализ особенностей домашних очагов.

Существует два вида домашних очагов на памятниках эпохи бронзы: первый вид — домашние очаги-печи, состоящие из двух частей. Первая часть — собственно очаг, в котором разжигали огонь, вторая — смежная часть, предназначена для готовки пищи. Изнутри смежной стены второй части имеется дымоход. Второй вид состоит из одной части и представляет собой пристенный очаг, в котором разводили огонь.

Различные виды этих домашних очагов сооружались с большим мастерством. Все они были гладко обмазаны саманом. Удалось установить, что некоторые из них не раз ремонтировались.

По конструкции и размерам домашние очаги Аджикуи имеют некоторые свои особенности. Информация по этому представлена в чертежах, приложенных к докладу (Илл.20-29). Также в этой статье описываются итоги специальных проверок и исследований по строительным методам и орудиям строительства.

АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

АСКО ПАРПОЛА

(Финляндия)

Арийская проблема. Открытие БМАК предоставило недостающее звено, необходимое для решения так называемой арийской проблемы, которая, в свою очередь, важна для интерпретации самого БМАК. Но что именно представляет собой "арийская проблема"? К началу I тысячелетия до н.э. на индоарийских языках говорили в Пакистане и Северо-Западной Индии, тогда как на близко родственных им иранских языках разговаривали в Центральной Азии и Иране. Но откуда пришли эти арийские языки, где сформировался первоначальный протоязык, как он разделился на две свои основные ветви, когда и каким путем арийские языки попали в области, где на них говорили с незапамятных времен? Археологические и лингвистические свидетельства, касающиеся этих проблем, представляют собой целый комплекс и было предложено много различных решений. В данном докладе речь идет о двух конкурирующих теориях. Первая помещает изначальную родину носителей арийского и индоевропейского языков в Анатолию, другая — в Индию.

Протоиндоевропейцы. Чтобы выяснить, где разговаривали на протоарийском языке, было бы несомненно полезно узнать, где говорили на родном языке протоиндоевропейцев. Важным хронологическим критерием является унаследованный (не заимствованный) словарный состав, связанный с колесным транспортом. По крайней мере, шесть таких слов можно реконструировать в индоевропейском протоязыке. Они относятся к моменту разделения протоиндоевропейского языка, приблизительно к 3500 г. до н.э., так как до этого времени нигде в мире не существовало колесного транспорта (Antony 1995). Распределение самых ранних обнаруженных перевозочных средств поможет в определении местонахождения той археологической культуры, где говорили на протоиндоевропейском языке. Эта культура через цепочку генеалогически родственных культур должна быть связана с теми, зачастую широко разбросанными областями, где впервые засвидетельствованы различные ветви индоевропейцев. Эти и прочие критерии предполагают в качестве наиболее подходящего кандидата культуру Среднего Стога (ок. 4500-3350 гг. до н.э.) в Украине (Mallory 1989). Главный преемник Среднего Стога, культура ямных погребений (приблизительно 3500-2800 гг. до н.э.), распространилась от Дуная до Урала. Позже она распространилась на культуры, от которых можно проследить греческие, армянские и арийские ветви. В Центральной Европе сильное влияние ямной культуры породило культуру шнуровой керамики, или боевых топоров (ок. 3300-2800 гг. до н.э.), которая быстро распространилась по всей Северо-Западной Европе, от Нидерландов до берегов Балтийского моря, то есть до областей, где прослеживаются протоформы италийского, кельтского, германского и бал-

то-славянских языков. Даже архаичный индоевропейский язык тохар, на котором некогда говорили в Синкьянге, можно связать со среднестоговской и ямной культурами через афанасьевскую культуру (ок. 3500-2200 гг. до н.э.) Южной Сибири.

Финно-угорские заимствованные слова. Важными лингвистическими указаниями на локализацию протоиндоевропейцев и протоарийцев являются слова, заимствованные протофинно-уграми из других языков. По всей вероятности, на протофинно-угрском говорили последующие культуры Льялово (ок. 5000-3650 гг. до н.э.) и Волосовская (ок. 3650-1900 гг. до н.э.) в Центральной России. Льяловская культура (характеризующаяся шнуровой керамикой) распространилась около 3900 г. до н.э. до Карелии, Финляндии и Балтийского моря (в этих областях распространилась гребенчатая керамика); на юго-западе, на Верхнем Доне, льяловская культура соприкасалась с верхнестоговской. Около 2300 г. до н.э., южную часть волосовской культуры перекрыла Абашевская культура (ок. 2800-1900 гг. до н.э.), являвшаяся одной из преемниц культуры ямных могил. В результате этого развития, отдельные общины, говорящие на протофинно-угрском, вероятно, имели элитное меньшинство, говорящее на протоарийском языке, чье последующее поглощение большинством оставило около ста арийских заимствованных слов в древнем финно-угрском. Количество таких слов отражает стадию лингвистического развития на полпути между протоиндоевропейским и поздней формой протоарийского языков, которые можно реконструировать путем сравнения индоарийского и иранского языков. (Karpelan, Parpola 2001).

Конная колесница и ее арийские божества. На Южном Урале Абашевская культура дала подъем культуре Синташта-Аркаим (ок. 2200-1080 гг. до н.э.), чьи погребения содержат самые ранние известные конные колесницы (приблизительно 2000 г. до н.э.). Евразийская степь является естественной средой обитания лошади, а следовательно, и наиболее вероятным местом впряжения лошади в колесницу. Культура Синташты-Аркаим является истоком андроновского культурного комплекса, который широко распространился в Южной Сибири и Центральной Азии между 1800 и 1300 гг. до н.э. Наибольшее количество форм колесниц происходит из этого региона и периода. С 1300 г. до н.э. река Урал оставалась границей между андроновскими культурами на востоке и родственными им культурами срубных погребений волжских степей на западе, приведших к дифференциации индоарийской и иранской ветвей.

В культуре Синташты-Аркаим аристократов хоронили вместе со своими лошадьми и колесницами. Насатъяс, или ашвины, как обожаемый тандем воина на колеснице и его возничего, по-видимому, стали в то время основными божествами прото-арийского пантеона. Распространение и типология нащечников колесничных лошадей свидетельствовали о том, что микенские греки получили свои конные колесницы через Юго-Восточную Европу из Южного Урала. Вместе с этим образцом мощи греки, видимо, получили и объединенную аллегорию двух божественных всадников, Диоскуров. В религии балтов также были "сыновья (Неба) Бога", ассоциированные с конями, и они сватали солнечную деву (утреннюю зарю), как делали их арийские и греческие двойники. Диоскуры ассоциировались с двойным царским саном в Спарте, и

их почитали там как величайших богов. Это двойной царский сан был, по-видимому, протоарийского происхождения; в ведической Индии он служил показателем тесного сотрудничества царя и верховного жреца, который, как считается, играл роль царского возницы в древние времена (Parola 2005).

Андроновская культура на юге Центральной Азии. Таким образом, родина арийского и индоиранского языков находилась в степях Южной России и на севере Центральной Азии. На этих языках в Южной Азии и Большом Иране разговаривали, по крайней мере, уже с 1000 г. до н.э. Носители индоарийских языков, которые создали гимны Ригведы, не могли прийти в Пакистан и Индию до 2000 г. до н.э., так как у них не было лошадей и колесниц, а одомашненная лошадь не фиксируется нигде в Южной Азии до 2000 г. до н.э. Это предполагает южное направление движения с севера Центральной Азии, через центральноазиатский юг (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Афганистан) во II тысячелетии до н.э. Юг Центральной Азии контролировался племенами БМАК примерно в 2500-1300 гг. до н.э.

Более того, археологические данные доказывают, что между 1800 и 1300 гг. до н.э. скотоводческие андроновские племена из северных степей прибывали на юг Центральной Азии все возрастающим потоком до тех пор, пока их полевые стоянки не окружили едва ли не каждое поселение БМАК (Gubaev, Koshelenko, Tosi 1998). Этот процесс, по-видимому, имел место в рамках их сезонных миграций и сложного товарообмена с земледельческим населением юга. Такой обмен продолжался веками и, конечно, повлек за собой двуязычие. Это подсказывает также тот факт, что на юге Центральной Азии возникли смешанные сообщества, которые сочетали скотоводческие (Андроново) и земледельческие (БМАК) традиции, как, например, вахшская и бишкентская культуры в Таджикистане.

Лингвистическая арианизация БМАК. Несомненно, что изначально БМАК был неиндоевропейским по своему языку, так как он обязан своим зарождением и великолепию культурам Южного Туркменистана, Элама, Ирана и Белуджистана. Несмотря на это, логично предположить, что БМАК лингвистически арианизировался, по крайней мере, на элитном уровне. Хотя андроновская культура пришла из северных степей в область БМАК, она не проследовала дальше, в Индию и Иран, и следовательно, не перенесла туда индоиранские языки. С другой стороны, БМАК распространился как в Иране, так и в Южной Азии (Parola 1988; срав. также: Mallogu 1998). Правда, в БМАК существует кое-что, заставляющее предположить присутствие носителей арийского языка. В хуррито-говорящем царстве Митанни на Ближнем Востоке (Сирия) индоарийские правители полностью переняли местную, захваченную ими культуру. Если их личные имена и имена арийских богов не были бы известны из клинописных документов, никто не смог бы даже предположить их наличие. В Митанни новый язык меньшинства отсек свои корни и, в конечном счете, был поглощен, но в случае с БМАК, арийский язык постоянно присутствовал повсюду.

Кроме того, нарушенная аристократическая могила в Зардча Халифа (Таджикистан), недавно продемонстрировала, что элита БМАК владела конной колесницей с нащечниками культуры Синташты-Аркаим (Бобомуллов, 1998). Лошадь как новый художественный мотив появляется также на оружии и ци-

линдрических печатях БМАК. Погребение обезглавленного жеребенка на некрополе Гонура свидетельствует о практике жертвоприношения лошади у арийцев.

Митаннийские арийцы и БМАК. Цилиндрическая печать с Тепе Гиссар IIIb демонстрирует лошадинную колесницу. Она относится к ранней периоду оккупации Северного Ирана племенами БМАК, характеризующимся серой керамикой Горгана (ок. 1800-1600 гг. до н.э.). Эта керамика считается основной среди той назойливой древней западно-иранской серой керамики, которая внезапно появляется в большом количестве повсюду на Эльбрусе, в Азербайджане и возле озера Урмия приблизительно в 1500 г. до н.э. Это как раз то время, когда власть в Митаннийском царстве в Сирии захватили носители протоиндоарийского языка. Протоиндоарийцы Митанни (ок. 1500-1300 гг. до н.э.) принесли на Ближний Восток термин, обозначающий воина на колеснице (хурритский *мариа-нну*, в индоарийском *мариа* — 'молодой человек, воин'). Они также научили хеттов ездить на колеснице: митанниец Киккули написал руководство по дрессировке лошадей для колесниц на хеттском языке, но его технические термины индоиранского происхождения. Гиршман (1977) возвел происхождение индоарийцев Митанни к Горгану, увязав также трубы БМАК с сигнальными трубами, использовавшимися в приемах ведения войны на колеснице. Археологические параллели между БМАК и Сирией (Сарианиди) указывают на оживленные отношения между ними, начавшиеся не позднее XX в. до н.э. посредством оловянной торговли, которую ассирийские купцы вели с Центральной Азией.

Носители индоевропейского языка и Яз I-II. БМАК сменила культура Яз I (ок. 1300-1000 гг. до н.э.), отличавшаяся ручной расписной керамикой, широко распространенной на юге Центральной Азии. Полное отсутствие погребений в течении этого и последующего периода Яз II наводит на мысль о проявлении характерной особенности погребального обряда у зороастрийцев (Francfort 1989). Незначительное количество керамики, представляющей собой простые изделия, украшенные налепными глиняными волнами, предполагало ее восхождение к культуре Бабино (Черных) в Северном Причерноморье. По-видимому, иранские языки распространяются в Азию из Юго-Восточной Европы вместе со стремненной верховой ездой, которая, сменив устаревшую езду на колеснице, дала носителям индоевропейского языка преимущество над индоарийцами. Мидийцы и персы, по видимому, переселились в Иран из Центральной Азии в эпоху Яз II.

Две волны ведических арийцев. Возможно, что приход индоевропейцев в южную Центральную Азию заставил ригведических арийцев переселиться в Южную Азию приблизительно в 1300 г. до н.э. Эта основная волна переселенцев создала старейшие гимны, так называемые родовые книги (Ригведа II-VII). Эти гимны знают бронзу, аяс, но еще не знают железа, которое упоминается как "черный аяс" в немногим более поздней Атарваеде (ок. 1000 г. до н.э.). В Южной Азии этим переселенцам предшествовала более ранняя волна индоарийцев, чьи традиции отражены в более поздних, собранных книгах гимнов, сочиненных, главным образом, поэтами Канвой и Ангирассой (PB I, VIII-X и AV). Эти гимны являются единственными свидетельствами существования

личных имен типа 'Имеющий бога Х как своего гостя', известных из Митаннийского царства. Культ Ашвинов, божеств на колеснице, также известен в них. Во времена Ригведы культ Ашвинов преобладал, главным образом, среди родов Канва и Атри, живших в Гандхаре. (Parpola 2002a; 2005). Культура гандхарского могильника (ок. 1600-600 г. до н.э.) — одна из самых ранних в Южной Азии, имевшая одомашненную лошадь (имеется две могилы лошадей), а ее материальная культура (включая керамику и практика захоронения посредством предания земле или кремации), считается происходящей от поздней фазы БМАК (Silvi Antony, Stacul 1972; Сариниди 1990).

Дасы и ранняя фаза БМАК. Носителям протоиндоарийского языка синташта-аркаимского и андроновского происхождения, видимо, предшествовали, как аристократическая элита БМАК, ранние носители 'иранского языка'. Они могли прийти из полтавской культуры, которая сменила культуру ямных погребений в волжских степях (сравни "афанасьевские" находки в Саразме IV, 2300 г. до н.э.), не на конных колесницах, которых у них не было, но на колесницах, впряженных в быков (изображенных на серебряной чаше БМАК). Переселяясь в Южную Азию в позднехарапское время (Сибри, Чанху-Даро, Гилунд, Медные Склады), они принесли с собой "тантрический" культ богини (изначально ближневосточной) плодородия и победы, которой поклонялись в БМАК (планировка дворца Дашлы-3 является прототипом тантрической мандалы). В индоиранских пограничных областях, возможно в Восточном Афганистане (где все еще существуют БМАК-подобные поместья — кала и нуристанский язык с протоиранскими отличительными особенностями), ригведические арийцы захватили многие цитадели с многочисленными стенами, которые принадлежали враждебным дасам. Этническое имя военнопленных (даса) стало означать 'раба' в индо-арийском языке; оно соответствует слову 'человек, люди' в восточно-иранских, вахическом и хотанском языках (Parpola 1988; 2002b).

ЛИТЕРАТУРА

- Бобомуллоев 1998 — *Бобомуллоев С. (Бостонаухар)*. Верховья Зеравшана во II тысячелетии до н.э. Душанбе, 1998.
Сариниди 1990 — *Сариниди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
Antony 1995 — *Antony D.W.* Horse, Wagon and Chariot. Indo-European Languages and Archaeology // *Antiquity*. Vol. 69, No 64, September.
Gubaev, Koshelenko, Tosi 1998 — *Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M.* The archaeological Maps of the Murghab delta. Rome, 1998.
Karpelan, Parpola 2001 — *Karpelan C., Parpola A., and Koskikallio P.*, ed. Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Helsinki, 2001.
Mallory 1989 — *Mallory J.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
Parpola 1988 — *Parpola A.* The Coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dasas // *Studia Orientalia* 64: pp. 195-302.
Parpola 2002a — *Parpola A.* From the dialects of Old Indo-Aryan to Proto-Indo-Aryan and Proto-Iranian (2002, in Indo-Iranian languages and peoples, ed. N. Sims-Williams. Oxford, 2002, pp. 43-102.
Parpola 2002b — *Parpola A.* Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as initiators of Sakta Tantrism // *Iranica Antiqua* 37: pp. 233-324.
Parpola 2005 — *Parpola A.* The Nasatyas, the chariot and Proto-Aryan religion // *Journal of Indological Studies* 16-17: pp. 1-63.
Silvi Antonini, Stacul 1972 — *Silvi Antonini C, Stacul G.* The Proto-Historic graveyards of Swat (Pakistan). Vol.1-2. Rome, 1972.

БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС И ВЕЛИКАЯ ДОЛИНА ИНДА

Г.Л. ПОССЕЛ

(США)

В конце III-начале II тысячелетия до н.э. артефакты, которые можно связать с Бактрийско-маргианским археологическим комплексом (БМАК), встречаются повсюду в великой долине реки Инд, Белуджистане и, возможно, даже в Раджастане. Данный доклад исследует историю взаимодействия между этими двумя регионами, которое начинается в IV тыс. до н.э. Описывается в общих чертах коллекция БМАК и родственные находки, происходящие из великой долины Инда и Белуджистана, а также их археологический контекст (Илл.30-58).

МАРГИАНА И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

КОЛИН РЕНФРЮ

(США)

КОМПЛЕКСНОЕ ОБЩЕСТВО: ЭГЕЙСКАЯ АНАЛОГИЯ. Эгейские цивилизации Бронзового века, как и аналогичные цивилизации Туркменистана и Иранского плато, были основаны не на великих реках — таких как Нил, Тигр и Евфрат, Инд. Центральноазиатские цивилизации характеризуются как оазисные. Этот термин, несмотря на неточность, описывает модель интенсивно развивавшихся центров земледелия и колонизации, разбросанных между засушливыми странами с низкой плотностью населения. В эгейском случае городские или дворцовые центры располагались на островах или побережьях и были разделены морем. Насколько действует аналогия, судоходные русла и пустынные маршруты играли сопоставимые роли в Центральной Азии. Зачастую существовал соблазн рассматривать их почему-то как "периферийные" по отношению к ранним городским "центрам" Месопотамии, Египта или Инда. Но думается, что их уместно рассматривать по существу в их собственных условиях.

Дворцы Крита около 1800 г. до н.э. были ритуальными и административными центрами, согласно четкой архитектурной модели, основанной на центральном дворе, окруженном "царскими" комнатами, расположенными на бельэтаже, с кладовыми и мастерскими под ними. Богатейшие находки относятся к ритуальному инвентарю. Этим дворцовым центрам предшествовал в середине III тысячелетия до н.э. период обменной деятельности между еще не урбанизированными центрами раннего Бронзового века (включая Трою II). Затем возникла торговля металлами, сыгравшая ключевую роль в истории. Возникновение цивилизации в Эгейском море, конечно, можно обсуждать по суще-

ству с автономной точки зрения, несмотря на те контакты, которые несомненно существовали с Западной Азией и Левантом, хотя ученые со времен Вира Гордона Чайлда (1892-1957) часто рассматривали их как "вторичную цивилизацию".

ПУСТЫННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ И СТЕПЬ. Термин "пустынное поселение" используется здесь в качестве маркера для поселений, возникших в районах с низким количеством осадков, где пятно застройки было обусловлено месторасположением рек и оазисов. К северу от них находились степные территории, часто земли с хорошими пастбищами (которых, очевидно, нет в пустыне), и где в широком масштабе было распространено скотоводческое хозяйство.

Взаимоотношения между поселенцами и степными пастухами (или земледельцами) — это нечто постоянно изменяющееся, составлявшее одно из больших преимуществ данного региона. Недавно мы посетили пустынные поселения в Ксинджанге, на юге Тянь-Шанских гор (в районе пустыни Такла-Макан). Степи начинаются там непосредственно к северу от гор. Взаимодействие интересное, но пока мало что известно о Ксинджанге примерно до 1500 г. до н.э. Следует ожидать, что там вскоре могут быть обнаружены более ранние поселения. Сравнение последовательности культур и взаимосвязь между пустыней и степью в Туркменистане с культурами в Ксинджанге обещает быть достаточно интересной.

ИНДООЕВРОПЕЙСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ СЕМЬЯ. Существуют разные мнения по поводу происхождения и распространения индоевропейских языков. Одно из них — это анатолийская, или земледельческая теория языкового рассеивания, согласно которой прото-индоевропейская речь из Анатолии была перенесена в Грецию, на Балканы и Украину вместе с ранним распространением земледелия, а впоследствии в степные земли Центральной Евразии, так как они были колонизированы земледельцами и скотоводами. Согласно курганной теории языковое рассеивание осуществлялось воинственными конными кочевниками энеолита (медного века), сконцентрированными на севере Черного моря. Обе теории имеют разные значения для Малой Азии и Европы и, тем не менее, демонстрируют сходство взглядов, когда касаются индоиранских языков. Обе считают вероятным эпизод с "господством элиты", возможно, к концу Индской цивилизации, в ходе которого индоевропейский язык (в данном случае — протоиндоиранский) мог быть перенесен на юг, из центральной евроазиатской степи в Северную Индию и Пакистан. Несмотря на то, что приверженцы анатолийской теории могли подвергнуть сомнению точку зрения сторонников курганной теории о том, что этот эпизод следует ассоциировать с концом Индской цивилизации, оба "лагеря" согласились с тем, что степная андроновская культура раннебронзового века могла стать соответствующей отправной точкой для этих ранних носителей индоиранских языков.

Во всем этом вызывает затруднения вопрос об использовании лошади. Гимны Ригведы упоминают о лошадях и колесницах, а не о конных всадниках. Курганная теория в целом уклончива касательно времени, когда конные воины впервые сыграли боевую роль. Выяснилось, однако, что это случилось до 1000 г. до н.э. в Греции, Центральной или Западной Европе, но, возможно, и раньше 1300 г. или 1400 г. до н.э. в центральной евроазиатской степи. Этого оказалось

достаточно для мотивации раннего протоиндоевропейского распространения, которое постулировала курганная теория, однако, хронология не могла помешать обсуждаемому здесь южному направлению передачи боевой лошади из андроновской культуры в Индию и Пакистан.

Если индоевропейский язык достиг Индийского субконтинента из центральной евроазиатской степи, то это должно было происходить через район пустынных поселений, который представлен Туркменистаном, Узбекистаном и Иранским плато. Вопрос в том, как это было? До сих пор еще не было предложено адекватного объяснения или хотя бы теоретической модели этого процесса. Это и является еще одной темой для разговора на данной конференции.

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МАРГИАНЫ

Б.Н.УДЕУМУРАДОВ

(Россия)

1. Археологические памятники Маргианы относящиеся ко второму тыс. до н.э. изучаются уже много времени и в настоящее время являются наиболее исследованными в пределах Средней Азии. По ходу этих работ перед исследователями встают новые цели и задачи. Однако уже сейчас можно говорить о нескольких концепциях, которые присущи всем исследованиям маргианских памятников эпохи бронзы.

2. Первая и, пожалуй, наиболее важная концепция касается их происхождения. При всей очевидности параллелей с южно туркменистанскими памятниками эпохи бронзы предгорьев Копетдага, налицо и вторая составная часть культуры, связанная с древнейшими цивилизациями Месопотамии. В формировании маргианской культуры и цивилизации принимало участие как минимум два составляющих элемента — исконно локальный пласт и трансформировавший его пришлый. Симбиоз этих составляющих и способствовал формированию маргианского феномена. С другой стороны, следует иметь в виду и то, что совершенно аналогичные процессы происходили и в Бактрии, культура которой практически тождественна маргианской. Иными словами, территориальные границы этих процессов были достаточно обширны и охватывали население не только юга Центральной Азии, но и многочисленные древнеземледельческие общины, входившие в ареал бактрийского влияния.

3. Вторая концепция отражает территориальную структуру и социальную иерархию на поселениях Маргианы. Термин "оазис", часто используемый исследователями при обозначении определенной территориальной группы памятников, очевидно, не далек от истины, которая имела место в древности. Применительно к Маргиане речь идет о девяти таких оазисах, хотя в действи-

тельности их число могло быть и большим т.к. в нашем случае количество отражает лишь степень изученности анализируемых объектов. Не новость, что еще первые исследователи Маргианы отмечали общую для всех оазисов закономерность, заключающуюся в том, что определенное количество мелких холмов оазиса группируются как бы вокруг одного центрального, как правило, наиболее крупного. Самым большим по площади памятником в дельте Мургаба является Гонур-депе. Он же является и наиболее изученным. Как свидетельствуют археологические артефакты и их аналогии, этот памятник вполне реально мог играть роль градообразующего и идеологического центра Маргианы. В равной степени это, естественно, относится и к вопросам развития культуры, экономики и соответствующих им коммуникаций. Но, пожалуй, наиболее важным аспектом этой централизации являлась система развития государственных институтов власти способствовавших контролю, управлению и развитию этого ареала древневосточной ойкумены. В этом отношении Маргиана второго тыс. до н.э., представляется, мини государством древневосточного типа со сложившейся социальной структурой предполагавшей наличие управленческого и идеологического аппарата координировавшего деятельность общества. Сама по себе эта система была известна в наиболее древних цивилизациях Египта, а также в междуречье Тигра и Ефрата. Однако применительно к Маргиане появление и формирование государственных институтов следует, видимо рассматривать как параллельный и автохтонный процесс.

4. Третью концепцию исследований напрямую можно связывать с возможным изменением (?) религиозных воззрений. Ее суть сводится к тому, что от простого почитания культа богини-матери, общество Маргианы восприняло или трансформировало политеистическое восприятие окружающего и потустороннего мира, с характерными персонажами связанными с силами добра и зла, света и тьмы, небесного и земного. Появление сложных иконографических сцен на печатях и амулетах косвенным образом подтверждают наличие развитой и уже сформировавшейся мифологии.

5. Наконец, четвертая концепция имеет непосредственное отношение к определению Маргианы в качестве обособленного центра развития культуры, с одной стороны, и как составного элемента всей цивилизации древневосточного типа — с другой.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ БМАК И МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ МАРХАШИ ОКОЛО 2300-1800 ГГ. ДО Н.Э.

АНРИ-ПОЛЬ ФРАНКФОРТ

(Франция)

Проблема локализации древневосточных топонимов, известных из клинописных текстов, длительное время привлекает внимание ученых. Количество мест, расположенных к востоку от Месопотамии, упоминается в клинописных источниках конца III-начала II тысячелетий. Они приводятся в связи с приобретением каких-либо материальных ценностей или из-за дипломатических или политических событий.

Некоторые из данных территорий или стран идентифицируются достаточно четко, хотя и не всегда точно. К ним относятся Элам, Аван, Аншан и Симашки на юге и юго-западе Ирана. От Персидского залива до долины Инда и Харапской цивилизации это Дилмун, Маган и Мелухха. Возможно, Туркиш располагался на северо-западе Ирана и Аратта — в провинции Керман. А как обстоит дело с идентификацией Мархашаи?

Ясно, что в более поздний, старовавилонский период страна Мархашаи, или Барахши переместилась на территорию, расположенную ближе к Месопотамии, возможно, в Загрос. Но в конце III-начале II тысячелетий Мархашаи определенно был страной, независимой от Элама и Месопотамии, расположенной на востоке Элама. Разные ученые выдвигали несколько гипотез. По Штейнкеллеру, Мархашаи располагалась в Кермане, а по Валлату — в "Иранском Белуджистане". Целью этого доклада является обсуждение различных прежних гипотез и высказывание предположения относительно ее локализации в Центральной Азии и идентификации с цивилизацией БМАК (Бактрийско-маргианский археологический комплекс).

Все исторические записи о походах на Восток правителей Аккада и Ура III, все списки стран, все "экзотические" минералы (металл, камень), растения и животные указывают на восточную страну Элам и территорию, расположенную близко к Макану и Мелуххе. Детальная проверка приводит к заключению, что ни одна из упомянутых реалий не позволяет точно определить местонахождение Мархашаи, но они дают возможность предположить, что цивилизация Окса является альтернативной Керману действующей гипотезой. Согласно Штейнкеллеру, "Мархашаи являлась основной политической силой, которая контролировала восточную часть Иранского плато и действовала в качестве посредника между Месопотамией и Эламом на западе и Мелуххой на востоке".

С исторической точки зрения страна упоминается только со времен правления Саргона до периода Ур III и исчезает после Хаммурапи. Согласно наилучшим и самым последним хронологическим данным Бактрии и Маргианы именно этот период являлся временем процветания цивилизации БМАК. После 1800-1700 гг. начинается фаза упадка, которая растягивается на очень длительный срок.

С географической точки зрения цивилизация БМАК в значительной степени развивалась в Туркменистане, Узбекистане, Афганистане и Таджикистане — на севере и юге от Гиндукуша. Она имела свои границы, определенные расположением археологических памятников с хорошо идентифицированными материалами в восточной части Ирана в районе Нишапура, в Сеистане возле Над-и Али (граничащем с Маганом), в Белуджистане на Мергаре Наушаро (граничащем с Мелуххой) и на севере-востоке Афганистана в Шортугае (также напротив границы с Мелуххой). Именно эта зона и является местом возможной локализации Мархаши.

С культурной точки зрения, материал, найденный на памятниках Маргианы и Бактрии, включает много ценных артефактов и художественных изделий, импортированных из Месопотамии или Элама, с одной стороны, и Индской цивилизацией, с другой. Как теперь стало известно, на Западе международные связи цивилизации Окса распространялись до Анатолии и Сирии. Это вполне соответствует роли страны-посредника в отношениях, затрагивающих дальние расстояния и обмены, предполагаемые для Мархаши. Однако, этого недостаточно для того, чтобы отдать предпочтение цивилизации Окса охотнее, чем Керману в локализации Мархаши.

Керманская гипотеза в пользу Мархаши сейчас более слабая, чем последние очень важные открытия Джирофта и Халил Руда в Кермане. Данные памятники имеют свои крепкие связи с Месопотамией в более раннее время, чем БМАК. С другой стороны, нет подтверждения какой-либо крепкой или непосредственной связи с Индской цивилизацией. Кажется, Керман больше подходит для идентификации с Араттой (Маджидзаде) или, например, с Симашками (Валлат).

Гипотезу о цивилизации БМАК также значительно подкрепляет Мурей в отношении расположения Тукриша на северо-востоке Ирана. Эта страна располагается "между Мархаши и Эламом" на основании текста под названием "География Саргона". Согласно месопотамским и сирийским текстам, лазурит и металлические изделия с драгоценными цветными инкрустациями, происходящие из Тукриша, может подразумевать голубой камень из Афганистана (конечно) и драгоценности с цветными вставками из цивилизации Окса, хорошо известные по усыпальницам Бактрии и Маргианы. Ювелирная техника необычна, а как мы знаем, минеральные ресурсы и драгоценные камни бактрийских гор находились под контролем цивилизации Окса.

С лингвистической точки зрения, нельзя проследить никакой непосредственной связи от Мархаши до авестийской Моуру или староперсидского Маргуша. Но специалисты-лингвисты сделали предположение о том, что Мархаши — это копия оригинала *Варахши или *Варгуши. Необходимы дальнейшие исследования, так как только дополнительный археологический материал, новые тексты и свежие интерпретации смогут разрешить данный вопрос.

Таким образом, пока отсутствует какой-либо определенный аргумент, который может поставить точку, но в настоящее время гипотеза о цивилизации БМАК рассматривается очень серьезно благодаря раскопкам в Туркменистане и открытиям профессора В.И.Сарианиди.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАРОДЫ И МАРГИАНА

ЖЕРАР ФУССМАН

(Франция)

Открытие Бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК), или цивилизации Окса — это одно из главных археологических событий за последние 50 лет. Раскопки громадных сооружений и богатых могил в дельте Мургаба (Тоголок, Гонур и т.д.) в Туркменистане, и их быстрая и эрудированная публикация своим открывателем, Виктором Сарианиди предоставляют сегодня историкам возможность дать им полную оценку. Скажем лишь, что еще 70 лет назад к востоку от Средиземного моря были известны лишь две городские цивилизации III тысячелетия до н.э., одна — в плодородных долинах между Тигром и Евфратом, другая — в долине Инда, разделенные огромными дистанциями и на вид весьма несхожие. Единственной связью между этими двумя цивилизациями были несколько печатей, найденных в Месопотамии. Сейчас картина поразительно изменилась: мы знаем, что между этими основными цивилизациями находились Иран, Афганистан и Белуджистан, сеть деревень и маленьких городов, связанных обменом, а также третий основной участник — цивилизация Окса, чьи достижения были столь же великими, как и достижения городов Месопотамии и Инда, несмотря на то, что они были сделаны в совсем другой, намного более сложной среде.

До этих открытий индоевропейская проблема выглядела довольно просто: группы народов, говорящие на индоевропейских языках, проникали, более или менее мирно, в центральноазиатское пространство, незанятое каким-либо населением, способным им противостоять или как-то повлиять на их языки или идеологию. Теперь представление изменилось: индоевропейские группы, пленившие как жителей запада, так и индийцев, так как предполагалось, что они являются частью их предков, мигрировали через высокоразвитые страны, и невозможно поверить, что они совсем не имели контактов с народами этих стран, которые говорили на неиндоевропейских языках и исповедовали неиндоевропейские религии. Если это так, то ученые обязаны задать вопрос, какое влияние индоевропейцы имели на эти народы и как оседлые народы Центральной Азии повлияли на мигрирующих индоевропейцев?

Часть огромной научной литературы, опубликованной за последние 20 лет, пытается ответить на эти вопросы. Ее отправным пунктом является общерелигиозная интерпретация некоторых построек БМАК (единственное, что мы знаем об индоевропейцах, кроме их языков, это их религия) и немногочисленные попытки обнаружить в индоевропейских языках некоторое количество слов и понятий, заимствованных из цивилизации Окса.

Ни одна из этих интерпретаций и попыток не является вполне убедительной: каждая статья сопровождается оговорками, спорами и опровержениями. Кроме того, ситуация часто меняется: открытие одной печати, изображающей грифов на трупе, или одной крошечной статуэтки лошади заставляет ученых менять свое мнение, или совершенствовать свои реконструк-

ции. С другой стороны, если, благодаря радиоуглеродному датированию хронология цивилизации Окса все более и более уточняется и закрепляется, то нет единодушия по единственному источнику по иранской идеологии — Авесте; существование каких-либо других источников и единственность Ригведы становятся все более и более спорными. Это не значит, что какая-то гипотеза не может быть выдвинута. Но если существует много невозможного, то есть и немало возможного.

Один из способов облегчить проблему — это взглянуть на бесспорные до сих пор послышки большинства ученых заново. Они следующие:

- Очевидное сходство в материальной культуре означает, что цивилизация Окса является однородной, то есть мы можем предположить, что за исключением незначительных различий, повсюду в Маргиане и Бактрии существовали одинаковые материальная культура, идеология, политическая и экономическая система, язык и схема развития, и, что еще более важно, что каждая из этих двух стран была заселена также плотно, как и дельта Мургаба.

- Вынужденное использование неточной хронологии (например, 2500-1700 плюс-минус 200 лет для развитого БМАК) создает впечатление, что за это время не происходило никакого основного развития, никаких кризисов, даже, никаких крупных изменений.

- Толкование терминологии, созданной лингвистами для лингвистов, а именно "индоевропейский", "индоарийский" в сферах религии, идеологии и общественной жизни дает ощущение единства, которое лингвисты никогда не постулировали.

Данный доклад попытается доказать, что введение в обсуждение пространственных, хронологических и идеологических дифференцирований не даст точный ответ на многие вопросы, поставленные в результате новых открытий, но проблемы, которые мы пытаемся разрешить, уже не будут больше казаться полными непреодолимыми противоречиями.

БМАК, АХАРСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС И АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Д.С. ХАРАКВАЛ

(Индия)

Т. ОСАДА

(Япония)

Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс (БМАК) характеризуется мощной фортификацией, религиозными сооружениями, уникальной коллекцией керамики, медными предметами, печатями и их оттисками. Открытие материала типа БМАК во многих городах Хараппы является признаком существования некоторого взаимодействия между этими двумя культурами. Ахарс-

кая культура (Банас), процветавшая с середины IV до середины II тысячелетия до н.э. в Южном Раджастхане (Западная Индия) отличается типичными черно-красными изделиями, постройками из глины, сырцового кирпича и камня, медными и бронзовыми артефактами. Известно более ста городов этого культурного комплекса, из которых раскопаны лишь четыре, а именно, Ахар, Балатал, Гилунд и Оджиана. Выходит, что хараппцы имели торговые или культурные контакты с Ахарским комплексом, о чем, вероятно, свидетельствует керамика хараппского типа в городах Ахарской культуры и керамика ахарского типа на некоторых хараппских городищах в Гуджарате. Недавние исследования на городищах Ахарской культуры, например, в Гилунде и Балатале, принесли довольно интересное свидетельство наличия печатей типичных для БМАК. Следовательно, существует большая вероятность существования взаимодействия между БМАК и Ахарским культурным комплексом через могущественных хараппцев.

Данный доклад, следовательно, рассмотрит археологические данные и проблемы арийцев.

ИРРИГАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЭПОХИ БРОНЗЫ И РОСТ УРБАНИЗАЦИИ В ДЕЛЬТЕ МУРГАБА

БАРБАРА ЧЕРАЗЕТТИ

(Италия)

С тех пор как в начале XX века Рафаэль Пампелли открыл цивилизацию Анау у подножия Копетдагских гор на юге Туркменистана, прерывность урбанизации в Средней Азии была связана с нерегулярным водоснабжением. Реки, подобные Мургабу на юге Туркменистана, несут свои воды в большую дельту, пересекая пустыню по обрывистым коридорам, которые разделяют верхние и нижние участки по течению. Крупные центры Средней Азии получали воду из рек, текущих из отдаленных гор, очень часто находящихся за пределами какого-либо непосредственного политического контроля.

Благодаря недавним интенсивным археологическим исследованиям по всему региону, при поддержке данных, полученных с помощью GIS и анализа спутниковых изображений (илл. 59-62), мы попытаемся связать развитие урбанизации в бронзовом веке с инновациями в управлении водными ресурсами. Доказательства, собранные в течение последних двадцати лет в результате наших исследований и других параллельных проектов в дельте Мургаба, совершенно ясно показывают различия между несостоявшимся протоурбанизмом раннего бронзового века и успешным протоурбанизмом железного века. Строительство искусственной ирригационной системы требовало организации рабочей силы, связанной с высоким уровнем политической и социальной сложности. Эксплуатация речной воды не была рукотворным процессом до Ахеме-

нидского периода, характеризующимся строительством главных дамб вдоль основных течений Мургаба, таких как Великий Бент и Султанбент. Эти сооружения несомненно поддерживались центральной властью, очень хорошо организованной и способной выстоять перед непрестанной проблемой речной регрессии, предоставляя экономические ресурсы для строительства и поддержания этих общественных строений, конечно, вовлекая большие человеческие ресурсы.

В период бронзового века (2400-2100 гг. до н.э.) поселения были однородно распределены по всей территории дельты. Благодаря усилиям В.И. Сарияниди и его группы, мы можем понять появление и развитие главного центра этого периода во взаимосвязи с соответствующей окружающей средой. Северный Гонур является ярким примером большого протогородского центра (35 га) вблизи от поселений, расположенных вдоль подгорной территории. На протяжении бронзового века территория дельты не была покрыта песком и была обеспечена речной водой для сельскохозяйственной эксплуатации. Система поселений зависела не только от ситуации с окружающей средой, но, главным образом, от влияния человека. Использование многоугольника Тиссена показывает, что в период среднего бронзового века система поселений была организована иерархически, с Северным Гонуром в центре, где сосредотачивались административные функции, что подтверждает наличие впечатляющего дворца. Во всяком случае, административная деятельность распределялась по последовательным рядам поселений второстепенной значимости, которые контролировали окружающие их территории. К сожалению, попытка урбанизации, выразившаяся в создании главного поселения середины бронзового века, Северного Гонура, потерпела неудачу из-за неблагоприятных природных факторов и условий водоснабжения.

На основании археологической топографии и подробного анализа ландшафта с использованием спутниковой и аэрофотосъемки (полезных средств для данного исследования) мы постарались реконструировать окружающую среду середины бронзового века и ирригационную систему того времени.

СВЯЩЕННЫЕ КУЛЬТЫ И ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА

ХЕМРА ЮСУПОВ

(Туркменистан)

Самобытность массагетов — древних скотоводов Северо-Западного Туркменистана по сравнению с другими кочевниками евразийских степей прослеживается не только в форме материальной, но и духовной культуры. С VII-VI вв. до н.э. она проявляется в распространении погребальных обрядов с различными видами оссуарных захоронений, но они составляют лишь небольшой процент погребений от общего числа могильников со склепами.

В качестве оссуариев часто использовалась преимущественно местная лепная посуда раннего облика (Терсакан, Ялкым). Оссуарный обряд формируется как дополнение к локальному погребальному обряду, предусматривавшему первоначальное очищение костей от мягких тканей в склепе, а затем их сбор в оссуарии. В указанном регионе практически нет склепов с одними лишь оссуарными погребениями. Все погребальные сооружения одновременно являлись местом выставления трупов и наусом для оссуариев. Массовое распространение оссуариев наблюдается в позднем периоде. Уникальными для "зороастрийских" областей служат корытообразные оссуарии местного производства, использовавшиеся для захоронения остеологического материала одновременно с местными и импортными сосудами. Они отражают какую-то локальную группу верований ограниченного территориального распространения.

Археологически выявленные в регионе типы захоронений хорошо укладываются в систему погребальных обычаев древних скотоводов, как они засвидетельствованы письменными источниками (Страбон и др.). Практически погребальный обряд совмещал несколько этапов: сооружение склепа; выставление трупа в склепе на площадке, очищенной от земли до скального основания; погребение очищенных костей в оссуариях или собранных в кучи. Зафиксировано три случая возведения пристройки не совсем ясного назначения с северной стороны склепа. Поздние склепы не только не были наглухо изолированы, но, напротив, имели специальный доступ для последующих погребений (Бейнеу).

Перечисленные особенности дают основание считать, что погребальный обряд и, очевидно, соответствующие верования насельников Северо-Западного Туркменистана демонстрируют значительную близость к зороастризму или к исходным для него традициям, сильно отличаясь от обычаев других племен, не говоря уже о северо-причерноморских скотоводах. Помимо погребального обряда, об этом же свидетельствуют и культовые комплексы Ичянлыдепе на Узбое и Гаравулдепе на Большом Балхане, аналогичные святилищам со священным огнем. В тоже время примечательно и, возможно, неслучайное отсутствие в памятниках Северо-Западного Туркменистана находок так называемого евразийского звериного стиля. Лишь в поздних памятниках появляются его слабые прототипы. Правда, в античных погребальных сооружениях этого региона встречены стилизованные антропоморфные статуэтки из мягких пород камня, видимо, имевшие какое-то культовое назначение. Упомянем также керамические ритуальные предметы с Ичянлыдепе, среди которых есть уже сильно стилизованная статуэтка, модель ладьевидного оссуария.

На обоих святилищах обнаруживается бережное отношение к пеплу и золе священного огня. Их старались сохранить на месте. Однако за несколько веков функционирования святилищ образовывалось огромное количество остатков горения, которое невозможно было оставлять тут же. Поэтому, судя по всему, система ритуалов культа допускала удаление основной части давно сгоревшего материала. Одним из возможных способов утилизации священной золы могло быть ее применение для освящения новых погребальных сооружений — на это указывают следы пепла и угольки в склепах и насыпных курганах.

Гаравулдепе и Ичянлыдепе, по всей вероятности, представляли собой святилища одинаковой значимости. В них содержались если не главные священные огни этого региона, то огни достаточно высокого ранга. Каждое из святилищ имело свой радиус влияния и оба были поинуты во II в. до н.э., а новые не были организованы. Вероятно, часть их функций выполнялась на небольших и довольно многочисленных "алтарях", приуроченных к могилиньникам (Гичгельды, Чырышли 14 и 16, Чолунгыр и др.). Присутствие на Ичянлыдепе среди пепла полусгоревших веточек полыни позволяет предполагать ее употребление в качестве благовонного растения. Согласно античным источникам, в священный огонь бросали пахучие и одурманивающие растения и древесные ягоды. Из местной флоры для этой цели наиболее подходили кустики эфедры и ветви арчи с плодами.

К Р А Т К И Е С О О Б Щ Е Н И Я

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

В доисторическом отделе Национального музея в Тегеране хранится коллекция, которую составляют изделия из гипса и мягких камней. Она весьма важна для археологического изучения Северо-Восточного Ирана, Южного Туркменистана и Северо-Западного Афганистана, так как подтверждает наличие культурных отношений и межкультурных связей в Большом Хорасане.

Как свидетельствуют документы, имеющиеся в Национальном музее Ирана эта коллекция собрана именно в Хорасане и в сопредельных областях. Гиссарские и восточноиранские образцы, а также экземпляры из Афганистана и Туркменистана могут содействовать распространению среди археологов сведений по обработке камней и торговле ими.

В статье предпринята попытка представления и классификации этих объектов, приведены результаты химического анализа для определения типа камней, их происхождения, возможного места производства, распределения в Иране, Центральной Азии, Маргиане и Бактрии. Проведен сравнительный анализ с целью получения внешнего сходства, составления таблицы и предполагаемой хронологии этих объектов.

Х. Акбари, М. Хессари (Иран)

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ МАРГИАНЫ

"...Мерв, Мару-Шаху-Джахан. Возникший четыре тысячи лет тому назад как центр развитой цивилизации древних туркмен, этот город на протяжении всей своей истории слыл жемчужиной Востока" — написал Великий Сапармурат Туркменбаши в священной Рухнама.

Древняя дельта реки Мургаб была главным источником воды огромной и сложной оросительной системы. В начале II тысячелетия до н.э. в широком веере мургабской дельты возникли многочисленные оседло-земледельческие поселения. Самые первые из них располагались длинной полосой вдоль северной части Мургаба. Эти плодородные земли с целой сетью естественных речных протоков были наиболее благоприятными для развития орошаемого

земледелия, так как не требовали слишком большого труда. С помощью несложных плотин и запруд, малых каналов и арыков маргушцы успешно решали проблемы ирригации. Орошаемые земли, по-видимому, обрабатывали деревянными плугами, запряженные быками.

Благодаря нормальной экологической ситуации, удачному сочетанию географических, природно-климатических условий и, безусловно, с учетом трудолюбия земледельцев, на протяжении II тысячелетия до н.э. Маргиана достигла небывалого прогресса в своем цивилизационном развитии. Об этом свидетельствуют возникшие здесь крупные изолированные оазисы с центрами Гонур-депе, Тоголок, Аджи-куи, Тахирбай, Таип и др. Это были процветающие зеленые островки среди полузакрепленных песков.

По археологическим данным, на плодородных землях Маргианы повсеместно преобладали зерновые культуры. В большинстве районов поливного и богарного земледелия выращивали, в основном, пшеницу и ячмень. Об этом свидетельствуют археологические находки с групп поселений Тахирбайского, Тоголокского, Яздепинского и других оазисов.

Тахирбайский оазис, существовавший еще в начале I тысячелетия до н.э., был наиболее многочисленным и процветающим. Здесь обнаружены следы древних каналов, остатки сырцового кирпича, замешанного с саманом, большие хумы с широким устьем для хранения муки, зерна, части зернотёрок, ступки. Среди слоев мусора найдены обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, обнаружены специальные зернохранилища. Тоголокский оазис включает около 30 древнеземледельческих поселений. При проведении археологических раскопок здесь также были найдены остатки ячменя и пшеницы, семена бобовых, фрагменты зернотёрок, пестики.

Весь комплекс палеоботанических данных, полученных за последние десятилетия, подтверждают высказанные академиком В.В.Струве около полувека назад слова о том, что плодородные почвы и богатство недр Маргианы, а также соседних оазисов к западу от нее способствовали здесь зарождению культуры уже в глубокой древности.

Аннадурсун Атаева (Туркменистан)

НЕКОТОРЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ЯЗЫЧЕСКИХ КУЛЬТОВ У ТУРКМЕН

В современном туркменском языке сохранилось немало слов, означающих доисламские языческие верования и культы, связанные как с зорастризмом (отпараз, то есть огнепоклонник), так и с буддизмом (бутпараз, в широком смысле означающее "идолопоклонник, язычник, буддист"). Большинство реликтовых обрядов, зафиксированных этнографами у современных туркмен, также уходят своими истоками в языческую эпоху. Прежде всего, это обряды шаман-от и кара-чаршенбе (черная среда), связанные с ежегодными ритуальными прыжками через огонь с магической очистительной целью.

Археологические данные подтверждают наличие культа огня у предков туркмен — массагетов, дахо-скифских племен и средневековых огузов.

В II в. до н.э.-VI в. н.э. на территории современного Туркменистана функционировали храмы огня, в которых хранился вечный огонь. Эта традиция, судя по всему непрерывная, прослеживается на территории Туркменистана со II тысячелетия до н.э., о чем убедительно свидетельствуют раскопки В.И.Сарианиди в Маргиане.

В религиозных представлениях народов древнего Хорасана и Хорезма особое место занимали и шаманские верования. Сущность шаманства как одной из разновидностей язычества заключается в почитании природы вообще, в том числе небесных светил — солнца, луны, звезд, а также земных стихий: огня и воды. Реликты проявления шаманства в жизни туркмен сохраняются до сих пор. Конкретно это выражаются в поклонении святым местам, фольклорная традиция сохранила ярко выраженный культ предков.

Одной из наиболее ранних и долговечных форм религиозных представлений у туркмен является тотемизм, отголоски которого прослеживаются в названиях туркменских родов, племен и локальных групп (окуз, гурт, тилки, шагал, гулан и т.д.).

Сапармурат Туркменбаши Великий в Священной Рухнама пишет: "Характерной особенностью национального духа туркмен является их взгляд на религию. Во все времена, когда отношение к религии менялось в зависимости от политического климата на дворе, туркмены хранили преданность избранной вере... И даже ислам они восприняли своеобразно, хотя и со всей душой. Не нарушая и не искажая главных принципов ислама, туркмены не отказались от своих предыдущих, доисламских верований и традиций".

Гунча Атаева (Туркменистан)

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ ЧЕРЕП ИЗ АДЖИ КУИ 1

С 2001 г. на памятниках Аджи Куи 1 и 9 работает международная археологическая экспедиция Центра Лигабуе под руководством Габриеле Росси-Осмида (Италия), которую с туркменской стороны до 2004 г. представлял Берды Удеумурадов, а с 2005 г. — Аннамурад Оразов.

Аджи Куи 1 находится примерно в 14 км к западу от Гонур-депе. Здесь осенью 2004 г. из шурфа № 2, заложенного на холме, добыт череп мужчины 25-30 лет, датированный радиоуглеродным методом эпохой энеолита. Еще раньше Б.Удемурадов на основании отдельных находок фрагментов керамики высказал предположение, что Аджи Куи по возрасту несколько древнее Гонура.

Краткая характеристика черепа. Черепная коробка овоидной формы, гипердолихокранный (ч.ук.68,4), при большом продольном диаметре (190 мм) и очень малой величине поперечного (130 мм). Лоб покатый, надбровье сильно развито. Лицо узкое, средневысокое, резко профилировано в горизонтальной плоскости. Нос невысокий, средней ширины, резко выступающий (35о), орбиты средней высоты и ширины. Клыковая яма глубокая.

Расовый тип данного индивидуума определяет как европеоидный восточно-средиземноморский. По основным параметрам мозгового и лицевого отдела череп из Аджи Куи 1 наиболее близок к гонурским сериям, а также обнаруживает сходство с сериями из Алтын-депе, Пархая, Сумбара и Джаркутана.

Обнаруженный череп из аджикуинского шурфа №2 пока первый и единственный на территории древней Маргианы, относящийся к эпохе энеолита. Он дает все основания говорить, что и в тот период здесь были расселены люди европеоидного облика.

Ораз Бабаков (Туркменистан)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СЛЕДЫ КУЛЬТА БОГИНИ-МАТЕРИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Обычаи поклонения богине-матери со времен энеолита и бронзы сохранились до нашего времени у населения среднего течения Амударьи. Эти обычаи мы зафиксировали во время экспедиций 1992-1996 годов. В празднестве, посвященном богине-матери участвуют девушки брачного возраста и женщины.

Один из таких праздников называется "Биби сишенбе". Полевые материалы подтверждают, что богиня -мать носила имя "Биби", а "сишенбе" связано с днём проведения праздника. В толковых словарях слово "Биби" означает владительница, старшая, великая. Именем Биби называли первую дочь, в племенах сакар и гёклен у старших сестёр и уважаемых женщин после имени добавляют "Биби". И в настоящее время туркмены называют святых женщин Патма-биби и Айша-биби в память о женах пророка Мухаммеда.

Это празднество проходит как поминание богини-матери. Участники праздника одевают, украшают одну из женщин и создают образ богини-матери. Одежда должна быть максимально красивой. На голову завязывают до семи платков или цилиндрообразный головной убор (топбы) и снаружи повязывают три платка. Этот головной убор олицетворяет корону богини-матери. Потом женщину сажают на самое почетное место за дастарханом на семь или на сорок мягких подстилок (кёрпече). К этому празднику готовится семь видов пищи. Каждое блюдо сначала подается богине-матере, она пробует его, затем блюдо передается остальным женщинам.

Другой праздник в честь богини-матери называется "Лечек тойы". "Лечек" — головной убор самой уважаемой женщины. Этот головной убор называется также "хасаба" или "богмач". Этот головной убор закрывает грудную часть одежды женщины и украшается золотыми и серебряными монетами. После ритуального надевания головного убора, составляющего главную часть одежды богини-матери, взрослые женщины по обе стороны от нее бьют в бубны и поют шуточные песни о каждой, кто подходит здороваться с героиней праздника, которая отвечает им наклоном головы. Каждая, кто здоровается с ней, приносит дары. На праздник также готовится семь блюд, каждое из которых сначала подается богине-матери, а затем остальным. Праздник продолжается шуточными песнями, танцами, игрой на бубне.

Агамурад Балтаев (Туркменистан)

СВЯЗИ МЕЖДУ АКЧАДАРЬЕЙ, МАРГИАНОЙ И СЕИСТАНОМ В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

Среди неолитических культур Центральной Азии только Джейтун в Южном Туркменистане известен своим укладом жизни (земледелие, скотоводство, оседлость) как единственный в своем роде эталонный памятник. Однако, как показали недавние раскопки в Аджакагытме (пустыня Кизылкум), проведенные французско-узбекской экспедицией под руководством Фредерик Бруне и Мухиддина Худжаназарова, одомашниванием быка характеризуется также и кельтеминарская культура в Узбекистане, датируемая VI тысячелетием до н.э. Отношения между этой культурой в Акчадарьинской области, особенно в течение второй фазы (V тысячелетие до н.э.) и земледельческо-скотоводческими обществами в Южном Туркменистане представляют особый интерес.

Действительно, проблема неолитизации Центральной Азии, процесса, который привел к возникновению производящих обществ, а позднее — к культурам бронзового века, изучена мало и, поэтому, все еще плохо известна. То же самое справедливо для проблемы переходного периода от неолитического (Джейтун) к медному (Анау, Намазга I-III) и от медного (халколит, энеолит) к бронзовому веку (Намазга IV) в Южном Туркменистане.

Недавние исследования на городище Улуг-депе в Туркменистане, в рамках французско-туркменской экспедиции по руководством Оливье Леконта и Мухаммеда Мамедова принесли важные результаты в этом направлении. Критический пересмотр и всеобъемлющее изучение археологических данных, а также технологический анализ материальной культуры этих периодов из разных частей Центральной Азии, позволяют сделать некоторые новые замечания и выдвинуть гипотезы, касающиеся сложности этих феноменов. Действуя таким образом, мы предлагаем пересмотреть также взаимоотношения на протяжении позднего халколита (Намазга III) между главными городищами Южного Туркменистана (Улуг-депе, Карадепе, Геоксюр), а также между этим регионом и Сеистаном (Шахр-и Сохта), с которым выявлены многочисленные связи.

Фредерик Бруне (Франция)

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Ряд археологических данных убедительно свидетельствуют, что во втором тысячелетии до н.э. Маргиана находилась в тесных контактах с другими древневосточными территориями — от Средиземноморья до Инда. В Северо-Восточном Иране располагается поселение Гиссар с культурой серолощенной керамики, некоторые из форм которой находят параллели в маргианских сосудах. То же самое относится и к печатям, изготовленным из камня. Сходство с маргианскими имеют также бронзовые печати из поселения Марлик на севере Ирана.

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ

Как известно, родиной цилиндрических печатей является Месопотамия, откуда они распространились на соседние территории торговыми путями. Какая-то их часть попала и в Маргиану. Однако, сюжеты на печатях (как правило, на мифологические темы) и фигурирующие на них некоторые животные (бык, верблюд, лошадь) позволяют утверждать, что не все они были импортированы. Не исключено, что какая-то их часть была изготовлена на месте, хотя сырье для них (поделочный камень) был, конечно, привозным.

Не будем забывать, что эпоха бронзы была временем достаточно высокого развития торговых связей на большой территории, между Месопотамией и Индией.

На юге Ирана, в Керманском оазисе, на южной оконечности соляной пустыни Дешт-и-Лут расположен памятник Шахдат, относящийся к эпохе бронзы. Находясь на половине пути между Индией и Месопотамией, Шахдат играл роль перевалочного пункта в торговле между двумя этими цивилизациями. Археологические находки на этом памятнике свидетельствуют о хорошо налаженном пути и в направлении севера — в сторону Туркменистана. В том же Керманском оазисе находится холм Яхья-тепе. Его верхний, IV слой характеризуется материалами бронзового века, сходными с маргушскими. Важное значение имеют и параллели с материальной культурой Элама — широкой долины рек Керхе и Карун в Юго-Западном Иране, на что впервые обратил внимание еще 100 лет назад американский исследователь Рафаэль Пампелли.

Таким образом, есть все основания считать, что торговые пути между Востоком и Западом уже функционировали во II тысячелетии до н.э. Все это время культурные ценности земледельцев Южного Туркменистана не только впитывали достижения других очагов цивилизаций Древнего Востока, но и оказывали свое влияние на их культуру. Маргиана, находившаяся на перекрестке караванных путей, сохраняла самобытную культуру и обогащалась благодаря международным контактам и взаимовлияниям.

Нургозель Бяшимова (Туркменистан)

ИНДСКИЕ И РОДСТВЕННЫЕ ИМ ПЕЧАТИ ИЗВНЕ

Некоторые квадратные печати индского типа, обнаруженные в Месопотамии, Омане, Туркменистане и т.д. свидетельствуют о непосредственном торговом контакте Индской цивилизации с этими странами. Вместе с индскими печатями найдены также цилиндрические, круглые и треугольно-призмические печати, относящиеся к местной соответствующей цивилизации или региону. Несмотря на их местные формы этих печатей, изображение на них животных в индском стиле и индские знаки указывают на тесную связь с Индской цивилизацией.

Печати эти собирались и сравнивались для составления более правильного понимания индской торговой деятельности. Каждая тип печати можно отнести к определенной группе купцов, имеющих различное социальное происхождение. Торговая деятельность в индский период должна была представлять собой настоящий комплексный феномен.

Манабу Коисо (Япония)

Археологические исследования, проводимые под руководством профессора В.И.Сарианиди в старой дельте реки Мургаб, с достаточной полнотой дали миру материальные и художественные свидетельства существования древнего государства, известного в различных исторических источниках как Моуру, Маргуш, Маргиана со столичным центром Гонур-депе. Культура этого государства, не уступающая по своей значимости цивилизациям Месопотамии, Египта, Индии, Китая, представляет феномен, который сегодня с научной точки зрения по-прежнему признан пятым в этом ряду очагом древневосточной цивилизации. Здесь, на нынешней туркменской земле, в эпоху бронзы среди местных племен зарождались традиции, оформившиеся впоследствии в первую мировую религию — зороастризм.

Монументальные дворцовые и храмовые постройки Гонура, многочисленные произведения изобразительного искусства из золота, серебра, бронзы, камня, мозаичные панели с различными сюжетами и орнаментами, коллекции предметов быта и культового инвентаря древних маргушцев являются подтверждением высокого уровня развития этой культуры. Многие из этих предметов являются настоящими шедеврами орнаментальных и, прежде всего, сюжетных композиций с многообразными вариациями антропоморфных и зооморфных мотивов. Искусствоведам еще предстоит большая работа по классификации и систематизации выявленных археологами произведений изобразительного искусства древних мастеров Маргианы. Необходим профессиональный иконографический анализ, который позволит глубже раскрыть содержание древнемаргианского искусства, выявить стилевые направления, существовавшие в художественной культуре этого региона во II тысячелетии до н.э. и определить место, которое она занимала в контексте всего Бактрийско-маргианского археологического комплекса и в искусстве всего древнего Востока, учитывая параллели со средиземноморским миром.

Наследие Маргианы эпохи бронзы каким мы его знаем сегодня, предстает в разных гранях, эмоциональных аспектах, привлекая внимание своей оригинальностью и глубиной духовного содержания. Сегодня, в начале третьего тысячелетия, исследование археологических находок и необходимость с новых позиций раскрыть значение культурных традиций древней Маргианы, обновить общечеловеческие нравственные и эстетические ценности в произведениях древнемаргушских мастеров представляет одну из важнейших задач истории искусства Туркменистана.

Курбанджемал Кураева (Туркменистан)

МОГИЛЬНИК "ТЕМЕНОСА" ГОНУРА

Миграции древнеземледельческих племен в конце III-II тысячелетиях до н.э. способствовали появлению в древней дельте реки Мургаб культуры БМАК. Свидетельством этому служат результаты тридцатилетних крупномасштабных комплексных археологических исследований в Маргиане, проводимых под руководством В.И.Сарианиди. Открытия последних лет на столичном поселении Гонур-депе подтверждают существование цивилизации древневосточного типа, а великолепные и редчайшие находки из элитарного могильника представляют подлинные шедевры мирового искусства.

В октябре 2002 г. В.И.Сарианиди и Н.А.Дубова обнаружили могильник, расположенный в 150 м южнее теменоса Гонура, также относящийся к эпохе бронзы. Весной 2003 г. была исследована площадь могильника, составившая 240 кв.м, на которой выявлено и расчищено 11 погребений и 4 "поминальные" лунки. Могилы вырыты в песчаном грунте и располагаются на глубине 0,25; 0,5; 0,6 м от дневной поверхности. Из них четыре могилы ограблены в древности. В двух подбойных могилах (кенотафах), при наличии погребального инвентаря (5-ти и 3-х керамических сосудов; сердоликовой бусинки), отсутствовали кости человеческих скелетов. Погребальные сооружения конструктивно разделяются на два типа: ямный и шахтный (подбойный). Ориентация захоронений — северная и северо-западная.

Погребальные сооружения использовались для индивидуальных захоронений. Погребенные находились в скорченном положении (с руками перед грудью и согнутыми ногами), на правом боку, головой на север, северо-запад. Около головы или перед грудью находился погребальный инвентарь. Комплекс находок с могильника представлен глиняными сосудами, бронзовыми и каменными изделиями. Керамические сосуды, составившие 51 единицу из которой только 14 — целые, разделяются на несколько типов: чаши, вазообразные сосуды на полый ножке, кубковидные и банковидные сосуды, кувшины, цилиндрические сосуды с почти треугольным в сечении венчиком, горшковидный сосуд с подкосом в нижней, приземистой части.

Два погребения (№ 1 и № 2) отличались наличием украшений (золотые и серебряные серьги; бронзовая заколка с золотым конусовидным навершием; бронзовая булавка с конусовидной шляпкой; фрагменты бронзового браслета; бронзовые, мелкие серебряные, сердоликовая, фаянсовая, дисковидные стеатитовые и лазуритовые бусины) и бронзовых изделий (нож, фрагменты двух зеркал, косметическая лопаточка, тонкостенная крышечка со сквозным отверстием). В одной из могил найдена фаянсовая печать с геометрическим орнаментом. Каменные, стеатитовые биконические пряслица-бусины оформлены двумя или тремя солярными знаками. Весь комплекс находок могильника теменоса Гонура находит соответствия в археологических материалах, относящихся к периоду развитой бронзы (Намазга V).

Эджегуль Мурадова (Туркменистан)

СОВРЕМЕННЫЙ ЯЗЫК КАК НАДЕЖНЫЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Туркменский язык на протяжении веков впитывал в себя и сохранил до наших дней отдельные стороны мировоззрения минувших поколений, религиозные представления далеких предков, отголоски былых исторических событий, крупных общественных явлений прошлого и т.п. Поистине уникальные сведения можно обнаружить в глубинных пластах языковой философии и логики в целом, и в семантике отдельных слов и их сочетаний в частности.

В туркменском языке восход солнца (луны, звезд) и рождение младенца обозначается одним общим глаголом *dogmak*, что свидетельствует о значении, придаваемом далекими предками туркмен появлению на земле каждого нового человека. Таким образом, в сознании и языке рождение человека составляло единый семантический ряд совместно с появлением светил на небосводе. По-видимому, рождение детенышей у животных и ранее обозначалось другими соответствующими словами: *goyup guzlady*, *baytal gulunlady*, *inen botlady* и т. д. И неслучайно, что в туркменском языке вопрос *kim?* (кто?) задается по отношению к именам существительным, обозначающим только человека, а все остальные одушевленные предметы (т.е. все представители животного мира), наряду с неодушевленными, имеютя ввиду под вопросом *name?* (что?).

Слова *ölmek* (умереть) и *öçmek* (угасать) этимологически тесно связаны друг с другом, что также позволяет говорить об отождествлении в далеком прошлом человека и огня.

Как показывают результаты археологических раскопок проф. В.И.Сарианиди в Маргиане, основными объектами поклонения у древних маргушцев были огонь и вода. Отголоски этих древних верований сохранились в туркменском языке в виде устойчивого сочетания

"*Ot belasyndan, suw belasyndan [Taňrynyň] özi saklasyn!*" ("Да сохранит нас [сам Тангры] от ужасов огня и ужасов воды!"). Эти слова, как правило, включаются в состав большой молитвы (*töwir*), которая совершается старшим по возрасту после обильной трапезы. В народе до недавнего времени старшие (*ýaşuly*) учили младших (*ýaskiçi*) обязательному приветствию, когда последние направляются за водой к большим проточным водоемам (*çay, ýar, aruk*). Это приветствие заключается в словах "*Essalamaleykum, Suw aga!*" ("Здравствуйте, дядя Вода!").

На основе анализа конкретных языковых фактов в докладе рассматриваются некоторые другие вопросы этого перспективного и многообещающего направления, отдельные аспекты которого нашли своё отражение в ранее опубликованных работах автора.

Муратгелди Соегов (Туркменистан)

ЦИВИЛИЗАЦИИ МАРГИАНЫ И ХАРАППЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Туркменистан и Индия – родина древнейших цивилизаций. Открытие в 20-30-х годах XX века в результате археологических раскопок английским ученым Джоном Маршаллом культуры древней Хараппы, а также в конце этого же столетия российским ученым Виктором Сарияниди на территории независимого Туркменистана культуры древнего Маргианы, позволяет проследить исторические корни взаимосвязей двух древних народов.

Сравнивая остатки Хараппы и Мохенджо-Даро – центральных городов цивилизации долины Инда, а также столичного города Маргианы Гонур-депе можно убедиться, что между этими двумя цивилизационными центрами существовали достаточно близкие контакты.

В эпоху Маргианской и Хараппской цивилизации население занималось земледелием, скотоводством и ремеслом. Если туркмены вывели сорт белой пшеницы, то индийцы впервые в мире начали возделывать хлопковое волокно и сахарный тростник. Печати из Алтын-депе и Гонур-депе свидетельствуют о культурных связях между древними туркменистанцами и населения Хараппы. Найденная в 2004 г. В.И.Сарияниди в дворцово-храмовом комплексе Гонур-депе печать с древнеиндийской надписью и с изображением слона (этим печатям штамповали свои товары хараппские купцы) ещё раз свидетельствует о близких торговых связях населения Маргианы и Хараппы.

Многие туркменские племена, заселившиеся в разные исторические эпохи территорию Индии, внесли свой огромный вклад в обогащение местной индийской культуры, в развитие науки. Арийские туркмены одни из них. После падения Хараппской цивилизации арийский период можно считать важной эпохой в взаимодействии туркменских и индийских народов. Сапармурат Туркменбаши Великий в священной Рухнама, подчеркивая происхождение слова «эр» от слова «ары», облегчил изучения арийской проблемы. Арийцы примерно в XV в. до н.э. проникали в Индию. Следы арийцев можно увидеть в Передней Азии, на Кавказе, в южнорусских степях, Центральной Азии (особенно в Туркменистане), и это усложняет изучение арийской проблемы. Ученые разных стран старались найти прародину арийцев в своих государствах. Между тем, большинство специалистов склоняются к мысли, что прародиной ариев является Туркменистан. Именно отсюда они расселялись в другие страны. После определения В.И.Сарияниди место ариев в Маргианской культуре прибавились доказательства, подтверждающие гипотезу о переселении ариев в Индию именно из Туркменистана.

**Джепбаргулы Хатамов,
Джумамурад Гурбангельдыев**
(Туркменистан)

ОАЗИСНАЯ СРЕДА НА ПОСЕЛЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА ГОНУРДЕПЕ

Археоботанические и археозоологические исследования, проведенные на цитадели Северный Гонур, предусматривают проникновение в природу оазисной среды Маргианы в период первоначального заселения региона.

В 1989 г. южном склоне Северного Гонура была произведена шурфовка (6 x 6 м). Сейчас ситуация вокруг места шурфования прояснилась в результате недавних раскопок, проведенных Виктором Сарияниди. Место шурфа находится на территории раскопа 9, в северном Храме Воды. Шурф расположен в пределах территории внутреннего двора, возле помещений 33, 34 и 35.

При шурфовании 1989 г. было установлено семь стратиграфических слоев. Три с половиной метра превосходно напластованных отложений покоятся на стерильном песке, охватывая время от самого раннего периода заселения Гонура до конца его освоения на северном холме (периоды Намазга V и Намазга VI). Вероятно, строительство комплекса 33-34 раскопа 9 относится к верхним слоям шурфа (слои 4-5), так как стены строительного комплекса 33-34 были возведены на скопившихся слоях строительного мусора. На нижних уровнях шурфа отложения были особенно богаты органическими материалами — обугленными семенами, древесным углем и множеством костей животных из остатков пищи. Возможно, такое количество мусора накапливалось внутри основного укрепленного строительного комплекса в северном направлении в самый ранний период обживания цитадели.

Исследование самого нижнего песчаного слоя наводит на мысль о том, что поселение Гонур было заложено на песчаной засушливой равнине, где не было даже сорной травы. Вероятно, растительность Маргианы до заселения цитадели была похожа на невидоизмененную пустынную и дельтовую флору саксальной пустыни с толстым тугаем вблизи естественных протоков Мургаба.

Археоботанические и археозоологические данные шурфовки показывают, что при изначальном освоении Гонура, вся окружающая среда была трансформирована в ирригационную, культивированную равнину. На это указывают обилие зерновых культур и полевой травы, полученные при шурфовании и определенные Наоми Миллер. Эти растения, извлеченные из самых нижних культурных слоев шурфа, типичны для традиционных ирригационных оазисов Центральной Азии. Остатки фауны из шурфа, определенные Кэтрин Мур, указывают соотношение этих отпечатков с образцами как домашних, так и диких животных пустыни, потребляемых в пищу на всем протяжении культурной последовательности.

Окружающая среда Маргианы была преобразована в прошлом путем удаления тугайных зарослей и создания водных каналов для поддержки земледельческих площадей. Данные, полученные при шурфовке Северного Гонура, говорят о том, что с самого раннего периода широко распространившегося освоения этой территории (примерно 2400 г. до н.э.) поселенцы создали земледельческий оазис, который был особенно богат и продуктивен как для разведения земледелия так и выпаса скота.

Фредерик Хиберт (США)

АНТРОПОМОРФНАЯ ТЕРРАКОТА ПЕРИОДА НАМАЗГА V: ТИПО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Терракотовые антропоморфные статуэтки периода Намазга V повсеместно встречаются в середине бронзового века на различных городищах Центральной Азии. Они рассматриваются как религиозные элементы, относящиеся к культу плодородия, распространенному как на древнем Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии. С точки зрения типологии, антропоморфные статуэтки Маргианы в период Намазга V очень похожи друг на друга и представляют собой определенную аналогию. Они изготовлены стандартным способом и мы можем четко различить цепочку производственного процесса для различных частей тела.

Можно выделить как минимум два основных типа: стоячие и сидячие статуэтки. Среди сидячих наиболее распространены женские, в то время как мужские изображения в основном стоячие. Как мы можем наблюдать по этим фигуркам, у земледельцев Центральной Азии периода Намазга V культ богини-матери занимал важнейшее место среди древних верований, а его корни уходят в предыдущие периоды Намазга I-IV.

Рухолла Ширази (Иран)

**SURATLAR
PLATES
ИЛЛЮСТРАЦИИ**